

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КОНАН

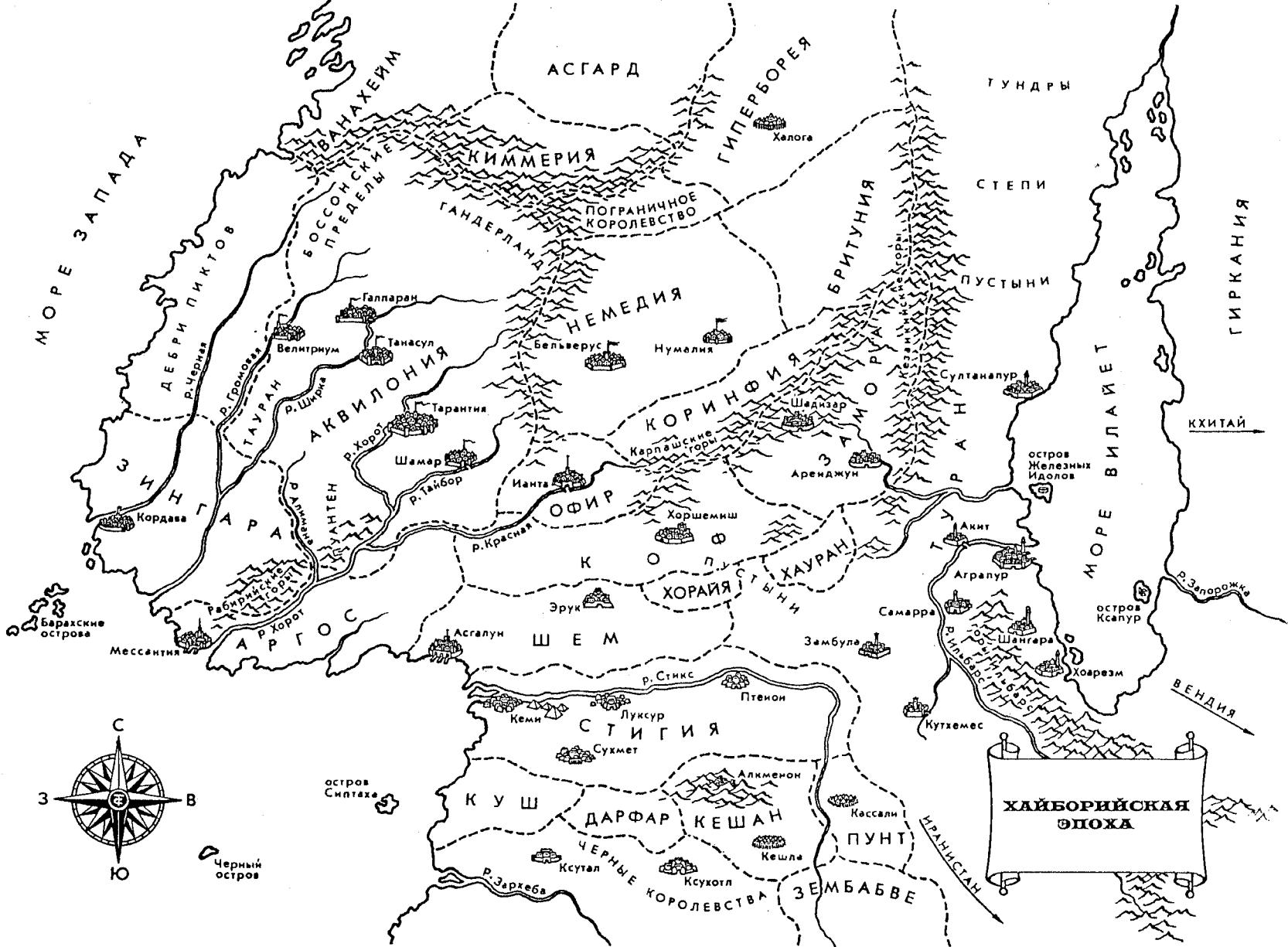
У ВОРОТ ЗЛА

Роланд
Грин



Никто не знает,
кем были созданы
эти врата, но сквозь них
в Хайборию всегда
приходило зло.

АББУКА
Family





МЫ ВМЕСТЕ!



Роланд Грин

КОНАН

У ВОРОТ ЗЛА



Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
Санкт-Петербург
1996

ББК 84.7 США
Г 85

Roland Green. Conan at the Demon's Gate.

Copyright © 1994 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод Е. Хаецкой.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0009-5

Пролог

Дэбри Пиктов, правление Конана Второго, известного под именем Конн.

Меня зовут Нидарос, я сын того, кто не удосужился со мною познакомиться. Впрочем, вероятнее всего, это был человек благородного происхождения, кошелек его был полон, а влияние при дворе значительно. И то и другое былопущено в ход, дабы обеспечить мое продвижение. В противном случае мне наверняка была бы уготована участь в рядах охранников Десятой Черной Реки вместо того, чтобы стать полководцем, от которого зависит ход всей кампании.

На границах Дебрей Пиктов патрули, расположенные вне нашей линии укреплений, ждут весны. Пикты в их родных лесах — нелегкая добыча. Даже когда пикты не высовываются и сидят тихо по своим норам, нашим воинам приходится несладко — выматывают лютый холод и

снежные бураны. В шестой год правления Конна, сына Конана, короля Аквилонии, Великого Графа Пуантена, лорда-протектора Боссонии и носителя множества других титулов, которые мы здесь не приводим, дабы не обременять читателя, весна наступила рано. Было решено (я не знаю кем, да и вряд ли это играет какую-либо роль), что с наступлением тепла мы сразу же начинаем патрулирование.

Я перевел взгляд с неба на лицо посланника (офицера элитных Черных Драконов королевской гвардии), а затем снова взглянул на небо.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Земля еще недостаточно просохла, чтобы солдаты могли идти след в след.

— Раскисшая почва, похоже, пиктов не останавливает. Они уже успели совершить несколько набегов на фермы Серебряного Ручья.

Про себя я от всей души пожелал, чтобы демоны забрали с собой и Серебряный Ручей, и всех тамошних колонистов. Хоть убей, не могу поверить, чтобы в Пуантене нашелся такой уголок, где народишко был бы столь скудоумен и жил столь густо, что согласился бы бежать сюда и начал бы обзаводиться здесь хозяйством. Ведь самому последнему деревенскому идиоту, с трудом утирающему себе слюни, известно: в здешних краях каждую минуту можно ожидать, что из-под земли выскочит пикт и харкнет прямо в миску с ужином.

Казалось, посланник прочел мои мысли. Он покрутил у меня перед носом пергаментом с королевской печатью. Я не сомневался в том, что пергамент подлинный, потому что слишком хорошо знал, каковы умственные способности тех, кто отдал этот идиотский приказ.

— Приказано — сделаем, — сказал я. — Но раскисшая земля — это такая штука, которой даже десять генералов из десяти королевств не могут приказывать. Тут уж ничего не изменишь. Там, где легко бежит босоногий пикт, тяжеловооруженный солдат в своих говнодавах проваливается по самые яйца.

— Касательно обмундирования патрульных никаких приказов отдано не было, — сказал посыльный. — Равно как и о ваших маршрутах.

Должно быть, я с шумом выпустил воздух. Да и было чему удивляться. Передо мной стоял Черный Дракон, у которого, казалось, варили котелок. Согласитесь, это такая же диковина, как двухголовый теленок или младенец, у которого вместо одной руки птичье крыло. Проклятый посланник и это, похоже, усек, потому что осклабился и пожал плечами.

— Один из моих родственников воевал с пиктами, когда Конан Великий заправлял всеми делами на границе, — сказал он. — Так вот, тот родственник впоследствии, сидя у огонька, трепался об этом не переставая. Тогда я был еще сопливым пацаном, но и сейчас не все перезабыл.

— А я прекрасно помню, чтосталось с теми из моих друзей, кто воевал, когда земля была уже суха, и кого угораздило нарваться на ватагу озверевших дикарей, — сказал я. А потом я добавил еще несколько деталей, ожидая, что этот человек побледнеет и начнет извиняться. Начиная с тех войн, которые Конан вел в начале своего правления, Черные Драконы только тем и занимались, что ошивались при дворце. По всему видно было, что стоящему передо мной хлыщу за всю его убогую жизнь (а отравлял землю он лет на десять меньше моего) вряд ли довелось хорошенько помахать мечом, хлебнуть пота и кровушки дальних походов, потешить душу и тело в лихих набегах. Сопляк!

Однако вместо того, чтобы побледнеть, эта зараза вдруг кивнула:

— Я никогда не сомневался в том, что мой родственник говорит правду. Но согласитесь, слышать и видеть — это не одно и то же. — Он нахмурился. — В ближайшем форте у меня есть еще одно поручение. Если ваши люди не будут отосланы, когда я вернусь, я могу поехать с вами?

— Ну, если вы сами себе хозяин... — начал было я.

— Вот именно, — сказал он.

Я заподозрил, что он прислан шпионить. Только непонятно откуда. То ли из штаба, то ли аж от самого двора. Да и брать его с собой, по большому счету, мне не хотелось. Я ведь так просто сказал, больше из вежливости. Своим

людям (наполовину боссонитам, наполовину наемникам-гандерам, сливкам «общества») и своим сержантам я верил, как самому себе.

Впрочем, какая разница. Один хрен: к тому, кто нанял этого парня, кто бы он ни был, вряд ли уйдет неблагоприятный отчет. Если удача повернется к нам лицом, все будет в порядке. Ну а в случае, если нам придется созерцать задницу этой самой удачи, то вряд ли кто-нибудь вообще вернется назад из этих проклятых Дебрей.

Да и видок у этого типа такой, что не стыдно его принимать в наши ряды. Когда я в первый раз его увидел, прикинул: он, должно быть, гандер. А то даже и киммериец по крови, если судить по росту и ширине плеч. Правда, волос под мокрым капюшоном разглядеть не удалось, равно как и цвет глаз. Слишком уж темно у меня в хижине.

Кольчуга на нем была, на мой взгляд, очень даже справная, да и меч с кинжалом, что болтались у него на поясе, были такие, что и на параде хороши, и в бою неплохи. Что до его кавалерийского обмундирования, то видно было — парень этот уже долго и упорно хлопал задницей по седлу. И небось еще и дрался по дороге. В общем, об его одежонке одно можно сказать: ежели какому-нибудь пикту пришла бы в голову мысль пустить в него стрелу, стрела бы, конечно, этого типа достала; а потому как стрела его таки не достала, можно судить, что мужик он довольно удачливый. А коли он удачливый, то и

я ничего не теряю, выказав к нему толику доверия. Тем более что, судя по всему, первый урок насчет того, что и почем на границе, кто-то когда-то этому парню уже преподал. Так что есть надежда, что удастся обучить его и всему остальному. Если выживет, конечно.

— Ладно, мне-то что. Хочешь с нами ехать — так поезжай. Но в этом случае поторопись. Не просиживай задницу в том своем форте. Если нам повезет и мы двинемся быстрым маршем, то, глядишь, удастся накрыть пару-другую охотничих партий этих лесных голодранцев. Вообще-то, пикт в бою, прямо скажу, не подарок. Однако если у него давным-давно в брюхе пусто, то у могучего воина появляется какой-никакой шанс его одолеть.

В качестве пожелания безопасного путешествия и хорошей охоты, которая ожидает нас впоследствии, мы распили остатки вина, которые извлекли, чтобы угостить гостя. После чего второй сержант потащился показывать Дракону его лошадь, а первый и третий разошлись по своим делам.

На западном горизонте крепостными башнями клубились грозовые облака, когда наконец поутру мы наткнулись на пиктов. Хотя, если по правде, это они выследили нас.

Нас было значительно меньше, чем их. Всего-то человек двадцать... Возглавлял патрульный отряд я, поскольку настала моя очередь. И еще

этот Сарабос из Черных Драконов, который поперся с нами потому, что вожжа ему под хвост попала. Мне, понятное дело, не улыбалось ехать с отрядом, где кроме меня есть еще один лидер. Впрочем, я рассудил, что на время экспедиции на титулы Сарабоса можно наплевать. Здесь не спальня дворцовой потаскухи, тут он обычный кандидат в трупаки.

Однако, когда пикты ударили, мои люди с готовностью кинулись подчиняться ему, как распоследние шлюхи. А ударили пикты аккурат после того, как мы разбили лагерь на открытом пространстве, у подножия мрачной скалы.

Удали эти дети греха так. Выскочили из леса с воем и криком таким, что мертвого способен поднять из земли, а живого туда уложить. Пикты бежали, осыпая нас дождем стрел и дротиков. Зная, что наши луки ничуть не уступают по дальобойности их, сучьи дети ползли, пока не выползли на нашу поляну, и только после этого ломанули. Подобраться так близко они смогли лишь потому, что только кошки сравняться с пиктами в умении бесшумно пробираться по местности. Так что не подумайте, что мы слепые и глухие растяпы. Кто служил на пиктской границе, тот нас поймет.

Наши лучники едва успели сделать по одному выстрелу, как пикты уменьшили их число раз этак в пять. Пикты по старинке используют для стрел кремневые наконечники. Смешно, конечно, но попробуйте это сказать тому, кому подоб-

ная «детская игрушка» попала в брюхо. То, что мы мало пострадали от пиктских стрел, так это нужно сказать спасибо прочности нашей брони, но отнюдь не убогости пиктского оружия.

Пикты были из двух разных кланов. И уж как это всегда в таких случаях водится, один клан атаковал немного раньше другого. Это сыграло нам на руку. Мы были вовремя предупреждены, и нас не успели окружить. Хотя от окружения мы были на самый тонкий волосок из гривы новорожденного жеребенка. Мы повернули и рванули прямо по вереску в поисках более подходящего места для обороны. Не торчать же нам, в самом деле, на открытом пространстве, как репам из грядки.

Наши лучники, надо сказать, с честью показали себя во время отступления-передислокации. Им удалось отправить к праотцам с десяток наиболее крикливых из первого клана, не говоря уже о десятках четырех пиктских раскрашенных воинов, которые легли среди кустарника и трухлявых стволов. Мы же в тяжелом вооружении покрыли несколько сотен шагов по пересеченной местности всего лишь за несколько секунд, потеряв лишь одного убитым. Да и того не бросили — унесли с собой. Ранен же никто не был.

И тут нас атаковал второй клан. Эти парни действовали иначе. Не было никакого дождя стрел, а вместо этого они ударили из засады, в мгновение ока наткнувшись на нас почти лоб в

лоб. Как большинство пиктов, они были покрыты перьями, татуировкой, военной раскраской. У некоторых, очевидно для усиления вооружения, были набедренные повязки. Но тем не менее у каждого из этих парней в руках имелись добрые мечи и внушительных размеров ножи из металла, иногда бронзовые или медные — местные, а иногда стальные — трофеинные.

Понятия не имею, как долго продолжалась эта битва. В руках у меня был мой двуручный меч, при мне имелась отличная булава с короткой ручкой, на мне были добрые аквилонские доспехи, а на голове зингарский шлем. Что еще воину нужно? Я сразил достаточно этих раскрашенных сучьих детей, в обмен получив всего лишь две царапины.

Другим повезло меньше. Шестеро из наших погибли, некоторым крепко расковыряли шкуру. Бой окончился в нашу пользу лишь потому (впрочем, так в подавляющем количестве случаев и бывает), что оба клана бросились в бой, не согласовав свои действия. Ну, вы знаете, как это у пиктов. Большинство их вождей скорее сварят и съедят своих сыновей, нежели согласятся подчиняться чьим-либо приказам.

Так было и в этот раз. Среди пиктов, составлявших первый клан, не нашлось ни одного, кто остановил бы лучников. Лучники самозабвенно стреляли и стреляли. Похоже, им все равно было, в кого стрелять. Стрелы поражали как нас, так и воинов второго клана. Наших-то по

большой части спасали доспехи, хотя один гандер умер со стрелой в глазу. А что до наших голозадых противников, то им пришлось туда.

Сарабос бросился в самую гущу схватки с двуручником в одной руке и с кинжалом в другой. Я видел, как он напал на одного пикта, попутно сбоку от него начал оседать второй, тут же отлетела рука у третьего и подломилась нога у четвертого — Сарабос лягнул пикта, как мул. И представьте себе, все это было как бы продолжением одного и того же движения. Вокруг Сарабоса почти тотчас же образовался круг, где оставались лишь мертвые или те, кто готовился вот-вот встретиться с праотцами.

Наконец он бросил свое оружие в ножны, взвалил на плечо павшего гандера точно так же, как мельник вскидывает на плечо мешок зерна, и пошел в сторону утесов, к нашим позициям.

— Я вроде бы слышал, как вы кричали, чтобы мы уходили вон туда, — сказал он мне. — Тут все орали, я сперва не понял. Но наконец разглядел вон ту расщелину с пещерой, что на юге. — И своей длинной рукой, покрытой чужой кровью, он указал мне на ущелье, которое он «разглядел».

Его глаза были острее моих, а уши не могли слышать подобного приказа — я его не отдавал, — однако ж я был ему благодарен (и выразил это кивком) за то, что он спас мой авторитет среди тех моих людей, кто выжил в этом бою. Сам я поехал позади отряда, а впереди дви-

нулся Сарабос со своей печальной ношей. Мы начали подниматься по склону.

Пока мы двигались таким образом, в голове у меня сложился план. Надо добраться до вершины и там зажечь дымные факелы. Факелы должны указать место, где мы встали лагерем. Тем более что уцелевшим пиктам вряд ли в самое ближайшее время захочется штурмовать нас там, на высотах.

У Конана Великого была излюбленная поговорка: «Человек может думать о грядущей битве, как ему будет угодно, но Судьба все равно харкнет ему в пиво». (Хотя он никогда не употреблял слова «харкнет». Он говорил как-то иначе.) Конан никогда не давал понять, что сам придумал эту пословицу. Я тоже весьма сомневаюсь, что этот афоризм был его изобретением. Доводилось слышать, что пословица эта родилась во время войн, которые Кулл-Атлант вел против валузийских змеевлюдей.

А в нашем конкретном случае «плевок в пиво» проявился в виде грозы и бури. Облака опустились на вершины скал прежде, чем мы успели добраться до верха. Когда Сарабос положил на землю убитого гандера, упали первые капли дождя.

Гром с треском расколол небеса над головой. Я поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как молния ударила в вершину холма. Во рту мгновенно пересохло. Если бы мы успели добраться до вершины, в нашей-то металлической

броне, то молния действительно превратила бы нас в дымные факелы.

Я посмотрел вниз по склону, чтобы прикинуть, далеко ли наши преследователи. К моему удивлению, я увидел, как пикты улепетывают прочь, будто мы мгновенно превратились в банду демонов и бросились преследовать ИХ. Пикты так спешили убраться отсюда, что даже побросали захваченное трофеиное оружие. Вы понимаете, какого страха нужно нагнать на пикта, чтобы он поступил подобным образом.

И тут до меня дошло. Возможно, этого НЕЧТО, что нагнало такой ужас на пиктов, и добрым аквилонцам следует опасаться. На лицах людей, стоящих вокруг меня, я прочел те же самые мысли. Однако, к чести моих людей, никто не произнес ни слова, которое позволило бы усомниться в их храбрости. Сохраняя строй, как и подобает настоящим солдатам, мы лезли вверх по склону по направлению к пещере. Наше счастье, что пещера была недалеко, потому что, когда мы были уже рядом, дождь превратился в настоящий ливень. Ощущение такое, будто мы стояли под водопадом. И ничто — ни добрая кожа, ни промасленная шерсть, ни доспехи — не помешали тому, чтобы мы в мгновение ока промокли до нитки.

Последние десятки шагов мы преодолели скорее с поспешностью, нежели с достоинством, почти позабыв о строю. Как только мы оказались внутри и дождь перестал барабанить по

шлемам, я тотчас же расставил людей: часовых ко входу в пещеру, часовых в заднюю часть пещеры (самое сухое и чистое место для раненых), остальным — тем, кто не занят ранеными и не несет стражу, — я позволил раздеться и высушить свое барахло.

Сам я уселся и устроил смотр имеющимся у нас запасам воды и питья. Каждый из нас нес с собой двухдневный паек вяленого мяса и сухарей и по полной фляге воды. Впрочем, с чем, с чем, а с водой сейчас проблем не было. Да и в ближайшем будущем не предвиделось. Даже если пикты отрезали нас от ближайших речек, тут, должно быть, после дождя уйма ручьев. Кроме того, наверняка вода имеется в глубине пещеры, которая, похоже, уходит далеко в глубь скалы. Такие пещеры в Дебрях Пиктов не редкость. Обычно они богаты подземными источниками, как соты медом; и...

— Капитан! Сзади!

Крик исходил от одного из часовых, поставленных в глубине пещеры. Это был наголо обритый боссонит, который вряд ли позволил бы себе проявить замешательство и страх, если бы на то не имелось достаточно веских причин. Я рявкнул приказ, все повскакивали на ноги и приготовились к бою. Затем я пошел к боссониту.

В свете факела я увидел обработанный человеческой рукой камень. С первого же взгляда было ясно, что работа слишком тонкая, чтобы быть никтской, и слишком свежая, чтобы дойти

до нас еще от времен древних хайборийских за-воеваний. Мне показалось, что я могу различить петли, дверные проемы, скамьи и какие-то фигуры, от которых за версту несло нечистой силой. Я зажег еще один факел и тут вспомнил, что факелов-то у нас наперечет. Факел занялся, световое пятно расширилось. Я понял, что ощущение злобности и греховности этих таинственных фигур базировалось не на пустом месте. Мои опасения подтвердились. В этой пещере свили себе гнездо поклонники Сэта. Я узнал стигийские иероглифы, разглядел какие-то таинственные знаки, смысла которых я не знал, да и, честно говоря, не стремился узнать.

Я прошел в глубь пещеры и увидел, что туннель изгибается. Зайдя за поворот, я очутился в чем-то напоминающем зал. Что-то высокое и вертикальное маячило на грани света и тьмы. Я сделал еще пару шагов, и...

— Кром!

Это не было изображением Великой Змеи. Это была фигура воина в натуральную величину, неимоверно могучего сложения, со странным набором оружия и одежды, полурукотским, полу-чернобережным, со здоровенным и широченным хайборийским двуручным мечом.

Не было проблем и с истинным именем этого воина. В трех кампаниях мне приходилось видеть это самое лицо. Только тогда оно было старее, выщупленное годами и непогодой, обрамленное гривой седых волос, с длинными усами и

время от времени с бородой. Но это было то же самое лицо, что и у статуи.

Сзади меня послышалось тихое движение. Так подкрадывается пантера. Я обернулся и увидел Сарабоса. Сарабос стащил свой капюшон. В свете факела я увидел, что волосы его были черны как смоль. Теперь стали видны и его глаза, их цвет. Глаза были голубые. Голубые, как лед, который мне однажды приходилось видеть в Гандерланде. Сейчас эти глаза столь пристально вглядывались в статую, что мне казалось, внутренний огонь заставляет их гореть, подобно углю.

И тут до меня дошло, что не зря я помянул имя верховного киммерийского бога и покровителя нашего старого короля. И еще до меня дошло, что стоящему рядом Сарабосу из Черных Драконов, вне всякого сомнения, тоже с первого взгляда было известно имя того, чья статуя висила перед ним.

Однако одно было непонятно мне, хоть убей: что, во имя всех богов, делает статуя Конана здесь, в пещере, где никогда не ступала нога цивилизованного человека? Что до стигийских колдунов, то их цивилизованность была лишь внешним налетом; ходили слухи, что, по большому счету, они и не люди вовсе.

Внезапно пещера разом перестала казаться убежищем, а дождь — и даже пикты, что находились снаружи, — показались мне куда менее опасными, чем эта пещера.

Глава первая

Черное Побережье, за много лет до описанных событий.

Человек бесшумно скользнул сквозь тень громадных деревьев возле Амфангут, как лев на охоте. И в самом деле, человек обликом своим чем-то смахивал на грозного хищника — бесшумной поступью, гривой черных волос, рассыпавшихся по широким бронзовым от загара плечам, настороженным взглядом зорких глаз, высматривающих то ли жертву, то ли противника. Впрочем, ни у кого из обитателей Черных Королевств не было таких глаз. У крадущегося были пронзительно голубые глаза северянина. Даже настоящий лев почувствовал бы себя под этим взглядом крайне неуютно. Очевидно, великому множеству людей доводилось ощутить на себе леденящий взгляд этих глаз. Те, кто не извлек надлежащего урока и не насторожился при виде этих

холодных глаз, по большей части умерли, так и не дожив до возможности получить повторный урок.

Сейчас этот человек шел от берега реки, где росли могучие деревья, под тенью которых он до сих пор и скрывался. Человек приблизился к небольшой прогалине. Гигантское дерево упало здесь много лет тому назад, сокрушив все, чего только коснулось. Исступленная жизненная сила джунглей уже покрыла мертвое дерево ростками и увила его лианами. Но тем не менее в зеленом пологе крон деревьев до сих пор еще оставался просвет, сквозь который лучи солнца достигали земли.

Идущий человек был от края солнечной прогалины всего лишь на длину копья, когда вдруг внезапно замер, вглядываясь в переплетение лиан. Немалое число тяжелых уроков, преподанных джунглями, наделили этого человека мудростью, и мудрость эта сейчас властно приказала ему: «Стой!» За этой полянкой можно понаблюдать откуда-нибудь с другого места. Оборванные лианы слишком долго будут хранить здесь память о его присутствии.

Вопрос — куда пойти, вправо или влево? Влево, решил он. Это уведет его в сторону от тропы, которая выводит на прогалину с противоположной стороны. За все это время ему доводилось встречаться на этой тропке лишь горстку аборигенов, однако джунгли научили этого человека быть готовым в любой момент встретить смертоносный сюрприз.

Теперь он двигался даже еще более бесшумно и осторожно, чем прежде. Инстинктивное чутье заставило его сойти с мягкого мха, где останутся следы его ног, на более твердую почву. Там ему удалось схватиться за лиану, которая перенесла его над землей на добрые шесть шагов, чтобы сбить следопыта, который, возможно, идет сзади. Лиана подалась под тяжестью этого человека, но не оборвалась. Следов от воздушного путешествия не осталось.

Наконец человек достиг своей цели. Голубые глаза сощурились, когда он рассматривал прогалину. Никаких изменений, никаких движений он не заметил. Человек скорчился в корнях другого громадного дерева и замер. Он был столь неподвижен, что его массивное тело можно было принять за еще один корень дерева.

Окажись поблизости что-нибудь движущееся, и человек, спрятавшийся в корнях, заметил бы это. Однако нужно было принять меры, чтобы обнаружить противника не слишком поздно. На мослатых коленях спрятавшегося лежал двуручный меч. С пояса свисал кинжал, а к одному из корней были прислонены два самодельных копья. И если бы кто-нибудь оказался в непосредственной близи от сидящего в корнях человека, мечу и кинжалу или копьям (а может быть, и тому, и другому, и третьему) довелось бы испить человеческой крови.

В этом человек также напоминал льва. Кстати, и звали его в этих краях Амра — Лев. Имя,

по праву заслуженное в битвах. Хотя сам человек не давал себе труда особенно долго помнить обо всех этих битвах.

Его настоящее имя было иным. Оно полностью соответствовало его северным глазам. Звали человека Конан, а земля, давшая ему жизнь, была каменистая и холодная Киммерия.

Кубванде, сын Д'Бено, носил головной убор, а также полосатую набедренную повязку из шкуры зебры. Это указывало на его принадлежность к икако — бамульский титул, означающий нечто вроде «младший военный вождь».

У Кубванде также имелся крепкий щит, обтянутый шкурой кабана, два копья с острыми наконечниками из железа, добываемого в здешних Пределах, и верная боевая дубина с вырезанными на ней знаками, охраняющими против колдовства. На лодыжках Кубванде носил браслеты из перьев птиц, умерщвленных ягодами и корнями, о которых знают лишь бамульские колдуны.

Кубванде надеялся, что сегодня еще до заката все это оружие ему понадобится.

И не только потому, что сегодня предстояла охота на дикого кабана. Само собой, кабан свиреп и опасен, и во многих хижинах недосчитываются мужчин после схватки с бешеным зверем. Но дело было не только в этом. Нынче Кубванде шел на охоту вместе с квамо (великий военный вождь) Идоссо.

Квамо отнюдь не слыл смертельным врагом Кубванде, поскольку даже Идоссо понимал, что человек должен время от времени спать. Пока человек спит, он должен быть уверен, что тех, кто желает его смерти, достаточно мало, дабы одолеть тех, кто поставлен охранять спящего. Вовсе не было секретом между двумя воинами, что Идоссо мечтает стать следующим военным вождем бамула, а Кубванде хочет, чтобы военным вождем стал кто угодно, но не Идоссо. Однако это разногласие до сих пор еще не приводило к военной усобице между ними. Более того, Кубванде с готовностью бы принял Идоссо, кему и боги, и люди возносят почести, если бы... Если бы он прислушался к совету Кубванде.

Кубванде все еще думал о том, какую пользу можно извлечь из охоты на кабана в обществе Идоссо. Идоссо был велик ростом. Лишь немногие из народа бамула могли сравниться с ним статью. И сколь велик ростом, столь он был и силен; нрава же был свирепого, но не без хитрости и коварства. Опасный человек. Об этом свидетельствовали проломленные и вываженные черепа врагов, выставленные перед хижиной Идоссо на всеобщее обозрение — для назидания.

Будучи от природы человеком неглупым, Кубванде надеялся сохранить на плечах свой собственный череп. А это означало избегать прямых стычек с Идоссо до тех пор, пока он, Кубванде, не будет уверен в победе над ним.

А впрочем, столь ли опасна борьба с Идоссо? Кубванде знал, что у Идоссо имеются кровные враги среди родственников тех, кого он сразил. У этих родственников, возможно, не хватит силенок самим сразить Идоссо. Но кое у кого из них имеется влияние на более сильных военных вождей. Кроме того, как ни крути, а Кубванде — это не какая-нибудь девчонка-сирота, забава мужчин, а могучий воин, куда более полезный для племени живым, чем мертвым.

Конечно, все будет именно так, как пожелают боги. Однако Кубванде был из тех, кто предпочитает самостоятельно распоряжаться собственной жизнью и планировать ее по-своему до тех пор, пока боги не выразят прямо противоположного желания. Ну а сегодня он хотел, чтобы охота была успешной, чтобы удалось взять жирного кабана и чтобы после охоты было ширчество с жареной свининкой, чей запах и вкус даже мерзостное присутствие Идоссо не в состоянии будет испоганить.

При этих мыслях Кубванде облизал губы, нацелил воображаемое копье на воображаемого кабана шагах в пятидесяти справа, метнул — и оружие глубоко ушло между щетинистыми лопатками зверя. Кабан сделал два шага, затем упал на колени, перевернулся на бок и издох.

— Кубванде! — окликнул его Идоссо. — Мы в мире с Рыбоедами?

Кубванде не ответил, но ощущил стыд. Настоящий воин не должен позволять глупому воображению брать верх над волей и рассудком.

— Опасность от Рыбоедов невелика, — отозвался наконец Кубванде. — Кроме того, я думаю, что после нашей битвы с ними они еще слишком тощи желудками, чтобы отважиться на новую.

Идоссо ухмыльнулся, показав передние зубы с ритуальными надписями, указывающими, что их обладатель убил льва копьем. Именно Идоссо в последний раз водил племя бамула на Рыбоедов и собственными руками сразил шесть вражеских воинов.

Кубванде подумал, что человек, столь подверженный лести и хвастовству, вряд ли подходящая кандидатура для военного вождя. Впрочем, военный вождь со слабостями — это тоже полезно.

Настало время оглянуться назад. Кубванде и шестеро других воинов замерли, обернувшись назад к тропе и подняли копья. Один из охотников дунул в костяной свисток. Переливчатый свист вызвал ответный пересвист всевозможных птиц, однако в поднявшемся гвалте не было слышно ни людских голосов, ни воя духов.

Завершая ритуал, Кубванде поднял свою боевую дубину, трижды крутанул ее над головой и метнул в сторону тропы. Дубина ударила в дерево с такой силой, что отскочила назад и упала почти к его ногам.

Все приметы были самыми лучшими. Ничто не указывало на то, что впереди может ожидать нечто, чего следовало бы опасаться. По крайней мере, во время охоты на кабана.

Киммериец мог беспробудно дрыхнуть в любое время дня и ночи так же легко, как матерый котище. Но сейчас, устроившись среди корней дерева, он продолжал бодрствовать, наблюдая за прогалиной. Дело в том, что место, где расположился Конан, не было одним из его постоянных охотничьих лежек, каждая из которых была самым тщательнейшим образом выбрана, а затем окружена всевозможными ловушками, так что никто не мог пройти мимо незамеченным. Здесь же, в чужом месте, приходилось оставаться настороже.

Конан находился в полудне пути от самого ближайшего из своих убежищ. Сейчас он был на территории племени, называемого Рыбоедами. И хотя Рыбоеды вряд ли могли представлять угрозу для него, пожелай они даже его смерти, тем не менее следовало и их принимать в расчет. Известно ведь, что страх даже слабых делает смертельно опасными.

Кроме того, и народ бамула повадился шляться по землям Рыбоедов, как по своим собственным. На Черном Побережье к бамула относились с почтением. Конан знал о народе бамула только от их врагов. Те, с кем он разговаривал, были воины на борту «Тигрицы», враждебные

народу бамула. Бамула предлагали за этих воинов хорошую цену или что-то вроде этого, так говорила Бэлит, но она отказалась. «Я ни одного не продам бамула, — добавила Бэлит. — Если я и стану иметь с ними дело, я буду ПОКУПАТЬ. И платить буду той монетой, которой обычно расплачиваюсь со стигийцами».

Кровь и сталь, смерть и страх были монетой, которой Бэлит обычно платила стигийцам. Платила до тех пор, пока не встретила свой собственный конец. Теперь волны несут ее пепел вместе с обломками корабля; а в джунглях по берегам реки Зархеба лежат кости отчаянной команды рубак и сорвиголов. Тех, кто был когда-то товарищами Конана.

С Бэлит его связывало нечто большее, чем постель. Хотя и одних только воспоминаний о том, какова была Тигрица в постели, было бы довольно, чтобы заставить мужчину не спать ночами. Для Конана это была идеальная подруга.

Душа Бэлит отнюдь не похожа на ее имя. Ее закаленное в боях тело никогда бы не вызвало мыслей о сладостных объятиях. И дикие черные воины Бэлит меньше всего были похожи на тех солдат, которыми был призван командовать северянин Конан.

Это было славное время, но теперь оно ушло в прошлое. Впрочем, сыну Киммерии не пристало тратить много времени, оплакивая то, что кануло в небытие, — суровая и скучная северная

земля представляет мало радостей, а любовь Бэллит была одна из них. Более того, Конан отправил Бэллит домой, в океан, на корабле, которым она так гордилась и за который так боялась, — на корабле, имя которого наводило такой ужас на стигийские берега.

Погибли все. Но когда Конан подносил факел к «Тигрице», уже тогда он знал, что много времени пройдет, прежде чем он ступит на борт другого корабля. С воспоминаниями и с оружием, со сведениями о Черном Побережье, полученными от товарищей на борту «Тигрицы», и с навигационными приборами в мешке через плечо Конан отправился в глубь суши.

Звуки шагов, которые мог издать лишь охотник, человек или животное, положили конец невеселым раздумьям. Конан лишь слегка повернул голову. Теперь ему не нужно было двигаться, чтобы вся прогалина оказалась в поле зрения.

Шаги все приближались, легкие и уверенные. Конан послюнил палец и поднял его, чтобы определить направление слабого ветерка. Палец подтвердил то, что уже сказали Конану его уши: чужаки движутся по тропе.

Теперь уже и на слух он мог определить их количество. Трое или четверо, не больше... Так что опасаться нечего. Даже если это и не Рыбёды.

Конан ждал. Если бамула в своих охотничьих экспедициях осмеливаются так далеко заходить

на земли Рыбоедов, то знать об этом весьма полезно. Начинать воевать с ними бессмысленно. Это только в детских сказках герой один-одинешенек громит целое племя. Похоже, приходит конец мирному и безмятежному одиночеству здесь, в джунглях Черного Побережья. Этот этап жизни уходит в прошлое, как ушла в прошлое Бэлит.

Три женщины вышли на прогалину. Каждая несла на голове сосуд, а на бедре корзину. Корзина висела на ремне, переброшенном через плечо. Кстати, ремнем весьма затруднительно прикрыть пышный бюст. Именно это изумленный киммериец и наблюдал. Незнакомки удосужились прикрыть телеса лишь короткими передничками. Судя по всему, женщин подобный наряд нисколько не смущал. Впрочем, хорошо сложенная бабенка не может оскорбить своим видом глаз мужчины, неважно, какого цвета у нее кожа.

Женщины сняли сосуды, отвязали корзины и составили их кругом посреди прогалины. Затем они встали на колени и семь раз поклонились. В ушах каждая носила золотые серьги, сверкающие на солнце. В носу одной из женщин было кольцо из золота и слоновой кости.

Женщины поднялись на ноги. Их груди вздрагивали и покачивались. Зрелище было столь соблазнительным, что, наверное, должно было заставить даже каменную статую широко распахнуть глаза и отвесить челюсть. Конан, за-

мерев в корнях могучего дерева, недоумевал: чего они ждут? На что они надеются?

Он решил, что пока не стоит вылезать из укрытия. Вряд ли последует теплый прием, если девахи сначала перепугаются до полусмерти.

Конан продолжал наблюдать. Стояла тишина, нарушаемая обычными звуками джунглей. Конан отметил про себя, что девушка с кольцом в носу носила также убор из синих перьев, который колыхался в ее волосах. В этот момент появилось нечто новое, о чем Конану мгновенно подсказали его обостренные инстинкты.

Тишина была слишком долгой и стала абсолютной. Исчезли даже обычные звуки джунглей. Впечатление было такое, будто приближается нечто неизвестное или враждебное.

Ни Конан, ни девушки не делали ничего, чтобы пробудить джунгли к жизни. О том, что поблизости возникло новое живое существо, говорило очень мало. Однако и тех немногочисленных признаков, что наблюдались (или ощущались), было довольно, чтобы заставить Конана выскользнуть из его убежища, на ходу поднимая копье. Движения его были столь плавными и беззвучными, что им позавидовала бы и змея; ясное дело, женщины Конана не заметили.

Затем какой-то звук, никогда не слышанный киммерийцем прежде, заставил женщин встрепенуться. Мгновение спустя они исчезли на тропе так быстро, что Конан лишь успел уловить мелькание юбки последней из них.

Если бы не сосуды и корзины, брошенные в прогалине, Конан мог бы подумать, что женщины приснились ему. Что это просто сон, какой бывает от плохого вина или на пустой желудок, хотя вина в этих джунглях отродясь не было. Впрочем, пиво, что стряпали здешние аборигены, вполне подходит для пересохшей глотки настоящего мужчины. А вот пустой желудок — дело другое. Брюхо великана-варвара, как назло, выбрало именно этот момент, чтобы злобно зарычать. Будто напоминало хозяину о том, что пришла пора подкрепиться. Желудок куда лучше хозяина понимал, что в здешних дождевых лесах животные погибают быстро и еще быстрее становятся мерзкой тухлятиной.

Мысли о пиве поневоле заставили Конана вернуться назад, к сосудам. Киммериец считал, что никакого вреда не будет, если он посмотрит, что там такого позабыли женщины. Ну а если находящаяся в сосудах пища выглядит подозрительно, то, хвала богам, тут, в джунглях, тьматающая обезьян. Надо только набраться терпения, подождать и посмотреть, пригодна эта пища для еды или нет.

Взгляд Конана бесцельно блуждал по прогалине в тот момент, когда он начал пробираться к корзинам. Длинные руки Конана тихо и бесшумно отодвигали ветки, сучья, листья. Наконец беззвучно, как тень, он выскользнул на прогалину и потянулся к корзинам и сосудам. Замерев на мгновение, он протянул к ним руки. Схватив од-

ной рукой корзину, другой — сосуд, Конан быстро стал отодвигаться назад, под сень деревьев. Его движения в точности повторяли путь, каким он здесь появился. Было впечатление, что гигантский паук движется по нити своей паутины.

Теперь, оказавшись в тени деревьев, невидимый с прогалины, угнездившись на своем прежнем месте, в корнях могучего дерева, Конан сорвал крышку с сосуда. Содержимое пахло вроде как пивом. По крайней мере, это было достаточно похоже на пиво. Более того, когда Конан осторожно сунул в кувшин палец, продукт на ощупь тоже был в точности похож на пиво. Конан вытащил руку из сосуда и лизнул палец...

Именно в этот момент в глаза киммерийца бросились знаки на корзине и на сосуде. Вернее, это был один и тот же знак. Конану он был знаком. Этот знак Рыбоеды ставили на подношения Неизвестному Духу. Племя поклонялось пяти богам, каждый из которых имел собственный знак. А еще имелся шестой знак для всех прочих духов, добрых или злых.

Пиво и еда, состоящая из фруктов и сушеныей рыбы, были бы отличным подспорьем к скучному рациону Конана. Какая разница, что они украдены прямо, что называется, из-под носа у бога! Тем более что и бог, судя по всему, неизвестный.

Не будучи любителем жрецов, да и вообще мало веря во всю разведенную вокруг богов ахи-

нею, киммериец сомневался, что богам есть какое-то дело до всех тех глупостей, которые устраивают в их честь люди. Когда он как-то разговаривал с Бэлит о богах, он не кривил душой, заявляя: «У них свои дела, у меня — свои. На тени-то я им не наступаю». Вот и сейчас Конан сомневался, что своей маленькой кражей серьезно ущемил чьи-то интересы.

В мире были мудрые воры и глупые воры. А Конан только потому сейчас бродит по лесам Черного Побережья, что много лет тому назад в Зингаре уяснил себе разницу между теми и другими.

Вот и теперь, сидя под корнем гигантского ствола, Конан решил в очередной раз быть мудрым вором и вернуть подношение туда, откуда взял. Ущемил не ущемил, а на тени наступать не стоит.

Конан было привстал, собираясь снова выбраться на прогалину, когда откуда-то со стороны тропы раздался женский крик. Затем Конан услышал боевые кличи — некоторые бамульские, некоторые на незнакомом ему языке, свирепое ворчание. А затем снова вскрик.

Потянувшись за оружием, Конан выронил подношение. Пусть теперь духи подбирают, если им это нужно. Один-единственный прыжок — и он уже над своим убежищем. Лианы, как змеи, обвились вокруг его ног, но он рывком освободился, по-прежнему без шума и почти не снижая скорости.

В левой руке киммерийца было копье, в правой сиял двуручный меч. Варвар устремился по тропе.

Кубванде и остальные воины, заметив внезапно наступившую вокруг тишину, подняли копья и щиты, оглядывая джунгли, готовые встретить врагов или по крайней мере получить ответ. Любопытство буквально голодало их. Однако честь бамульского воителя заставляла их смотреть только туда, куда им было положено смотреть, а не шарить суетливо глазами окрест, как женщинам.

Только когда Идоссо выкрикнул: «Всем вперед!» — только тогда замыкающие воины отвели свой взгляд от оставшейся за отрядом тропы. А затем от любопытства у Кубванде, казалось, выросли на ногах крылья, когда он со своими людьми помчался на помочь Идоссо.

Правда, поначалу было не совсем ясно, отчего это старшему вождю вдруг понадобилась помочь. Правой рукой вождь держал женщину из племени Рыбоедов за носовое кольцо, левой же ухватился за юбку. Рядом кряжистый воин оседлал еще одну бабенку. Видимо, он здорово успел потрудиться, поскольку деваха лежала полностью голой, если не считать ремня вокруг ее запястий. Пыхтя, воин уже приготовился скрутить пленнице и лодыжки.

— Идоссо, должно быть, для народа бамула наступил черный день, если такому воину, как

ты, требуется помочь, чтобы управиться с двумя Рыбоедками! — заметил Кубванде. Грубой шуткой Кубванде хотел показать старшему вождю прямоту и искренность своих намерений.

Женщина в руках Идоссо тщетно пыталась вырваться. Вот она наконец резко откинулась назад, умудрившись ударить ногой могучему воину в пах. Удар вышел хлестким и сильным, у Идоссо с губ сорвался хриплый стон. Однако руки вождя, подобно двум крепким бревнам, даже не дрогнули.

У Кубванде захватило дыхание. Ему доводилось слышать о том, что Идоссо проделывал с пленными женщинами, если его разъярит.

— Их там было три, — сказал Идоссо. — Три женщины. Они совершали подношение Неизвестному Духу. Затем их что-то напугало. А что именно, они мне не говорят.

— Если для них это столь же опасно, как и для нас, они скажут это и без пытки. Если это опасно только для нас, они, скорее, предпочтут умереть, не сказав ни слова.

— Дай только время, — проворчал Идоссо. — Все скажут, как миленькие.

— Может пройти слишком много времени, прежде чем они заговорят. Не забудь, что одна удрала и теперь мчится предупредить своих, — заметил Кубванде. — Впрочем, это просто Рыбоеды...

Женщина на земле отпустила грязное предложение насчет того, что Кубванде может сде-

лять со своей мужественностью. Женщина в руках Идоссо, похоже, была готова плюнуть кому-нибудь в лицо. Кубванде надеялся, что у нее хватит ума этого не делать.

— ...а один бамульский воин равен десятку воинов-Рыбоедов. Но мы так далеко забрались на их территорию, что они могут напасть десять раз по десять на каждого из нас. Тогда все, что мы получим, — молитвы над нашими костями вместо ответа на вопрос о том, что случилось.

— Ты прав. Кости не радуют женскую плоть. — Идоссо отпустил носовое кольцо и схватил женщину за руки. Не обращая внимания на ее рывки и пинки, он крепко сжал оба ее запястья своей гигантской ручищей.

— Ну, девочка, сейчас ты научишься быть ласковой со мной. Говори, что привело тебя сюда и что тебя напугало?

Кубванде увидел, как на лице женщины ненависть сменяется страхом, а страх — сомнением. Наконец в глазах ее явственно зажглась решимость говорить, прежде чем Идоссо сделает большее, нежели легонько вывернет ей руки. По мнению Кубванде, это свидетельствовало о мудрости женщины, особенно если учесть, что она находилась среди бамульских воинов.

— Мы... Мы пришли совершить подношение Неизвестному Духу, принявшему форму человека, — сказала женщина.

— Принявшему форму человека? Когда? Кого такого человека?

Вопросы Кубванде вылетели, подобно копьям, прежде чем Идоссо успел открыть рот.

Идоссо свирепо сверкнул глазами на младшего вождя. Но скучный умом так и не нашелся что ответить. В этот момент неожиданный шок рох заставил всех насторожиться. Затем завеса листвьев справа раздвинулась, и тощий коричневого цвета человек, одетый лишь в грязно-белую набедренную повязку, выпрыгнул на тропу. Кубванде увидел на руках и ляжках человека кровь.

Кубванде также заметил кровь на клыках колоссального вепря, который появился вслед за человеком. Даже воинам народа бамула понадобился миг, чтобы собрать все свое мужество и взглянуть на столь ужасное существо. Вепрь был чудовищен. Высотой в холке он доставал Идоссо до пояса. Цвет щетины показывал на то, что животное находится в том возрасте, когда уже приходят хитрость и опыт, но еще остается сила.

Впереди по тропе из теней появился еще один человек, у которого, похоже, вид вепря не вызвал ни малейших сомнений. Его копье метнулось столь стремительно, что, казалось, не копье это было, а мысль, принявшая форму копья. Ибо не в силах человек метать копье так быстро.

Только движение ноги вепря избавило того от смертельного удара. Копье глубоко вонзилось животному в бок, но не оборвало его жизнь.

Вместо этого внимание чудовища теперь было обращено на вновь появившегося. Вепрь издал страшный хрюкающий рык, в котором слились воедино ярость и боль. Затем вепрь наклонил голову и устремился на копьеносца.

Кубванде поднял свое копье, но обнаружил, что не может совершить броска без опасения попасть либо в одного из бамульских воинов, либо в того человека. В этот момент человек метнул второе копье, целясь вепрю между лопаток. Тут свет упал на незнакомца. Кубванде в первый раз получил возможность рассмотреть его.

Ни кто из отряда бамула, за исключением Идоссо, не мог сравниться с незнакомцем по стати. Волосы его были черны как ночь, но, в отличие от волос аборигенов, прямые и длинные. Кроме того, нигде во всех Черных Королевствах ни одна мать не могла дать дитяте столь светлой кожи. Нигде в известных Кубванде землях не рождались люди со столь свирепыми голубыми глазами, так похожими на львиные, если бы не их цвет.

Бамульскому воину показалось, что теперь ему понятно, какую форму принял Неизвестный Дух.

Глава вторая

У Конана едва хватило времени заметить какую-то странность в раненом человеке, первой жертве кабана. А затем все его внимание снова переключилось на чудовищное животное. Киммериец не собирался стать его следующей жертвой.

Двуручный меч — не самое подходящее оружие против кабана, даже ослабевшего и медленно передвигающегося, у которого, однако же, достаточно клыков и мускулов, чтобы быть смертоносно опасным на близком расстоянии. Только благодаря удаче можно с помощью двуручного меча удерживать кабана на расстоянии вытянутой руки.

Благодаря удаче... или одному-единственному стремительному удару!

Кабан угрожающе хрюкнул. Конан покрепче сжал рукоять меча.

Копыта чудовища взрыли землю. Зверь ринулся вперед. Конан наклонился и отскочил в

сторону. Все это он проделал единым движением, молниеносным, как бросок змеи.

Сверкнуло стальное жало меча, и передние ноги монстра отсекло начисто. По инерции кабан пролетел вперед и врезался рылом в ствол дерева. Затем он стал корчиться, яростно пытаясь утвердиться на уцелевших задних ногах и на кровавых обрубках передних.

И снова меч киммерийца поднялся и опустился, подобно топору палача, — прямо на основание щетинистой шеи. С отвратительным хрюшком лопнула толстая шкура, хрустнули кости, диковинным фонтаном взлетели кровавые ошметки. Последний визг оборвался... и вместе с ним оборвалась жизнь свирепого зверя. Кабан судорожно дернулся и затих.

Конан внимательно осмотрел лезвие — не остались ли зазубрины и щербины? — а затем, не теряя времени, отер благородный металл о кабанью щетину. Для доброго оружия влажные джунгли столь же неблагоприятная среда, как и море. Конечно, двуручник не был единственным оружием в арсенале Конана, но что ни говори, а именно длинному мечу киммериец отдавал предпочтение. Здесь, в джунглях, ржавчина подстерегала на каждом шагу. Она могла изуродовать лезвие столь же стремительно, сколь быстро расправляется крокодил с нежным тельцем ребенка.

Только удовлетворившись состоянием клинка, киммериец позволил себе подняться и удостоить вниманием людей, что стояли неподалеку. По го-

ловным уборам и татуировке, по воинственной и настороженной повадке, по позам и поднятым копьям Конан тотчас же понял, что перед ним воины племени бамула. Он рассудил, что лучше с самого начала продемонстрировать свои миролюбивые намерения, прежде чем эти копья полетят в него.

Конан вложил меч в ножны и скрестил на груди могучие руки:

— Я Конан-киммериец. Я пришел сюда с миром. Этот кабан — мой дар вам.

Большинство наконечников копий и почти все щиты приопустились. Похоже, бамула поняли его. Весь вопрос лишь в том, поверят ли они ему. Конан счел, что пиратская песнь — песнь, которую он выучил на борту «Тигрицы», — будет достаточным аргументом в его пользу. Команда «Тигрицы» состояла из представителей добрых двух десятков различных племен Черного Побережья. Общий язык, которым пользовались на борту, состоял из слов, принадлежащих каждому из этих двадцати племен с примесью шемитского и даже стигийского.

Прежде чем Конан снова заговорил, женщина вырвалась из рук самого высокого бамула и кинулась к киммерийцу. При этом один из воинов бамула метнул копье. Тотчас же меч Конана вылетел из ножен. Скорость движения меча была подобна скорости мысли.

Копье упало на землю, не причинив женщине никакого вреда. Точнее, это было уже не копье, а две его половины. На ум запросто могло прийти

ти сравнение с мясником, аккуратно строгающим ломть мяса. Женщина бросилась Конану в ноги. Она всхлипывала и одновременно что-то бормотала. Лопотала она слишком быстро, так что Конан понимал одно слово из пяти. Впрочем, даже этого киммерийцу хватило, чтобы понять: она умоляет его о защите. Ясно было также, что воинам бамула вряд ли понравится, если чужак возьмет эту женщину под свое покровительство.

Тем не менее ни разу еще не случалось, чтобы женщина, попросившая великана-варвара о помощи, так или иначе не получила ее. Конан решил не делать исключения из своих правил и в этот раз. Поэтому он легонько поставил ногу ей на шею. Конан видел в свое время, что так поступала Бэлит. Таким образом она показывала, что вступает во власть над пленником.

Высокий бамула, доселе крепко державший симпатичную бабенку, нахмурился.

— Это твоя женщина? — спросил он.

— Могу спросить тебя о том же, — ответил Конан. — Я не беру женщин у других мужчин. Но мне непонятно, что делают бамула с девчонкой из народа Рыбоедов.

— Меня зовут Идоссо. Я — квамо племени бамула, хозяев этих земель, — заявил рослый воин. — А эта девушка — моя добыча.

— Насколько мне известно, эта земля принадлежит Рыбоедам, — ровным голосом возразил Конан.

— Рыбоедам принадлежит лишь то, что им позволяют иметь бамула, — сказал Идоссо.

Тут Конан только заметил еще одну пленницу, лежащую на земле абсолютно голой. После нахального заявления Идоссо, женщина бросила на вождя полный ярости взгляд.

Девица, на шее которой покоилась нога Конана, приподняла голову. Конан мягко надавил ногой посильнее. Он пришел к выводу, что Идоссо обладает длинным языком и коротким терпением. Словом, из тех, кого лучше не злить без нужды. Такие встречаются в любом краю.

— Прошу прощения, квамо Идоссо и квамо Конан, — заговорил второй бамульский воин, — мне кажется, что нам следует подумать и о том человеке. — Он указал на жертву кабана. Тот сидел, прислонившись спиной к дереву. Глаза его были закрыты. — Он что-то бормочет. Я такого языка никогда не слышал.

Конан увидел, что Идоссо нахмурился, увидев, как его, Конана, наградили почетным титулом. И тотчас киммериец сообразил, что это — хитроумная ловушка, расставленная вторым бамула. Этот второй бамула не был гигантом, подобным Идоссо, — тот-то был почти равен Конану по росту и сложению. Но взгляд этого второго воина свидетельствовал об остром уме. Именно ум являлся оружием второго бамула в противоположность Идоссо, который полагался на свою недюжинную силу, но не отличался хитростью.

— Почему ты просишь меня?.. — начал было Конан.

— Кубванде, сын Д'Бено, иккако народа бамула, иккако, как и Д'Бено, что был предо мной, — вот кто говорит с тобой, — сказал воин, сделав ритуальные жесты, точный смысл которых, впрочем, остался Конану непонятен.

Впрочем, киммериец понимал, что мудрее всего будет воспользоваться любым случаем выразить вежливость. Особенno если ты стоишь один, а напротив тебя стоят двадцать крепких воинов. Одного взгляда на воинов бамула было достаточно, чтобы понять: они вполне соответствуют репутации, которую получили на Черном Побережье.

Кубванде вряд ли понравился бы Бэлит. Впрочем, насколько киммериец мог судить, этот человек был готов оказать Конану дружеский прием.

— Кубванде, я помогу раненому, если ты объяснишь мне, с какой это стати я должен понимать его язык. Кроме того, я не собираюсь зираться на чужое добро. Не стоит лишний раз проверять: красна ли кровь врага! Я не подниму против вас меча, если только вы сами не полезете. Клянусь волосатой грудью Крома!

Имя сурогого киммерийского бога явно знакомо в здешних краях. Конан увидел, как воины делают отвращающие зло знаки. Обе женщины смотрели на киммерийца широко раскрытыми глазами.

— Женщины утверждают, что ты — воплощенный Неизвестный Дух Рыбоедов, — проговорил Кубванде. — Они возвращались после совершения тебе подношений, когда мы повстречались с ними.

— Тем не менее это лишь половина правды, — заметил Конан. — Да, я из плоти, и мне нужна пища. Но в помощи я нуждаюсь не так, как этот бедняга.

Киммериец опустился на колени подле раненого. Нет, скорее умирающего. Слишком часто приходилось Конану видеть на полях сражений, как умирают люди, чтобы не распознать близкой смерти. Кабаны клыки прервали нить жизни этого человека, так что теперь даже усилия лучших врачевателей трех королей не смогли бы спасти его.

Конечно, Конан не мог в своем умении сравниться с этими врачевателями. В свое время, правда, он оправился от немалого количества ран. Да и раненых товарищей ему доводилось исцелять. Руки его были тверды и легки. Он быстро и уверенно обрабатывал раны незнакомца, одновременно прислушиваясь, чтобы не пропустить слова, которые могли бы раскрыть тайну появления этого странного человека в столь диких местах.

Наверняка тут кроется нечто загадочное. Судя по внешности и одежде, незнакомец был вендиейцем. А до Вендии отсюда можно добраться лишь за полгода, и то путешествие было

бы сопряжено с чрезвычайными трудностями. Впрочем, возможно, незнакомец бежал из стигийского рабства. Всем известно, что в Стигии под кнутами работоторговцев можно найти людей всех народов и рас бескрайней Хайбории. Впрочем (так шепчут об этом), и не только ЛЮДЕЙ.

От Стигии до этой прогалины в джунглях также путь немалый. Ничто в незнакомце не указывало на то, что этот человек совершил долгое путешествие или, того хуже, бежал из рабства. Сложения он был хрупкого. Кожу имел смуглую. Однако же видно было, что питался этот человек неплохо. Да и руки его не носили следов многолетней изнурительной работы. Равно как и на спине не видно было следов кнута.

Затем незнакомец снова начал что-то бормотать в предсмертном бреду. Он звал мать. Это привело Конана в еще большее недоумение. Совершенно очевидно было, что человек действительно был вендижцем. Конан провел достаточно времени в том краю, чтобы теперь понимать язык, на котором говорил умирающий.

Конану оставалось только ждать, что скажет этот человек. Он понимал, что, сколько ни кричи на незнакомца, сколько ни тряси его, в чувство его уже не привести. Лучше оставить его в покое. Если боги захотят, чтобы этот человек что-то рассказал, он расскажет. В противном же случае он унесет эту тайну с собой. Конан не

мог винить незнакомца в этом. И не желал бы он себе такой смерти — в одиночестве и вдалеке от родины.

Внезапно глаза незнакомца расширились. Он резко сел с криком неописуемого ужаса. Он простер руку вперед с такой силой, что повязка, которую Конан накладывал, сорвалась, и кровь потекла снова. Киммериец повернулся посмотреть, куда указывает окровавленная рука, но ничего, кроме джунглей, не увидел.

— Ворота! — выкрикнул незнакомец. — Ворота Зла! Они открываются вновь... Демон зовет. Берегитесь! Берегитесь! Бе...

Кровь забулькала в горле вендийца и вытекла из уголка рта. Простертая рука бессильно упала. И хотя глаза незнакомца оставались открытыми, они уже ничего не видели.

Конан потянулся было, чтобы закрыть эти глаза, когда почувствовал, как что-то укололо его в спину. Конан обернулся и увидел юного бамульского воина, держащего копье обеими руками. Руки воина тряслись.

Медленно Конан поднялся во весь свой гигантский рост. Столь же медленно обернулся. Воин поднимал копье, пока наконечник не коснулся груди Конана.

Затем вперед метнулись две массивные руки. Первая ударила воина в поддых, заставив его согнуться. Вторая впечаталась ему в челюсть. Бедолага полетел назад, пробив брешь в рядах бамульских воинов и с треском влетев в путаницу лиан.

Конан постоял минуту и, убедившись, что воин все еще жив и дышит, наклонился и поднял выпавшее из его рук копье. Легко, как соломинку, он сломал древко пополам.

— Следующему, кто попытается колнуть меня копьем, я вобью древко в задницу! — прорычал киммериец. — По слухам, среди бамула дураков нет. Не злите меня, не то я заставлю вас сожрать собственные потроха.

Взгляд Конана встретился со взглядом Кубанде. Кубанде глядел открыто и смело.

— Они думают, что ты демон. Это оттого, что ты понял язык незнакомца.

Демон... Ворота Зла... Похоже, умерший унес с собой какую-то страшную тайну.

Конан обернулся к незадачливому бамула, который пытался теперь подняться на ноги.

— Я такой же демон, как ты — туранский падишах! Понял, болван? — прогремел варвар. Он подошел к мертвому кабану и вырвал свои копья из туши. — Вы слышали когда-нибудь об Амре, белокожем воине, спутнике Бэлит с «Тигрицы»?

Даже здесь, в глубине материка, это имя было, похоже, известно. Упавший кивнул. Двое его товарищей помогали ему подняться на ноги.

Конечно, небезопасно было признаваться в этом. Неизвестно, может быть, Бэлит за свою богатую событиями жизнь успела каким-нибудь образом напакостить бамула. Впрочем, Конан ни разу не слыхивал ни о чем подобном. Они с

Бэлит бороздили моря, любили друг друга и дрались с врагами в течение столь долгого времени, что Конан сомневался в том, что остались какие-то еще тайны Бэлит, о которых он не знал.

Однако судьба богата на сюрпризы. Случись, что Бэлит унесла с собой в могилу секрет своих отношений с бамула, — и Конан вскоре последует за вендижем.

И уж там-то, на том свете, он сможет спросить незнакомца, что означали его слова.

Однако на черных лицах, в настороженных черных глазах, уставившихся на Конана, не было вражды. Затем Кубванде спросил, и в голосе его удивление смешилось с восторгом:

— Так ты — он?

— Он самый. Так что можете не беспокоиться, что я демон или воплотившийся Дух Рыболовов.

— Э, — сказал Идоссо. — Мы слышали, что Бэлит погибла и «Тигрицы» больше нет. И воины ее все погибли.

— Это правда, — сказал Конан. Он с трудом заставлял свой голос звучать ровно. — Бэлит проморгала самую дешевую магию и от этого погибла. Почти все ее люди ушли вместе с ней. Я отомстил за убитых, живых отоспал по домам, а Бэлит и ее корабль пожертвовал морю.

Язык Конана онемел, когда он помянул последнее путешествие «Тигрицы». Перед его гла-

зами больше не было бамульских воинов. Когда он замолчал, казалось, они тоже не видели больше джунглей, вместо этого перед их глазами стоял корабль, уносящий королеву Черного Побережья в ее морскую могилу.

— Среди тех, кто остался в живых, были люди народа бамула? — нарушил наконец долгое молчание Кубванде.

— Никого, кто хоть раз заикнулся бы об этом, — ответил Конан. — Однако из тех, кто выжил, некоторые подумывали захватить еще один, новый, көрабль и на нем снова отправиться в плавание, наводить ужас на стигийцев. Я не захотел пойти с ними. Богами мне был дан знак идти в глубь суши и искать там новых друзей.

На самом деле Конан знал, что ему не хватило бы мужества снова увидеть море — последний приют, место, где обрела покой его возлюбленная подруга по многим битвам. Однако ему пришлось рассказать бамула правду. Они заслушивали это. В противном случае — усомнившись они в чем-либо — они, скорее всего, отправили бы его на встречу с Бэлит.

Неизвестно, история ли Конана убедила их, увидели ли они что-то в его глазах и крепких руках, сжимающих копья, — но мало-помалу воины опустили оружие. Двое из бамула наклонились, чтобы поднять мертвого вендица. Другие проворно соорудили из копий носилки, на которые взгромоздили убитого кабана.

— Ты пойдешь с нами, Амра? — спросил Кубанде, когда воины были готовы выступить в путь.

Конан покачал головой, затем протянул Кубанде одно из копий:

— Возьми это как залог моей дружбы с народом бамула, но не проси меня идти с вами. Видение, что было мне, говорило: я должен находиться в стороне от людей. И одиночество должно продлиться еще некоторое время.

— Но Рыбоеды?.. — спросил юный воин, который расплатился за укол копьем ноющей челюстью и больным животом.

Конан засмеялся:

— Вряд ли я уступлю любому из ваших воинов. Ведь так? Ну а разве кто-нибудь из ВАС боится Рыбоедов?

Яростные взгляды двух женщин и поднятая рука Идоссо напомнили Конану о том, что осталось уладить еще одно дело.

— Я хотел бы, чтобы эти женщины решили сами, без понуждения, чьими им быть. Видение, что было мне, говорило: я должен спросить их об этом.

Пленницы посмотрели сперва друг на друга, затем на Идоссо и наконец — на Конана. Та, что с кольцом в носу, показала на Идоссо.

Давным-давно уже Конан пришел к выводу, что женщины не умнее мужчин. Но решение этой бабенки даже сейчас поразило его своей глупостью.

— Могу я спросить — почему?

— Ты отмечен богом, Амра. Мы не можем принадлежать тебе, как женщина принадлежит мужчине. Идоссо же просто воин...

При этих словах Идоссо заворчал в точности, как кабан.

— ...и не... не...

— И он не говорит на языке демонов?

Видуха у девиц была самая неважнецкая. Идоссо же радостно заржал. Он буквально завыл от радости. Конан еле удержался, чтобы не обругать тупоголовых пленниц и не ляпнуть чего-нибудь ядреное черномазому детине.

— Быть посему. Однако надо отблагодарить девчонок за подношение. Если с ними будут плохо обходиться, я узнаю об этом. И тот, кто обидит их, пусть лучше сам проткнет себе брюхо и повесится на собственных кишках.

Горделивая поза Идоссо без слов говорила о том, что вождю наплевать на угрозы киммерийца. И Конан подумал: может быть, стоит вбить свое требование в мозги черномазому более решительно, несмотря на все фантазии, которые эти глупые овцы развели насчет Идоссо? По всему видно, что у вождя рука тяжелая и на расправу он скор. И столь же ясно, что, если лишить его добычи, он впадет в неистовую ярость. И не потому, что в Черных Королевствах не хватает свободных сисек и услужливых задниц. Просто будет ущемлено самолюбие дикаря.

Киммерийцу в жизни пришлось повидать не мало тупорылых олухов. Он не смог бы упомянуть их всех. Большинство из них он обычно в конце концов убивал. Однако убийство Идосса прямо сейчас вряд ли способствовало бы улучшению его отношений с народом бамула. Кроме того, в отличие от Рыбоедов, бамула знали, кто он такой, откуда и где прячется. Так что у чернокожих парней всегда оставалась возможность прислать сюда десяток-другой головорезов.

— Быть посему, — проворчал Идоссо. Затем он что-то быстро, резким голосом добавил. Вождь говорил слишком быстро, так что Конан не смог его понять. Воины, однако, поняли своего вождя. Выстроившись попарно, вскинув на плечи носилки, они стремительно зашагали по тропе, почти тотчас скрывшись из виду.

Конан оглядел кровавую лужу, оставшуюся на том месте, где лежал кабан и где испустил свой дух вендиец. Вскинув копья на плечо, вытащил меч и двинулся назад по тропе тем же путем, каким и пришел. Однако держался киммериец уже не так настороженно.

Теперь он, не колеблясь, приступил к трапезе и расправился с подношениями, оставленными на поляне. Покончив с едой, Конан знал наверняка, кого из Рыбоедов он в первую очередь убьет. Это будет человек, изготавливший пиво.

Глава третья

Далеко на севере колдун по имени Лизениус сидел в пещере в скале, которую сама природа сотворила подобной стигийскому замку. Лизениус сидел и проклинал все на свете. Он был вне себя от ярости.

Никто в Черных Королевствах не слышал его проклятий. А если бы и слышали, то не поняли бы. Впрочем, эти проклятия слышала только его дочь Скира. Она имела возможность наслаждаться ими слишком часто, чтобы обращать на них внимание.

Лизениус бранился часто и часто посыпал проклятия. Иногда эти проклятия доносились до кое-кого из пиков, которые слышали их в звываниях ночного ветра. Пики делали знаки, отвращающие беду, и шептали друг другу, что на этот раз гнев «белого шамана» столь велик, что наверняка восстановит против него богов. И против них, пиков!

Пикты предпочитали держаться подальше от места сражения, если шаману придется воевать с богами.

Конан недолго ломал себе голову над вопросом, кого увидели в нем бамула: друга или врага, простого смертного или чародея. Обычно подобные вопросы он оставлял ученым и писакам, которым все равно нечем занять свои дни.

Впрочем, здесь, в Черных Королевствах, Конан был вне досягаемости писак и школяров. День сменялся днем, дни текли, неотличимые один от другого. Для Конана это было чередование еды, сна, охоты, купания в чистых, холодных протоках, возни с оружием. Рыбоеды больше не приносили подношений. Но дичи и спелых фруктов вокруг было навалом. Только глупец мог умереть от голода в Черных Королевствах.

Конан глупцом не слыл и потому питался хорошо. Когда же покидал убежище, глаза у него вырастали на затылке, а уши — на коленях и локтях. В один прекрасный день Рыбоеды могли зайти дальше, нежели отказать ему в подношениях, отправившись сюда, в поисках девиц, чьи фантазии вынудили их уйти с Идоссо. В здешних землях не стоило пренебрегать подобной опасностью.

Леопарды, крокодилы, дикие пчелы, отравленные лианы и враждебные племена — все это

подстерегало Конана, и киммерийцу приходилось всегда быть настороже.

Среди бамульских воинов не переставали толковать о белом человеке, которого Рыбоеды признали за божество. Говоря о нем, они не употребляли имени Амра, потому что в отряде Идоссо на это имя было наложено табу. Воины дали страшную клятву, что не произнесут его вовеки. Идоссо и Кубванде потребовали от женщин, чтобы они также принесли подобную клятву под страхом тяжелых наказаний. Кубванде же подкрепил эту клятву обещанием дать им золото и прислугу.

По мнению Идоссо, обещать женщинам награду вместо того, чтобы просто угрожать им, свидетельствовало о трусости и отсутствии мудрости.

Кубванде снедало любопытство: отчего Идоссо так настаивает на том, чтобы сведения о близости того самого прославленного Амры хранились в секрете? Кубванде столь терзался любопытством, что спросил об этом самого Идоссо, причем задал вопрос так, чтобы тот не смог уйти от ответа.

— Такой же простой, как Рыбоед, — сказал Кубванде, а затем попросил прощения за оскорбление: ведь он назвал Идоссо позорным именем.

— В один прекрасный день ты попросишь у меня прошение за собственное косноязычие, а я отвечу тебе, пригвоздив копьем язык к нёбу, —

сказал Идоссо. — Я тебе не ручная обезьяна, чтобы устраивать представления, пока ты не сможешь продать меня стигийцам. Ты продашь меня любому, Кубванде. Попробуй сделать это, и я заберу тебя с собой.

Кубванде уверил своего вождя, что покупка или продажа кого-либо (если не считать нескольких женщин) столь же далеки от его намерений, как далеки Лунные Горы от той хижины, где они сидят и пьют пиво, поданное женщиными-Рыбоедками. В ответ Идоссо лишь невнятно заворчал.

Младший вождь зашел с другой стороны:

— Откуда мы знаем, что «Тигрица» и ее владычица погибли? Разве кто-нибудь видел их кости?

— Если Амра говорит правду, то ему было бы трудно скрыть последствия.

— ЕСЛИ... А может быть, он шпионит за нами для НЕЕ, в то время как ОНА ищет новых людей и готовит корабли, чтобы двинуться вверх по реке?

— Мы нашпигуем нашими копьями ЕЕ новых людей, точно так же, как поступили со старыми, если ОНА это сделает, — проговорил Идоссо с набитым ртом. — И с НЕЙ будет то же самое.

— Сделаем ли мы это прежде, чем выясним, что ЕЙ нужно в этих краях? — спросил Кубванде. — Вспомни, десять племен отдали своих воинов в ЕЕ команду. Не найдется ни одного пле-

мени, которое отказалось бы. И со стигийцами мы не в лучших отношениях, чем ОНА. С тех пор как мы с тобой стали воинами, не проходило и года, чтобы нам не приходилось наконечниками наших копий прогонять стигийских работорговцев туда, откуда они явились.

Идоссо при этих словах засмеялся. Он сам не раз возглавлял походы против работорговцев. Эти подвиги и составляли его основную славу.

— Ты думаешь, Амра шпионит в пользу кого-нибудь из своих дружков?

— Ничего другого мне на ум не приходит. Этот человек подобен кинжалу, который прячут в набедренную повязку. В какой-то момент кинжал может нанести смертельный удар.

Кубванде видел, как Идоссо изо всех сил пытается ухватить смысл сказанного. Он терпеливо ждал. Лучше, если Идоссо поймет сам, без подсказки.

— Ха! — воскликнул наконец Идоссо и подкинул кувшин из-под пива так высоко, что тот пробил крышу хижины. — Мы храним секрет Амры. А он из всех бамула может говорить только с нами. Если его хозяйка захочет предложить кому-нибудь свою дружбу, то она может предложить ее только нам. Кто бы ни способствовал установлению дружбы Королевы Черного Побережья с бамула...

Он не закончил. И не нужно было заканчивать. Если хорошо хранить секрет, то Амра

станет тем самым потайным кинжалом в борьбе с противниками за трон из слоновой кости, на котором восседает военный вождь. Понимав об этом, Идоссо порадовался тому, что в свое время сумел сдержать свои амбиции Кубванде, который хорошо понимал, какие мысли бродят сейчас в голове у Идоссо, тоже был доволен.

По крайней мере, эту ситуацию можно держать ровно столько, сколько будет необходимо. Ясно, что невозможно вечно хранить мир с этим опасным человеком, с Идоссо, даже если постоянно демонстрировать ему свое дружелюбие. Идоссо слишком быстро гневается и слишком медленно думает.

Конан ничего не знал об интригах, которые плелись между вождями бамула. А если бы и знал, то придал бы этому куда меньшее значение, чем надеялся Кубванде. По крайней мере, так продолжалось бы до тех пор, пока кто-нибудь не оскорбил бы память Бэлит.

А затем, вне всякого сомнения, гнев удесятерил бы его силы, и для народа бамула настал бы черный день, прежде чем Конан испустил бы дух под жалами десятков копий. Кстати, это весьма сомнительно! Продырявить шкуру великана-киммерийца — не такая уж простая задача. Намного легче провести ночь в пасти голодного дракона, при этом ворочаясь и похрапывая.

Конан надеялся разойтись с бамула мирно. Он рассчитывал, что черномазые поступят так же и не дадут ему повода переменить решение дурным обращением с женщинами. Тут уж как им, бамула, захочется. Если они будут терпимыми с пленницами, то Конан и пальцем не пошевелит, чтобы помешать бамула делать, что они захотят. Хотят — пусть дерутся между собой, пусть дерутся со своими соседями, с демонами, хоть с самими богами. Это ничуть не нарушило бы спокойного сна киммерийца.

Куда больше беспокоили Конана Рыбоеды. Несомненно, рано или поздно они узнают о пропаже своих женщин. И решат отомстить, вообразив, что способны одолеть противника. К тому же киммериец — не бамула. Поэтому на всякий случай Конан расставил на тропах к своему убежищу дополнительные ловушки. Спал он теперь вполглаза и не расставался с оружием.

Кроме того, на некоторых протоках он поставил ловушки для рыбы. «Тигрица» унесла с собой больше, чем золото и драгоценности. Пропали оружие, навигационные приборы, пища — все, что необходимо для жизни. Команде часто недоставало еды между одним набегом и другим. Да и минуты затишья сети часто оставались пустыми. Морские волки Бэлит набивали себе животы рыбой, когда выдавался удачный день.

Бэлит всегда говорила о том, что рыба — важная вещь в меню любовников. Она чуть ли

не силой заставляла киммерийца лопать дары моря, дабы в постели не посрамить мужское достоинство. В целом же Конан не считал, что легкого голода достаточно для того, чтобы погубить интерес мужчины к такой женщине, как Бэлит. Однако жизнь с ней мало-помалу приучила его к рыбе.

Так что, когда Конан обнаружил протоку шириной в два копья, где вдоволь плескалось странной, но крупной рыбаки, он соорудил сеть. Он сплел ее из лиан и тростников; в дело пошли и ремни, и веревки. Со временем он сделал не одну, а целых три сети, расставил их достаточно близко друг от друга, так что мог обойти их за один раз, на рассвете и на закате. Сети киммериец пристроил так, чтобы они оказались вне досягаемости чужих жадных глаз и рук.

В одном он был прав. А именно — в том, что касалось человеческих глаз и рук.

Однажды ночью Конан проснулся от раскаты грома: Звериный инстинкт варвара явственно подсказал: гром этот непростой. Что-то неладное угадывалось в далеком раскате.

Гром гремел, однако дождь не лил и ветер не шумел в листве. Странно... Густые кроны высоких деревьев почти полностью скрывали небо, поэтому Конан так и не смог разглядеть: есть ли грозовые тучи и как скоро можно ожидать настоящей бури.

Киммериец напряженно вслушивался, по-кошачий щурясь в темноте. Он пытался уловить малейший звук, который мог бы сказать ему нечто большее о происходящем.

Нет, ничего подозрительного. Лишь привычные звуки даже ночью не умолкающих джунглей.

Конан выскользнул из гамака — едва ли не единственного удобства, позаимствованного с «Тигрицы» прежде, чем корабль отправился в свое последнее, скорбное плавание. Ноги варвара ступали беззвучно, как лапы леопарда. Руки двигались в темноте так, будто были усеяны видящими в ночи глазами. Уверенным движением Конан нащупал оружие.

После громового раската слишком долго тянулась тишина. При настоящей грозе так не бывает.

Было во всем этом что-то неестественное. По крайней мере, неестественное для ночи в джунглях. Конан не мог заранее сказать, придется ли ему сражаться с этим неестественным. И если все-таки придется, то сколько времени займет эта война. Конан знал одно: лучше быть охотником, чем дичью.

Киммериец настороженно крался в темноте, описывая широкое кольцо вокруг своего лежбища. Этот круг должен был привести его к широкой протоке. Конан двигался бесшумно, подобно дикому коту. Все его чувства были напряжены. Он как будто щупал ночь. Одна рука лежала на рукояти меча, в другой было копье, на поясе ви-

сёл кинжал, за плечами еще два копья. Даже леопард, который мог бы красться сейчас наверху, по ветвям, вряд ли счел бы киммерийца за легкую добычу.

Конан описал уже половину круга. Пока что он не обнаружил ничего необычного. Он уже начал думать, что странный гром ему послышался. То ли это был сон, то ли джунгли что-то навеяли, увлекая его на безумную ночную прогулку.

Однако он продолжал двигаться вперед. По крайней мере, раз уж он выбрался ночью на тропу, не мешало бы проверить сети. Не нужно было бы тогда тащиться утром. Кроме того, Конану было известно, что джунгли Черных Королевств скрывают в себе много такого, о чем он не имеет даже представления. В конце концов, слишком много времени прошло с тех времен, когда Конан был в Заморе юным воришкой, скорее мальчиком, нежели мужем, ловкостью лишь немного превосходящим вола и столь невежественным, что даже не ведал о собственном невежестве.

Сперва Конан решил было, что гром над головой исходил от одной из огромных кошек, что ищет партнера или охотится. Возможно, она разъярилась оттого, что ее побеспокоили, когда она насыщалась. Гром — или рык — повторился. На этот раз он прозвучал на таких низких тонах, что у Конана не осталось сомнений: такой звук могло издать существо, которое намно-

го больше любой гигантской кошки. Да что там кошки — любого существа, населяющего эти джунгли.

Гиппопотамы или слоны размером куда больше кошек. Впрочем, как и крокодилы. Но они не рычат. Теперь Конан двигался бесшумной пружинящей походкой, обнажив двуручный меч, который покачивался в его испещренной шрамами руке.

В последний момент Конан свернул со своей обычной тропы, по которой ходил к ручью, и теперь крался по подлеску, к месту, откуда, как Конан уже знал, он может наблюдать, оставаясь невидимым — во всяком случае, для обычного существа. (Тут Конану вспомнился один-единственный раскат грома и хрип умирающего вендишца о Воротах Зла.)

То, что предстало глазам варвара, и в самом деле было обычным животным. Более того, Конану приходилось видеть его и прежде. Однако киммериец не мог представить себе причин, заставивших это животное появиться здесь.

Перед глазами Конана был один из огромных снежных медведей с далекого севера, что жили не только за пределами Киммерии, но и за пределами земель асиров и ваниров. Самые отважные и сильные из северян, люди, способные драться целый день, а потом пьянистовать ночь напролет, в присутствии белого медведя притихали и вели себя боязливо, как робчайшие из газелей. Снежный медведь в два раза превосходил

в высоту любого здоровенного мужика, а тяжелее был, наверное, раз в пять. Стремительный, как горностай, свирепый, как дракон. Зубы у него длиной в палец. Когти на четырех плоских лапах подобны кинжалам.

Можно было быть уверенным в том, что никто в Черных Королевствах не видел ничего подобного. Да и в ближайших землях на полгода пути в любую сторону не нашлось бы ни одного человека, который мог бы с чистой совестью похвастаться, что видел когда-либо эту зверюгу. Да и снега-то здесь нигде поблизости на полгода пути не найдется, ибо нет достаточно высоких гор.

При взгляде на медведя не скажешь, что животное перенесло долгое путешествие. Густой белый мех на боках не свалился и клочьями не висит. Брюхо весьма упитанное. Во взгляде свирепых черных глазок не читалось усталости или измученности. И взор белого медведя какой-то особенный. Конану приходилось видеть змей, в глазах у которых больше тепла, чем у снежного медведя.

Из того, что Конан знал о белых медведях (в основном по рассказам северян), ему было известно, что они большие любители рыбы. Так что Конана не удивило, когда медведь плюхнулся в поток, сунул в воду лапу и вытащил сети с рыбой. Ловушка полетела на берег. Внутри сети трепыхалась рыба.

Сверху опустилась, подобно молоту, тяжелая медвежья лапа. Крепко сделанное сооружение

разлетелось в мгновение ока. Рыба полетела во все стороны. Одна рыбина взлетела выше остальных. Зверь рыкнул, открыл пасть и поймал рыбу на лету с изяществом аргосской собаки, играющей с мячом.

В этот момент медведь очень удачно открыл брюхо для смертоносного удара. Для копья было далековато, и Конан разок вздохнул, жалея, что у него нет лука.

Брошенное могучей рукой киммерийца, копье вылетело со скоростью стрелы, пущенной из тяжелого боссонского лука. Слегка левее или правее — и борьба закончится, не начавшись. Белый медведь — не тот парень, с которым можно шутки шутить.

Бросок оказался неудачным. То ли Конана подвела рука, то ли ветер помешал. Копье отклонилось в сторону. Оно пронзило мех и шкуру, но скользнуло по ребру, не причинив зверю ощутимого вреда.

Медведь снова заревел. Один взмах здоровенной лапы вырвал копье из груди. Сила удара была такова, что отлетевшее копье вонзилось на глубину пальца в ближайший ствол.

Затем животное бросилось на киммерийца. Бросок был столь неотвратимым и стремительным, что Конан отпрянул. Ни разу еще он не встречал такого сильного противника среди животных.

Конан метнул второе копье. В момент броска он возблагодарил Крома за то, что догадался

захватить с собой три копья. Зверюга уклонился в тот самый момент, когда оружие сорвалось с крепкой ладони киммерийца, так что заостренный наконечник только вздыбил медведю мех и царапнул шкуру на боку.

Конан ткнул мечом. Клинок был длиной почти равен лапам лохматого чудовища. Если верить тем легендам, что ходили об этих монстрах, то человек, попав в железную хватку медвежьих лап, уже никогда не выбирался живым.

Лезвие туго вошло в плоть. Зверь дернулся, заревев, словно дюжина дьяволов в Преисподнях Зандру. Конан вырвал меч и нанес второй удар. Животное метнулось вперед и навалилось на клинок.

От силы удара рука у киммерийца онемела. Еще чуть-чуть — и рывок выбил бы оружие. Конан метнул третье копье, метя зверюге в глаз. На этот раз варвар не промахнулся.

Медведь дико взыпал. Древко торчало из развороченной, окровавленной глазницы. Конан сорвался было снова ударить мечом, но понял, что этого делать не нужно. Медведь бы прижал его к стволу дерева. В противном же случае, если бы удар пришелся мимо, Конану не удалось бы увернуться, вздумай зверь броситься на него.

Поэтому киммериец резко метнулся в сторону, с силой рубанув по передней лапе зверя. Лезвие срубило когти с правой лапы, заставив зверюгу взреветь снова. Медведь яростно

взмахнул раненой лапой. Но Конан успел уйти от удара, втиснувшись между двумя деревьями.

Здесь, среди деревьев, огромные размеры снежного медведя были, скорее, помехой для него в погоне за киммерийцем. Поэтому в тесноте у Конана было больше простора для действий. Он начал наносить неожиданные удары из скрытых мест, из тех, где медведь не мог разглядеть его своим единственным глазом.

Теперь варвар мог сразить медведя, не будучи в опасной близости от страшных лап. Хвала старику Крому! Останься медведь в живых, людям в этих краях не было бы отныне покоя. Рыбоеды явные хлюпики, чтоб тягаться со свирепым чудовищем, тем более прикончить его.

По всему видно было, что медведь решил разделаться с Конаном. Раны только разъярили животное. Зверю не терпелось догнать и разорвать дерзкого человека.

Только вот поворачивалось чудовище для этого крайне неуклюже. То ли медведь потерял способность ориентироваться среди незнакомых запахов новой земли. Да и вообще медведь был более неуклюж, чем ожидал увидеть Конан. Не исключено, что, подобно многим северным животным, медведь впадал в спячку во время полярной ночи и потому плохо видел в темноте.

Так или иначе, вскоре в голове киммерийца сложился план — как заманить животное в одну

из ловушек. Однако медведя будто предупреждало что-то. Конан убедился в этом, когда зверь избежал пятой по счету ловушки.

— Клянусь железным хреном Эрлика! Шкура этой зверюги будет покрывать мой гамак! — воскликнул Конан. Он побежал дальше. На этот раз он пролетел прямо над стеной лиан, которые покрывали ловушку. Более того, он проделал это на глазах у сорока Рыбоедов, которые поджидали его в прогалине, ощетинившись с копьями и дубинами.

Конан снова выругался, но его проклятье утонуло в воплях Рыбоедов, которые выскочили из укрытий, потрясая оружием.

— Крадущий женщин, приведший сюда демона, Амра!

— Убить человека-льва!

— Омоем копья!

Для народа, который всегда считался миролюбивым, Рыбоеды нынче больно кровожадно настроены против киммерийца.

У Конана не было ни малейшего желания воевать с Рыбоедами. Кроме того, он недоумевал: почему они называют ЕГО приведшим демона? «Страх сводит с ума» — вот и все, что он мог подумать об этом.

— Ха! — проревел Конан. Его бычий рев перекрыл вопли Рыбоедов. Все глядели на него, но копья медлили лететь. — Я не демон, но вон в тех деревьях скрывается кое-кто похуже любого из всех демонов, каких я только видел. Эта

тварь может пожирать львов. Она сожрет вас и ваших детей, если мы сейчас не сразим ее все вместе.

Только лишь Конан замолчал, как Рыбоеды снова разразились воплями. У киммерийца появилось сильнейшее желание оставить этих ублюдков разбираться с медведем, а самому убраться вовсюяси.

Однако он оскорбил Рыбоедов, заключив мир с бамула. Не стоило к оскорблению добавлять еще и несправедливость.

В следующее мгновение ситуация уже вышла из-под контроля Конана. Из джунглей появился белый медведь, истекающий кровью и ревущий, подобно вулкану в момент извержения. Вопли Рыбоедов утонули в громогласном реве, а прыжок чудовища превратил их воинственные крики в вопли ужаса, а затем агонии.

Первая же атака медведя унесла жизни двоих Рыбоедов. Остальным изрядно досталось на орехи — кому перепала плюха громадной лапы, а кто сам повалился на землю, мимоходом протаранив башкой ближайший ствол. В медведя полетели копья, однако в цель угодили немногие. С таким же успехом можно ковырять зубочисткой скалу, надеясь докопаться до золотой жилы.

Медведь развернулся, работая передними лапами, подобно борцу. У многих чернокожих воинов остались яркие кровавые отметины. Однако под черной кожей бились отважные сердца. Ко-

нанувидел, как один Рыбоед, мужчина — нет, мальчик, — бросился вперед с длинным трезубцем и глубоко вонзил его в неповрежденную лапу медведя.

Затем парень с воплем умер после того, как чудовище повернулось, изогнулось, как лук, и распороло живот. Вопль оборвался. Зверь схватил бьющееся в агонии тело за голову, с хрустом сдавил, а затем отшвырнул прочь и обернулся в поисках новой жертвы.

Конан видел, что мужества Рыбоедам не занимать, но у них не было ни подходящего оружия, ни соответствующего умения, чтобы справиться с чудовищным зверем. Да и ему теперь, когда зверюга оказался на открытом пространстве, нелегко будет одолеть его.

Ледяной холодок пробежал по спине киммерийца даже здесь, в тропической ночи джунглей. Что там говорил умирающий вендиец о Воротах и демонах? О Воротах, сквозь которые демоны присылают людей и животных туда, где природа не позволяет им оставаться в живых?

Был ли этот медведь посланником демонов или не был, одно можно сказать наверняка: зверь настоящий, из плоти и крови. Следовательно, гада можно прикончить. С предельной отчетливостью Конан понял, что если чудовищу в ближайшие пару минут не выпустят кишк, то в славной Хайбории на одного резвого киммерийца станет меньше!

Рыбоеды окружили медведя. Те, кто посмелее, бросались вперед, чтобы утащить тела своих мертвых товарищей. Самые отважные кидались с копьями, но это стоило им жизни. У медведя все еще оставался один глаз, в огромном теле — неукротимая, буйная сила, а что до шкуры, то она слишком толста для легких копий Рыбоедов.

Конан выждал достаточно долго, чтобы Рыбоеды наконец увидели его. Будь что будет! Пусть дикари даже решат, что великан-варвар ходит в закадычных дружках громадной белой бестии. Пусть их куцые мозги выдавят какую-нибудь жуткую картинку про демонов и оборотней. Найдется среди них болван, у которого руки чешутся. Наверняка ведь швырнет свое поганое копьишко!

Так оно и случилось. Как только киммериец ринулся в атаку на зверя, аборигены засуетились, как растревоженные крысы. Два копья пролетели мимо, еще одно Конан отбил. Четвертое только слегка оцарапало плечо. Впрочем, могучий варвар двигался слишком быстро для нерасторопных дикарей. Рыбоеды оставили свои жалкие попытки пощекотать киммерийца жалами копий и вплотную занялись медведем.

Стремительный рывок Конана пришелся не по вкусу и лохматому чудовищу. Зверь не успевал поворачиваться за своим проворным противником. Конан испустил торжествующий рев.

Этот рев наконец сделал свое дело: медведя обуял ужас. Животное затрясло головой от неожиданности и боли, как если бы раны наконец выбили из зверя боевой дух.

Конан подскочил к чудовищу поближе и с резким выдохом вогнал копье медведю в бок. Зверь выгнулся от страшной боли, замотал башкой и ухватил окровавленными челюстями торчащее из шкуры древко. В этот момент открылась прекрасная возможность рубануть зверюгу по шее.

Широкое лезвие двуручного меча со свистом распороло воздух. Но... даже Конану, который играючи разрубал на две половинки жирную немедийскую свинью, не удалось свалить медведя с одного удара. В результате киммериец чуть не поплатился жизнью. Медведь, будто почувяв близкую смерть, испустил из глотки душераздирающий вой и отчаянным, судорожным броском попытался достать маячившего перед носом врага. Конан каким-то чудом успел отскочить назад, избежав смертоносных когтей. Однако зверь все-таки зацепил варвара другой лапой, с которой киммериец, к счастью, успел срубить костяные кинжалы. Мощный толчок вышиб землю из-под ног. Конан не успел даже толком понять, что случилось, как оказался в воздухе и на манер пущенного из катапульты снаряда пролетел над трупами погибших Рыбоедов.

Впрочем, это была последняя атака медведя. Кровь широкой струей полилась из раны на

шее, пятна белый мех. Медведь медленно осел, ткнулся мордой в землю. Напоследок он зарычал, когда к нему приблизился один из Рыбоедов, после чего завалился на бок.

Конан увидел, как тускнеет единственный глаз зверя. Киммериец готов был уже запеть песнь смерти, будто перед ним лежал поверженный на поле битвы враг. Вырванный из своей родной земли и брошенный сюда, в душные джунгли, снежный медведь вел себя достойно, сделал все, чтобы выжить, и встретил смерть, подобно воину.

Рыбоеды набежали на медведя, заслонив его от Конана, вонзая в умирающего зверя копья и обрушивая на него дубины... Все, кроме одного, кто выглядел старше и был более хрупкого сложения, чем прочие его товарищи. На голове у него красовался изысканный убор из перьев.

Расфуфыренный дикарь ткнул в сторону киммерийца искусно вырезанный посох и заверещал:

— Демоны воюют между собой! Убейте Амру, и мы разделяемся с ними! Он сразил восставшего слугу! Теперь его очередь умереть!

Постепенно смысл этого истошного визга дошел до варвара. Однако понадобилось некоторое время, прежде чем дурацкое кукареканье пробилось в черепушки других Рыбоедов, охваченных яростью кровожадного торжества.

Конану, в отличие от них, не потребовалось много времени на догадку: сейчас благодарность

спасённых Рыбоедов вонзится ему в кишки на острье копий. Нет смысла дожидаться столь щедрой награды!

— Кром! — рявкнул киммериец и смаочно плюнул.

Вождь Рыбоедов отпрыгнул назад, будто ожидая увидеть языки пламени, поднявшиеся с того места, куда угодил плевок великана-варвара. Затем он попятился еще дальше, увидев, как мощные руки киммерийца поднимают оружие.

Но этого маневра дикарю оказалось недостаточно. Конан неуловимым взглядом броском послал копье точно сквозь роскошные перья на маковке аборигена. Вонзившееся глубоко в дерево, копье дрожало, словно собиралось прогрызть ствол насеквоздь. С древка свисали жалкие ошметки некогда торжественного убора.

Прежде чем оцепеневшие от невероятного зрелища Рыбоеды пришли в себя, киммериец повернулся к дикарям спиной и направился к ручью. Если после медведя в разрушенной ловушке осталось хоть немного рыбы, у Конана будет, чем закусить, пока он доберется до владений бамула.

Прежде чем киммериец дошел до ручья, снова прогрохотал гром. Один-единственный удар, за которым долго перекатывались в ночи отголоски. Конан замер, держа оружие наготове. Внимательно огляделся по сторонам. Не преследуют ли его Рыбоеды, медведи, демоны или еще какая-нибудь чертовщина?

Нет, вроде никого... Никто не крадется, не ломится сквозь чащу. Да и грома больше не слышно. Но расслабляться все равно нельзя! Та неведомая сила, что вытащила медведя из далеких ледяных пустынь в Черные Королевства, все еще скрывается где-то в джунглях.

Глава четвертая

— Так Рыбоеды, стало быть, не пошли за тобой? — спросил Конана бамульский воин, имя которого киммериец никак не мог запомнить.

Конан нахмурился. У него появилось острое желание вышибить этому парню зубы. Под курчавыми черепушками жителей Черных Королевств скрывалась та же мешанина добродетелей и пороков, какую Конан встречал повсюду. И один из гнуснейших, на его взгляд, пороков — манера задавать по десять раз один и тот же вопрос. Наверное, для того, чтобы лишний раз насладиться звуком собственного голоса.

— Я не пойму, где нахожусь, — в шемитском кабаке или в Доме Мудрых у воинов бамула? — прорычал киммериец. Он сурово поглядел на Кубванде. — Кто-нибудь тут позабыл о том, что я ему говорил? Так я могу напомнить.

Кубванде простер руки в умиротворяющем жесте:

— Я говорил им это столько раз, сколько они спрашивали.

— Ладно, если кто-нибудь еще раз спросит, дай ему по морде, а потом нагнись и проори в ухо. Не то я это сам сделаю, — проговорил Конан. Он ухмыльнулся, желая, чтобы последняя фраза прозвучала не столь угрожающе.

Однако улыбка не помогла. Бамульские воины, все как на подбор могучие бойцы, сохранили настороженность. Они знали, что ни один из них не способен сотворить и половины того, что сделал Амра. Уже одно это делало его на голову выше любого из присутствующих на сходке, даже если все остальные его речи содержали чистую ложь.

— Рыбоеды не пошли за мной, — продолжал Конан, с удовольствием нарушая воцарившуюся было тишину. — Но ежели кто из вас думает, что мне от этого была хоть какая-нибудь польза или что Рыбоеды послали меня представлять тут их интересы, мой вам совет: подумайте еще раз. Или же используйте свои башки как пивные сосуды, ибо ни на что большее они не годятся.

Конан окинул собравшихся взглядом, глазами приглашая любого желающего принять оскорбление всерьез. Однако бамульские воины все, как один, отводили глаза, а мгновение спустя молчание нарушил басовитый смех Идоссо. Конана обдало пивным перегаром.

— Конечно же, Рыбоеды не пойдут за таким львом, как ты, — проговорил он наконец. — Самое большее, на что у них хватает смелости, — это трахать своих коз. Да и то не всегда — рогов боятся. Невозможно представить себе, чтобы такой лев, как ты, подчинялся приказам таких козлов, как Рыбоеды. Скорее, можно представить меня подчиняющимся этим приказам. Если только кто-нибудь может себе ЭТО представить!

Эта фраза, по всей видимости, послужила сигналом. Бамула весело заржали. Конан оглядел лица собравшихся вокруг, отметив про себя, как они смотрят на Идоссо. Ясное дело, все они безоговорочно подчинялись великому квамо. Столь же очевидно было, что Идоссо и его сторонники ожидают от Конана, что он вольется в их ряды в обмен на предоставленную безопасность на все время пребывания киммерийца в племени.

В этом черномазые ничем не отличались от остальных головорезов Хайбории, с которыми Конану приходилось встречаться и воевать.

На этот раз Конану пришлось подавить в себе желание выплеснуть пиво в рожу Идоссо, а затем добавить к пиву добрый удар широкого клинка. Никто из этих черножопых парней, собравшихся в хижине, не представлял себе, насколько близки они к смерти. Особым терпением киммериец никогда не отличался, а сейчас был просто готов лопнуть от злости.

Нет, все-таки был среди собравшихся один, который, похоже, ясно понимал ситуацию. Звали этого человека, как Конан мог припомнить, вроде бы Кубванде. Сейчас Кубванде кивнул.

— Сомневаюсь, чтоб после того, как медведь поработал среди Рыбоедов, там кто-нибудь может ходить, не то что драться. Даже мы, отважные и сильные воины, когда сталкиваемся с раненым львом, предпочитаем иметь рядом десятка два товарищев. Разве что великий Идоссо отваживается один выступать против раненого льва. Но он у нас всего один такой.

Похоже, все собравшиеся единодушно решили, что, согласившись с утверждением Кубванде, они окажут честь Идоссо. Конан увидел, как они закивали головами. К киммерийцу потянулось множество рук с деревянными чашами. Конан не отказался ни от одной из этих чаш, он опорожнил их все. Настоящий мужчина может выпакать изрядное количество местного пойла, а потом как ни в чем не бывало встать за штурвал боевой триремы. Пивко-то здесь слабое, главное — чтобы мужик попался настоящий.

— Еще пива! — крикнул кто-то. Остальные подхватили призыв, а один из чернокожих начал размеренно колотить в барабан.

Травяная занавеска, висевшая у входа, откинулась, и вошли две женщины. Их одежда состояла из тяжелых серег слоновой кости и ожерелий из алых деревянных бусин. Обе женщины были молодыми и хрупкими, еще почти подрост-

ки, но одна из них двигалась так, будто ей по меньшей мере минуло семьдесят зим.

Приглядевшись повнимательнее, Конан узнал двух женщин-Рыбоедок, тех самых, которых он позволил Идоссо увести с собой. Та, чьи движения были замедленны, как у старухи, в свою очередь тоже узнала Конана. В ее взгляде сквозило откровенное желание, чтобы гнев всех богов снизошел на киммерийца и чтобы когти и зубы всех демонов растерзали его. Это так разительно отличалось от взгляда, которым она смотрела на него в прошлый раз. Тогда эта женщина смотрела на Конана так, будто эти самые зубы и когти были у него и будто она только и мечтала, чтобы эти зубы и когти вошли в Идоссо.

— Хо! — вскричал Идоссо. — Свежая Рыбка! Разве я велел тебе так смотреть на нашего дорогого гостя, которому мы дали клятву дружбы?

Конан не припоминал никакой клятвы дружбы, но он решил пока остеречься от того, чтобы бросить Идоссо прямо в лицо оскорбительное замечание о лжи. Судя по виду женщины, ей было о чем вспомнить. Но вряд ли эти воспоминания были приятными. Она встала на колени, а Идоссо уже вскочил на ноги замахиваясь. Могучая ручища сжалась в громадный кулак и уже готова была опуститься. Этот удар мог бы проломить женщине голову или сломать шею.

Удар так и не достиг цели. Терпение киммерийца лопнуло. Конан не мог больше выносить всех этих мелких уколов и царапин по его самолюбию. Да и следы на гладкой умасленной темной коже Свежей Рыбки говорили о многом. Свинья Идоссо нарушил обещание. Ясно, что слова черномазого верзилы ничего не стоили. Кроме того, Конан не видел причин, почему он должен позволять доверившимся ему страдать даже ради того, чтобы этой ценой купить мир с бамула. Сейчас ситуация дошла до стадии разрешения. Либо страдания этих женщин, либо мир с бамула — что-то непременно должно завершиться.

Железная ручища Конана вылетела вперед с быстротой молнии. Мощная пятерня перехватила запястье Идоссо. Киммериец воспользовался тем, что Идоссо уже наносил удар, и ловко встал на ноги, повиснув на поднимающейся руке противника. Оказавшись на ногах, Конан резко рванул Идоссо в сторону, заставив его потерять равновесие. Могучий бамула, вне всякого сомнения, расшиб бы себе нос, упав прямо перед женщинами, если бы киммериец не поддержал его. Конан ухватил его спереди, а Кубванде и остальные — сзади.

— Ты осмелился!.. — начал было кто-то.

Конан оборвал говорившего:

— Эти женщины переходят ко мне. Я позволил им идти с тобой, потому что мне показалось, что эти женщины тогда боялись меня. Ты

обещал мне, что будешь обходиться с ними так, как подобает честному мужчине. Теперь мне кажется, ты дал им основания бояться тебя больше, чем меня.

Идоссо заворчал, вырываясь из рук тех, кто удерживал его.

— Любой мужчина сделал бы то же самое. Или твоя кровь такая же бледная, как кожа, Маленький Лев? А может быть, ты ни черта в женщинах не понимаешь?

Конан ослабил хватку и отступил назад. Бабенки, затаив дыхание, смотрели на него. Ужас на их лицах смешивался с теплующейся надеждой.

— Если ты желаешь посмотреть, какого цвета моя кровь, Идоссо, то прошу! Попробуй! — прорычал Конан. — Или выполний слово, данное киммерийцу! Вспомни, что ты обещал этим женщинам.

Казалось, Идоссо вот-вот готов был броситься на киммерийца, когда внезапно поймал взгляд Кубанде, после чего ограничился длинным замысловатым проклятием. Кончилось тем, что он схватил обеих женщин за серьги, рывком поднял на ноги и швырнул к Конану. Они упали у ног варвара, корчась от боли. Их уши были порваны и кровоточили. Они обхватили ноги Конана.

— Ну так возьми их! Я вижу, тебе доставляет удовольствие отнимать что-то у того, кто лучше тебя! — прохрипел Идоссо. — Возьми их и проваливай с бамульских земель до того, как падет ночь, а не то...

Угроза так и осталась незавершенной. Неожиданно откинулась занавеска. В хижину ворвался залитый потом воин и распростерся у ног вождя. Идоссо, разинув рот, в недоумении смотрел на это неожиданное явление. Затем Кубванде знаком приказал нежданному гостю встать.

— Как это понимать? — резко спросил Идоссо.

— Демоны снова напали! — выдохнул вновь прибывший. — В долине Мертвого Слона они захватили деревню.

— Захватили? — воскликнул Конан. — Ты имеешь в виду — они унесли ее?

Либо гонец не понял киммерийца, либо решил, что перед ним не тот человек, который имеет право на ответ. Так или иначе, но заговорил он лишь тогда, когда Кубванде (опять!) знаком приказал ему говорить.

Конану была преподнесена история о деревне, атакованной тварями, которые, казалось, вышли из кошмарного сна. Твари напоминали обезьян, но были покрыты чешуей, подобно гигантским ящерицам, и имели острые зубы, а аппетит у них был как у обезумевших от голода львов. Пара дюжин жителей деревни были убиты, еще большее количество людей ранены. Хижины, зернохранилища, склады с припасами — все уничтожено. Целый отряд вражеских воинов не мог бы причинить большего вреда.

Конан отметил взгляды воинов, которые смотрели на него так, будто великан-варвар вла-

деет ключом к этой загадке. Похоже, Рыбоеды были не единственными, кто считал киммерийца распоследним болваном, который отважится вступать в схватку с демонами!

Конан тихо пробормотал себе под нос страшное ругательство, желая только одного: чтобы он и эти женщины оказались где-нибудь подальше от земель бамула. Но пожелание осталось лишь пожеланием.

Киммериец перевел дух и выдал новую порцию тихих ругательств, на этот раз в адрес всего подлого женского племени. Кроме, конечно, той, чья тень бродит сейчас в райских кущах среди других достойных воинов. Подумать только, если б не две потаскушки, не было бы и ссоры с Идоссо. Впрочем, у Конана есть выбор — оставаться среди бамула или, забрав двух глупых куриц, отправиться в освояси. За первым же поворотом ему придется раз и навсегда отморгаться от дыма здешних очагов.

— Идоссо, друг мой, — проговорил Конан. — Эти две юные прекрасные женщины — слишком великая честь для меня. Я должен сделать что-нибудь, чтобы заслужить их. Просто так я не могу их взять.

— М-да? — Ворчание Идоссо напоминало ворчание медведя, но скорее медведя разбуженного, нежели обезумевшего от ярости или голода.

— Так что, Идоссо, друг мой, я думаю, что нам лучше всего взять ноги в руки и отправить-

ся в эту вашу долину Дохлого Слона, посмотреть — что там учинили эти демоны, — продолжал гнуть свое Конан. — Давай уговоримся так. Ежели я пособлю бамула одолеть демонское отродье, тогда я возьму этих женщин. В конце концов, я найду им применение. Я употреблю их в хозяйстве. Но клянусь Кромом! Сперва я обзаведусь этим хозяйством и лишь потом возьму туда женщин! Конан из Киммерии не берет ничего из того, что ему бросают, как кость собаке. Так что народу бамула лучше всего зарубить это себе на носу.

Даже Конан, который был небольшой мастер читать в душах людей, по выражению глаз воинов понял, что поступил правильно. *Ясное дело, этот поход либо докажет, что Амра в самом деле великий воин, либо выявит, что он заодно с демонами.* Вот что говорили глаза собравшихся воинов.

Только лицо Кубванде оставалось непроницаемым. Конан прикинул в уме: насколько проще станет жизнь среди воинов бамула, если младший вождь вдруг угодит в лапы выходцев из Преисподней?

Ну да каждому свое! Конан примет собственную участь, если на то будет воля сурогого Крома. И не в обычаях киммерийцев толкать другого на тропу смерти, пока тот не сделал ничего дурного.

Затем Конан снова перевел взгляд на женщин. Не составило труда догадаться: девахи меч-

тают лишь о том, чтобы великан-варвар оказался достойным какого-нибудь высокого положения среди воинов, такого положения, которое позволило бы ему защитить их. Короткий, но впечатляющий опыт общения с Идоссо, похоже, сделал бабенок безразличными к тому, каков Конан с виду — белый или черный, коричневый или пурпурный, желтый, будто житель Китая, или вообще пятнистый, как поглавец из старой сказки. Главное — чтобы широкая грудь киммерийца надежно защищала от быстрых и тяжелых кулаков старшего вождя.

Конан рывком поднял женщин на ноги и дружески облапал обеих.

— Ну, — прорычал он собравшимся воинам, — что скажет народ бамула? Или так и будете стоять, пялясь на меня, до тех пор, пока я буду ходить и собирать свои копья, жратву, а потом отправлюсь в битву против демонов лишь с этими двумя потаскушками в виде подкрепления?

После этих слов у Конана создалось впечатление, что в ближайшее время нового столкновения с бамула у него не предвидится.

Далеко на севере, в пиктских землях, Лизениус сидел и изрыгал проклятия. Впечатление было такое, будто он нарочно испытывал терпение своей дочери Скиры. Уже не раз Скира, с трудом сдерживая гнев, в открытую попрекала напашу. Ведь надо быть полным болваном, по-

пусту растрочивая силы, вместо того чтобы заниматься делом — а именно: держать в страхеников.

— Слабаки они жалкие, эти пикты! — таков был ответ. — По мне, так лучше раз и навсегда запугать их до смерти, нежели позволять им плодиться, рождая все новые поколения слабаков.

— Да уж, касательно некоторых это можно сказать наверняка, — заявила, улыбаясь, Скира. — Вот и ко мне они уже сколько раз подъезжали со сватовством.

Улыбка исчезла с ее лица, когда отец фыркнул на нее, не сердито, однако и не по-доброму.

— Кончай выпендриваться, девочка. Не мни о себе лишнего. Здесь есть десять кланов, которые пойдут за нами куда угодно, стоит лишь зародить среди их вождей надежду, что они могут получить от тебя сыновей.

До тех пор пока отец не отвернулся, на лице Скиры оставалась тень улыбки. Да и потом, когда Лизениус зашаркал к выходу, строптивая девчонка не изменила позы и не склонила головы.

Чародей направлялся по переходу в другое помещение, где будет корпеть над своими стигийскими свитками. Впрочем, корпение его не было совсем бесплодным. Он много внимания уделял этим свиткам — искал истинного Мастерства в заклятии Бродящего По Миру. Он хотел не случайно перемещать нечто из одной точки

мира в другую, а делать это направленно, перемещая нечто или кого-либо (кого считал нужным) из одного определенного места в другое.

Скира поежилась — и не только от холода, царящего в пещере. Ей уже не раз доводилось слышать, как отец бормочет невнятно о том, что кровавые жертвоприношения помогли бы ему в этом деле. Лучше всего кровь ближайшего родственника. А Скира была как раз тем самым единственным родственником, который остался в живых из всей, некогда многочисленной, родни.

Кровь ближайшего родственника или кровь МНОГИХ жертв. Какой выбор сделать? Пожертвовать собой? Или выйти замуж за какого-нибудь кривоногого пиктского вождя в обмен на кровь десятка его воинов, жен и рабов?

Дрожь прошла. Осталась лишь внутренняя, глубоко спрятанная тревога. И жгучее, непреодолимое желание поближе познакомиться с папашиным колдовством.

Рассказывал отец крайне мало. Больше ворчал да читал нравоучения. Скира на свой страх и риск пыталась постигнуть тайное Знание. Делать это надо было крайне осторожно. Ведь даже еще до того, как открылись Ворота Зла, девушка знала, что магия (особенно магия, неподвластная контролю!) — преступление, которому нет прощения.

Однако за осторожность приходилось платить. Она вынуждена была выкраивать время для

свитков и фиалов, отрывая часы от домашней работы. Вся домашняя работа полностью лежала на ней с тех пор, как умерла мать. А еще за несколько лет до того, как йомены этой земли пришли с луками и веревками за жизнью ее отца, уже в течение всех этих лет ни один слуга не проводил ночи под крышей Песчаного Колдуня. Поэтому все легло на ее плечи. Она стирала и обшивала, стряпала, мыла и прибиралась. И лишь после того, как все домашние хлопоты были закончены, затепливалась свечка и в ее неверном свете по крохам собирала знания о всякого рода мелких заговорах.

Теперь Знания уже не хватало. К чему эта мелкая магия? Какая от нее польза? Разве что подогреть суп и заманить птиц в силки? А почему бы и нет? Каждый момент, каждая капля пота, вырванная у домашней работы, означала свободу и возможность потратить силы и время, чтобы увеличить Знание.

Папаша на все домашние хлопоты Скиры не обращал никакого внимания, принимая это как само собой разумеющееся. Он никогда не хвалил дочку и замечал лишь промахи. Впрочем, когда была жива мать, все было точно так же.

Мать, ты могла бы спасти нас обоих, и меня, и отца, если бы не умерла. Будь ты жива, ненависть и желание отомстить не снедали бы его.

Наивная детская фантазия! Пора бы ныне оставить девичьи глупости. Каждый день прибли-

жал тот момент, когда она превратится либо в женщину-мудреца, либо в труп... Или же ей останется мечтать о том, чтобы стать трупом.

Кубванде особо не удивился, когда человек, отзывающийся на два имени — Конан и Амра, — взял двух потаскунек-Рыбоедок с собой в поход. Чужак поступил правильно. Любой бы, кто осмелился пойти на стычку с Идоссо из-за баб, вряд ли решился бы оставить их в той самой деревне, где у Идоссо была дюжина друзей. Само собой, они поспешили бы отомстить за поруганную честь приятеля и мигом перерезали бы горло несчастным девахам.

Конечно, сами по себе друзья при этом ничего бы не выиграли. Лишь размотали бы собственные кишкы по деревне, а тела отдали бы на поживу гиенам.

Некоторые из приятелей Идоссо на самом деле были связаны крепкой клятвой с Кубванде. В свое время это обошлось младшему вождю в десяток отборных коров, дабы скрепить обещание верности у местных колдунов. И все же настоящую преданность и дружбу никакими коровами купить невозможно...

В игре Кубванде всегда предпочитал кости, которые сам вырезал, и раковины, которые сам раскрасил. Теперь ставками в игре были живые люди. Точнее, их кровь. Кубванде сейчас более всего заботило, чтобы это были его люди. Те, кто никогда не ударит в спину.

Вопрос только в том, согласится ли великий белый воин играть в предлагаемую игру, даже учитывая то, что ставки очень высоки...

После двух дней быстрого перехода отряд бомула вышел к долине Мертвого Слона. Даже у Кубванде не оставалось больше времени для игр. Даже думать об игре — и то некогда. Не до игр им всем стало.

Глава пятая

Вид у разоренной деревни был такой, что заставил нахмуриться даже киммерийца. А уж Конан повидал немало развороченных, залитых кровью городов и селений. Гораздо больше, чем сам прожил на свете. Очень часто он находил в дымящихся руинах изуродованные тела своих друзей. Но открывшееся сейчас зрелище потрясало своей кошмарной нереальностью.

Пусть уж лучше бы здесь, подтверждая название долины, действительно забили бы сотню слонов. Однако тут произошло нечто более омерзительное... Отряд еще не подошел к селению и на два броска копья, как в лица ударила плотная стена вони. Воздух был столь густо напоен зловонием смерти, что его, казалось, можно строгать ломтями.

Впрочем, кое-где хижины все же уцелели. В дверных проемах маячили какие-то темные фигуры. Они испуганно прятались, стоило повернуть в их сторону голову.

Впрочем, похоже, приближение вооруженного отряда бамула вселило в несчастных мужество. Несколько самых отважных выползли в предрас- светный сумрак. Однако они по-прежнему избегали ступать в центр деревни, будто там развер- зался вход в подземное царство. Именно там, в центре, трупы громоздились гуще всего.

По мере того как солнце поднималось все выше и лучи его разгоняли утренний туман, а небо из серого становилось ярко-синим, к побо- ницу слетались тучи насекомых. Одно зрелище особенно запало Конану в память. Годовалый младенец, расположенный ножом от горла до пупка. Одна нога у бедного ребенка напрочь оторвана.

Мухи вились над закатившимися глазами кро- пичного трупика. Какие-то плоские многоножки копошились в ранах, стараясь забраться поглуб- же внутрь скрюченного тельца. К тому же мерт- вую плоть младенца уже успел поглядеть кое-кто из крупных трупоедов, побывавший здесь еще до восхода.

Среди человеческих останков лежало тело ящерообезьяны. Отважно борясь с вонью, Конан приблизился к мертвому «демону» и вниматель- но исследовал труп. Киммериец словно бы изу- чал оружие врага, доселе незнакомое. Точно так же обследуя труп мертвого животного, Конан отмечал про себя его силу и слабости.

У твари длинные, как у обезьяны, руки, но еще более длинные ноги, длиннее, чем у тех

обезьян, с какими Конану доводилось встречаться. У твари имелся крепкий толстый хвост. Вдоль спины, от хвоста к шее, бежали роговые выросты, переходя на башке в гребень. Жалом копья Конан попробовал на прочность чешую твари. Она была прочнее, чем шкура любой обезьяны, однако вполне уязвима. Полдюжины копий, множество стрел и глубокая вмятина от дубины, зияющая в черепе, наглядно говорили о том, что гадину хоть и с превеликим трудом, но прикончить можно.

Обойдя труп, Конан вставил древко копья в пасть чудовища и, навалившись, разжал челюсти. Большинство зубов у твари покрыто темной коркой засохшей крови. Между зубов остались почерневшие ошметки человеческой плоти. Конан про себя заметил, что по строению зубы больше похожи на зубы леопарда, нежели гориллы. Совершенно ясно, что у себя на родине эта мерзость питалась мясом.

— Но не в этой земле, — проворчал себе под нос киммериец. — Не в этой земле, клянусь Кромом! Не может быть, чтобы снова...

— А? — переспросил Идоссо, а затем скрыл свое смущение неистовым яростным боевым кличем. От его страшного вопля птицы-падальщики, пирующие по всей деревне, взлетели вверх, с шумом хлопая крыльями и негодуяще крича. Оставшиеся в живых селяне прыснули в разные стороны, будто Идоссо в мгновение ока превратился в одного из ящерообезьян.

— Ну что, Амра, все это обнюхивание и кошмарение падали сказали тебе о чем-нибудь? — проворчал он. — Говорят, что у тебя больше ортогональных чувств, нежели у прочих людей.

— Болтун ничего не знает, знающий — молчит, — отозвался Конан. И, увидев презрительную ухмылку Идоссо, добавил: — Но такие мудрые люди, как мы с тобой, наверняка не будут прислушиваться к разной брехне.

Хитроумная реплика киммерийца достигла желаемого результата. Презрительная ухмылка Идоссо превратилась в нахмуренную озабоченность человека, пытающегося решить, что делать дальше. Конан же для себя уже решил. Кроме того, он видел, что туповатый Идоссо как манны небесной ждет совета.

— «Спина»! Охранять женщин и носильщиков! — рявкнул вождь. — «Грудь» и «Живот»! Окружить деревню! «Руки»! Ко мне!

По бамульскому обычаю, военный отряд был разделен на четыре подразделения, каждое имеющее в соответствии с частью человеческого тела. «Руки» были авангардом, производящим разведку. «Грудь» и «Живот» — основным корпусом, составленным из самых сильных и свирепых воинов. «Спина» обозначала арьергард. Воины, входящие в «Спину», были либо юнцы, лишь недавно получившие боевые копья, либо старики, которых отделяло совсем немногое от того момента, когда они положат свои копья вдоль конька крыши хижины — бамульский ри-

туал, которым человек объявлял себя ушедшим на покой.

Так, для киммерийца было неудивительным узнать, что Кубванде шел во главе «Рук», а Идоссо — во главе «Живота».

Конан придержал язык, видя, как бамула кинулись исполнять приказ Идоссо. Сам киммериец тоже отошел от центра деревни и выбрал место, где можно было стоять, не зажимая носа.

Бамула бежали, стремясь показать намерение подчиняться Идоссо. Некоторые были ловки, быстры и искусны в достаточной степени, чтобы понравиться любому командиру. Другие лишь имитировали бурную деятельность, демонстрируя, что делают все, на что способны. В общем, все та же смесь, которую Конану доводилось видеть во всех отрядах (за исключением отрядов, составленных из отборных воинов, либо шаек, наспех набранных из всевозможного сброва по приказу какого-нибудь владыки).

Доведись чернокожим столкнуться пусть даже с горсткой солдат из регулярной армии, вряд ли дикиари одержат верх. Но такого произойти не могло в принципе. Что до здешних краев, то, по всей видимости, бамула тут явно главенствовали. Если же дело касалось межплеменных распрай или банда работорговцев имела глупость забраться сюда со стороны моря или стигийской границы, то в этом случае бамула могли хорошенъко врезать противнику по соплям. Оставалось выяс-

нить, способны ли эти отважные чернокожие воины выполнить задачу, которая теперь стояла перед ними, а именно — сразиться с демонами или по крайней мере с существами, заброшенными в эти края силой магии, столь же ужасной и злобной, как любой демон.

Конан направился к Идоссо. Он поприветствовал вождя точно так же, как один вождь приветствует другого, который чуть-чуть выше его по званию. Этому приветствию, как, впрочем, и другим жестам, призванным выразить уважение, Конан в свое время научился от воинов субы, находящихся на борту «Тигрицы». Исполняя эти ритуальные жесты, Конан искренне надеялся, что ни один из них не воспринимается народом бамула как оскорбительный.

— Говори, Амра! — сказал Идоссо. Он хорошо владел голосом, но чуткое ухо киммерийца уловило нотки усталости. Что ж, дикарю пришлось попотеть, чтобы подтвердить свой статус вождя.

Киммериец невольно в первый раз ощутил симпатию к могучему бамула. Конан еще не забыл своих собственных сражений, которые пришлось выдержать, чтобы проходимцы всех сортов и мастей относились к нему с должным уважением. Кроме того, Конану нравилось то неописуемое удовольствие, с которым чернокожий гигант смотрел на неизвестное, изображая при этом, что это неизвестное никоим образом не пугает и не смущает его.

Как удовольствие это намного превосходило радость от питья дрянного вина или от забав со старыми служанками. Кроме того, это как бы являлось частью жизни воина. Поэтому Идоссо делал все, дабы принять это, как подобает избраннику богов.

— Вряд ли я присоветую тебе что-нибудь действительно толковое, — сказал Конан. — Хотя подожди... Не приходил ли кто-нибудь сюда из деревни, не рассказывал ли, как удалось убить вон ту тварь?

— Нет, да и чему они могут научить наших воинов?

Конан почти простил Идоссо тот вызов, который прозвучал в слове «наших». Вряд ли Идоссо доставляло удовольствие разговаривать, да к тому же вежливо и мягко, с белокожим чужаком. Но Идоссо с честью справлялся с трудным искусством владеть своими эмоциями, которого потребовала от него нынешняя ситуация.

Если Кубванде всерьез считает, что черный великан столь глуп, что может быть лишь игрушкой в руках младшего вождя, то Кубванде сильно заблуждается. Очень возможно, что в самое ближайшее время ему придется убедиться в обратном. Вероятно, это открытие будет последним открытием в его жизни.

— Знание принадлежит лишь богам. Однако я не могу сдержать недоумения, — ответствовал киммериец. — Эти ящерообезьяны выглядят как природные существа, точно так же, как кабаны

или медведи. Оружие воинов смогло забрать жизнь одного из них. Но скольким воинам придется отдать свою жизнь, чтобы убить еще одну такую тварь?

— Ты думаешь, бамульские воины боятся смерти? — Идоссо даже не стал поднимать оружия. Угрожающая интонация его голоса сделала этот жест ненужным.

— Даже я не боюсь смерти, не говоря уже о бамульском воине, — отозвался Конан. — Но даже бамульский воин не раз и не два может заглянуть в глаза смерти прежде, чем все демоны будут убиты. А если мы продадим наши жизни в обмен на жизни этой банды ящерообезьян, то что же нам останется продавать, когда еще одна свора нагрянет сюда из Ворот Зла?

На лице Идоссо отразилась растерянность — в той мере, в какой верховный вождь мог себе это позволить. Конан продолжил вправлять чернокожему мозги.

— Любой человек может испугаться, видя, чтосталось с его деревней после набега чудовищ. Женщин утнали, сыновьям выдрали потроха.

Идоссо глянул на изувеченный труп младенца и нахмурился:

— Тогда давай найдем проклятые Ворота и закроем их.

— Воистину так. Если понадобится, мы заткнем их собственными телами. Но прежде, чем лезть зверю в пасть, надо узнать, насколько остры у него зубы.

Идоссо стоял, подобно громадной статуе из эбенового дерева. Затем дернулся так резко, что темно-красные перья торжественного убора на маковке вождя аж затанцевали.

— Пусть «Руки» обшарят деревню! — крикнул он. — Приведите всех, кто может идти. Я желаю говорить с ними! Сейчас же!

Воины ударили кулаками в землю возле ног Идоссо. Он плюнул туда, куда они ударили. Воины с размаху хлопнули себя ладонями по лбам, построились попарно и разбежались в разные стороны, держа копье в одной руке, щит — в другой.

— А мне можно?.. — спросил Кубванде. Казалось, он появился будто из-под земли. Впрочем, Конана это совершенно не удивило. Умение бесшумно двигаться явно было совершенно необходимо для такого человека, как Кубванде, — чтобы выжить.

— Да, но не в одиночку, — проворчал Идоссо. — У тебя нет чешуи, как у этих тварей, чтобы прикрыть твою незащищенную спину от копья.

Конан готов был то ли рассмеяться, то ли зорвать от радости. Однако он ограничился тем, что сказал:

— Доверишь ли ты мне, о Идоссо, охранять его?

— Достоин ли я, чтобы меня охранял Амра?.. — начал было Кубванде, но киммериец прервал его:

— Расточай хвалу лишь тому, кто хочет хвалы.

Вид у бамула был такой, будто ему дали пощечину. Киммериец засомневался, достаточно ли ясно он выразился, или же что-то из сказанного осталось непонятым. Его владение языками Черных Королевств улучшалось день ото дня, но еще было далеко от совершенства.

— Я воин. Во многих землях я воевал. И воевал я на морях, — сказал Конан. — Конечно, в этой земле я не сражался так долго, как ты. Ты должен знать то, что мне неведомо, если, конечно, ты не младенец в облике мужчины.

— Если он младенец, то никогда женщина не рождала более странного младенца, — сказал Идоссо. — Иди и поищи то, что сможешь найти. Я говорю это, чтобы вы не подумали, что Я МЛАДЕНЕЦ. Вы ведь так не считаете?

Ни Конан, ни Кубванде не стали отвечать на этот вопрос. Конан и Кубванде обнаружили, что все оказалось куда проще, нежели они предполагали. Наконец они дошли до противоположной стороны деревни. Жители ближайших хижин приняли на себя первый удар ящeroобразья. Те, кто уцелел, готовы были от страха закрыться в землю с головой и не вылезать как можно дольше.

Бамульские воины действовали решительно. Они вытаскивали селян из темных углов и разве что не лупили их дубинами в тщетных попытках разузнать о происшедшем. Кубванде остановил

нескольких воинов, которые на первый взгляд, казалось, больше нагоняют страха, чем добывают сведений. Конан уже сам собрался было одернуть слишком ретивых, но Кубванде его опередил.

Населяли деревню малые бамула. Их диалект несколько отличался от диалекта больших бамула, с которыми Конан встретился поначалу. Селяне вполне могли предложить свою помощь, дабы проводить киммерийца к Воротам Зла, но Конан не сразу это понял. Кроме того, слишком рано приходилось испытывать желание бамульских воинов подчиняться приказам варвара.

Конан и Кубванде двинулись дальше. Оба шарили взглядом по хижинам, кормовым ямам и огородам. Чем дальше они отходили, тем менее поврежденными выглядели хижины. Однако большое количество проломленных стен и вытоптанных грядок свидетельствовали о том, что и здесь побывали ящeroобезьяны. То тут, то там встречались коровы и козы, лежащие с вырванными внутренностями и облепленные мухами. Земля вокруг трупов была влажной от крови. Изгороди повалены, зерно высыпано из разрушенных хранилищ и смешано с землей.

Несколько деревенских выглядывали из хижин. Эти хижины были более прочными, нежели те, что видел здесь Конан до этого. Некоторые из местных оказались молодыми женщинами. Конан подумал, что, может быть, имеет смысл послать их в обоз за его двумя служан-

ками. Не исключено, что его женщинам удалось бы узнать кое-что от деревенских жительниц.

Кстати, почему не видно ни одного защитника долины? Ни седобородых, ни только-только оперившихся, не говоря уже о настоящих бойцах. На пропитанной кровью земле тут и там валялись трупы. Может, это и есть останки здешнего воинства? Не много же сумела выставить долина против шайки отборной мерзости! Странно...

Вслух киммериец высказывать свои сомнения не торопился. Более того, постарался выбросить из головы беспочвенные подозрения и домыслы. Но взгляд варвара теперь стал более настороженным, мощные мускулы чуть напряглись, готовые мгновенно отреагировать на внезапное нападение. Приглядывал Конан и за чернокожим вождем. Не ровен час, вляпается в какую-нибудь неприметную западню!

В пиктских землях ярость Лизениуса уже прошла стадию, когда он расточал проклятия, и теперь вокруг колдуна царила полная гнева тишина. Однако, прежде чем наступила тишина, Скира уже знала, что у отца возникла новая проблема с Бродящим По Миру.

Сначала все получалось на удивление легко. Открыть Ворота большого труда не составило. Но потом случилось странное: чары, неподвластные разумению человека, создали магический

коридор между островком джунглей к югу от Кхитая и затерянным где-то в Черных Королевствах клочком земли. В настоящий момент тех знаний, которые имелись у Лизениуса, было недостаточно, чтобы закрыть Ворота.

И не то чтобы Скиру особенно беспокоила участь джунглей и обитавших там остатков расы, сохранившейся с тех времен, когда еще не было человека. Скиру больше беспокоили Черные Королевства, где полным-полнешенько (по крайней мере, так она слышала) свирепых воинов, для которых горстка вылезших неизвестно откуда чудовищ станет не более чем обычным кровавым игрищем.

Но сильнее всего Скира опасалась за отца. Неудача с Воротами подхлестнет чародея на самые безрассудные поступки, а может быть, и вообще столкнет в пропасть безумия. И девушка ничего не могла сделать, чтобы предупредить это несчастье. Конечно, если отец сойдет с ума, она сможет ухаживать за ним или даже попытается вылечить. Но для этого сначала надо оставаться в живых.

Скира понимала, что в скором времени ей грозит одиночество. Надеяться тогда можно будет лишь на собственные силы, а ведь они не так и велики. Или на милость пиктов, народа, среди которого слово «милость» сродни ругательству. Предвидя подобный исход, Скира принялась усиленно готовиться, чтобы встретить неизбежность судьбы во всеоружии. Она собирала

все необходимые ингредиенты и повторяла мысленно заклятие, которое выучила.

Основные проблемы были у нее теперь с травами и мазями. Во-первых, их трудно было незаметно похитить из запасов отца в нужных количествах. Он непременно бы заметил. Позднее, примерно через год, если сохранится мир с племенем Совы, она сама сможет собирать травы. Однако сейчас племя Совы не охраняет территорию Лизениуса. А весна уже не за горами.

С помощью богов (Скира помянула всех богов, кроме Сэта) за короткое время она могла бы усовершенствоватьсь в искусстве изменения формы. А если времени ей будет отпущено недостаточно, она встанет перед выбором: либо на всегда принять форму животного, либо остаться человеком, но тогда иметь дело с яростью отца.

Кроме того, оставалась опасность, что отец принесет ее в жертву Сэту.

Со временем Конан начал недоумевать — не тянется ли «деревня» долины Мертвого Слона аж до самых земель народа суба, а то и до самого моря. Они с Кубванде прошли уже, наверное, достаточно, чтобы пересечь один из небольших туранских городов или какое-нибудь крохотное государство какого-нибудь торгового принца в Аргосе.

Наконец трупная вонь от побоища осталась позади. Сейчас, когда солнце поднялось высоко, вонь должна была стать уже совершенно нестер-

шимой. Теперь солнечный диск сверкал высоко, выше крон самых высоких деревьев, испаряя последние обрывки тумана, протянувшегося ночью из джунглей, и пробуждая дневных птиц и зверей, чьи голоса добавились к звукам джунглей. Голоса птиц и зверей звучали все громче, до тех пор, пока Конан от этого шума перестал слышать свою собственную поступь и вынужден был повышать голос, чтобы Кубванде мог его слышать.

Конан заметил, что поблизости не было видно других бамульских воинов. Даже отпечатков их следов на земле осталось мало. Следы бамульских воинов легко было отличить от следов деревенских жителей. Деревенские носили сандалии, которые оттопыривали большой палец от остальных четырех. Кубванде и киммериец далеко уже ушли вперед от друзей, которым могли бы понадобиться, если те встретят неприятеля.

Они шли и шли, не встречая ни друзей, ни врагов. Шли столько времени, сколько понадобилось бы искусной танцовщице в хорошей таверне, чтобы полностью освободиться от своих одежд во время танца. За это время они добрались до той части селения, где хижины клином уходили глубоко в джунгли, вернее, в небольшую рощицу, выросшую на месте какого-то старого пепелища.

Здешние хижины были приземистыми и грубыми. Некоторые полностью лишены стен —

просто крыша, крепящаяся между двумя большими деревьями. Поля здесь были неухоженными.

В этих землях Конану уже приходилось видеть подобные деревни, где дикие звери вплотную подбираются к человеческому жилью. Младенец или подросток, рабыня или даже младшая жена, угодившие в лапы леопарда, — здесь самое обычное дело. В таких деревнях, как правило, царил голод. Потеря коровы или даже теленка означала катастрофу для целой семьи.

В далекой Киммерии всё иначе. На мгновение Конан мыслями перенесся назад, сквозь года и мили, вспомнив ту деревню, в которой вырос. Конану приходилось несколько раз возвращаться на родину, но ни разу ему не удалось найти в земле предков ничего такого, что удержало бы от дальнейших странствий. А потом он повстречал Бэлит. Он подумал, что это добрый знак, которым боги благословили его.

Теперь Бэлит нет, а он снова бродит по миру. Самого Конана мало волновало, где и когда окончатся его бродяжничества и где он встретит свою смерть. Но в груди у доблестного варвара билось гордое сердце. Он был уверен, что ни туповатый верзила Идоссо, ни коварный интриган Кубванде не смогут прервать его неукротимую тягу к приключениям и подвигам. Уж если ему и суждено погибнуть, то в такой битве, о которой будут с благоговейным ужасом многие века петь скальды, и старики станут по-

учать молодняк, рассказывая легенды о великом воителе из Киммерии.

Конан слегка ускорил шаг, пока не поравнялся с Кубванде, а затем чуть-чуть его обогнал. Нет смысла тащиться позади, а что там возомнит себе черномазый, так на это наплевать! Впрочем, нарываться не стоит. Вполне достаточно и женщин, которые, хвала Крому, сейчас находятся в безопасном месте. Если, конечно, болвану Идоссо не приспичит навестить бабенок в отсутствие киммерийца.

Дорога пошла под уклон. Сквозь кожаные подошвы Конан ощущал, что почва под ногами становится влажной. Они миновали ловушку для рыбы, очень похожую на тот садок, который поставил киммериец. Ловушка была разрушена точно так же, как сетка Конана, разорванная белым медведем. Затем склон стал крутым, и Конан с Кубванде очутились на тропе, упирающейся прямо в стену из лиан. Сквозь небольшой проем виднелся песчаный берег и мутная протока.

Протока была едва ли шире тридцати шагов, но, судя по течению на стремнине, слишком глубокая, чтобы перейти ее вброд. Так же, как и большинство проток в Черном Лесу, эта речка, несомненно, служила обиталищем крокодилов.

Конан закинул за спину щит и копье, чтобы освободить обе руки, затем одним прыжком покрыл расстояние в несколько шагов, оставшееся до берега. Когда он приземлился, гравий полетел

во все стороны у него из-под ног. От берега в панике метнулись серебристые молнии рыб.

— Что ты делаешь? — Судя по голосу, Кубванде был искренне обеспокоен безопасностью киммерийца.

— Ищу лодки. Если кто-нибудь приходил отсюда, то он был в лодке, а лодка всегда оставляет следы.

Судя по лицу Кубванде, искать лодки на этой реке было все равно что искать золотые горы. Однако Конан не унимался. Встав на колени, он исследовал прибрежную гальку, при этом стараясь не поворачиваться спиной ни к воде, ни к Кубванде. Наконец он поднялся на ноги и посмотрел на реку вниз по течению.

— Здесь были лодки. Я думаю, две. Обе давным-давно ушли. Все отпечатки ног, похоже, принадлежат деревенским. Никаких следов крокодилов или бегемотов.

— А как насчет ящерообезьян?

— Я смутно представляю себе, как выглядят их следы. Разве ты видишь следы какой-нибудь борьбы?

Кубванде исследовал берег и тропу, а затем окружающие кусты. Он явно решил доказать, что является не худшим следопытом, чем киммериец. Но и он был вынужден признать: чего здесь нет, того здесь нет.

Окончив свои поиски, Кубванде поднялся на ноги и с искренним видом признал, что киммериец прав.

Конан засмеялся. Честность в таких людях, как Кубванде, была столь же редкостной добродетелью, как целомудрие среди потаскух, независимо от цвета их кожи, каким бы он ни был — белым, черным, пурпурным или даже зеленым, буде таковые отыщутся в многочисленных борделях необъятной Хайбории. Икако здорово ошибся, решив, что великан-варвар с радостью полезет в здешние интриги. Если уж дело дойдет до того, что придется выбирать между различными партиями интригующих, то Конан отряхнет со своих ног прах бамульских земель и пойдет воевать за место под солнцем куда-нибудь в другие края.

— Что это за жест, Амра?

У киммерийца появился соблазн ответить Кубванде полную правду. Возможно, Конан так бы и поступил, если бы хоть на мгновение счел, что ему поверят.

— Мысль ко мне пришла. Не бежали ли несчастные деревенские жители от ящерообезьяньи только лишь для того, чтобы пасть жертвой бегемотов?

— Только духи реки знают об этом. Но сегодня они не спешат отвечать. — Кубванде пожал плечами и повернулся спиной к Конану и к реке. Он начал карабкаться по склону.

Он уже почти вылез наверх, на обрыв, когда в кустах захрустело, листва раздвинулась и появилось с десяток деревенских воинов. Все-таки не все мужчины в деревне погибли. Кое-кто вы-

жил. Они спаслись от лап и клыков адских тварей; они пережили страх, избежали опасностей реки и теперь жаждали мести.

Касательно объекта мщения тоже не могло быть никакого сомнения.

— Убьем Хозяина-Демона! — вскричал один и метнул копье прямо в Конана. Щит киммерийца взлетел вверх, отбил оружие в сторону. Копье описало в воздухе крутую дугу и плюхнулось прямо посреди мутной реки.

Следующее копье Конан встретил еще более решительно. Он перехватил его прямо на подлете, завертелся, как турецкий дервиш, а затем метнул тупым концом в обратную сторону. Копье угодило дикарю точно между ног, туда, где у всякого мужика болтается причинное место. Воин согнулся пополам, выронил щит и осел на землю, хватая воздух разинутым ртом, пуская стоны и жалобно подывая.

Мелькнули еще три копья. Но не тут-то было. Все три глубоко ушли в толстую кожу и твердое дерево щита. Ни одно не причинило Конану ни малейшего вреда.

— Я не любитель демонов! — заорал киммериец. — Кубванде, ты ведь знаешь их язык! Утихомирий их! Скажи им, что я отдаю копья, пусть воюют с настоящими демонами. А если ребята опять попытаются проверить на прочность мою шкуру, то я вобью им копья в задницы.

Кубванде что-то закричал. Яростная тирада заставила нескольких деревенских воинов на миг

приостановиться, но никого не вразумила окончательно. Четверо дикарей скатились вниз по обрыву и теперь приближались к Конану, держа копья наклоненными вниз, а дубины — занесенными высоко над головой. Даже если они не смогут сразить Хозяина-Демона на расстоянии, они готовы схватиться с ним врукопашную — убить его или умереть.

Труднее всего иметь дело с людьми, которые решились тебя убить даже ценой собственной крови. Именно в такого рода борьбе киммериец не был столь искушен, как ему этого сейчас хотелось бы. Ибо почти всю свою жизнь он отдал битвам, в которых против него бились те, кто желал взять его жизнь, не желая, однако, отдавать в обмен свою.

Теперь все было иначе. Деревенские потеряли слишком много народу от зубов и когтей ящеро-обезьян и наверняка потеряют еще больше от опасности, которая подстерегает их в джунглях и на реке, прежде чем все беглецы вернутся. У Конана не было никакого желания истреблять и дальше здешних людей или делать их своими врагами, в то время как их помощь и дружба были бы очень кстати при разрешении загадки дьявольских Ворот.

Конан покрепче ухватил щит и копье. Один против нескольких — надо нападать первому и не давать противникам опомниться.

Конан резко двинул верхней кромкой щита под челюсть одного из нападавших, одновре-

менно с этим с размаху ударив тупой стороной копья между ног другого. Оба упали. Затем Конан, взмахнув копьем, как дубинкой, обрушил его на макушку третьего. Головной убор слетел с головы черного воина, щит и боевая дубинка выпали из рук нападавшего, и он растянулся на берегу среди остальных своих товарищей.

Уменьшив количество своих противников, оставшихся на ногах, и побавив у них спеси, Конан заметил, как Кубванде гонит по тропе еще двоих. Щит и копье мелькали у него в руках с такой скоростью, что глазу было трудно уследить за ними. Конан только понадеялся, что у бамула хватит мозгов прекратить сражение, не отнимая у противников жизни.

Затем еще трое деревенских выпрыгнули на берег. Почувствовав, что к ним пришло подкрепление, и воспряв духом, нападавшие начали заходить со всех сторон, явно стремясь оттеснить Конана спиной к потоку. Один из вновь появившихся был совсем молод, почти еще мальчик. С безумной отвагой юности он бросился в воду, надеясь залить киммерийцу сбоку.

Конан как раз пытался удержать в поле зрения одновременно все направления атаки, когда плеск воды бросившегося в реку парнишки окончился более шумным всплеском. Ужас в глазах деревенских подсказал Конану, что может означать этот второй, шумный, всплеск еще прежде, чем донесся рев бегемота.

Киммериец повернулся и прыгнул, одним-единственным движением вырвавшись из кольца врагов. Один особо настырный черномазый бросился наперерез киммерийцу. Копье Конана мелькнуло в воздухе и с размаху ударило дикаря по запястью. Воин взвыл, как побитая собака, и кинулся прочь, прижимая к груди раненную руку.

Теперь парнишка был зажат в массивных челюстях бегемота. Но Конан заметил, что благодаря благоволению кого-то из богов мальчик оказался в промежутке между редко растущими зубами животного. Ни один из клыков, похожих на короткие мечи и острых как бритва, не пронзил тело юноши.

Вода взметнулась фонтаном, когда киммериец бросился в поток. Его дубина мелькнула над головой в столь стремительном ударе, что могла бы сбить летящую птицу. Вместо этого дубина ударила бегемота прямо в нос. Животное осело назад, недоуменно разинув пасть.

Конан протянул руку и, схватив парнишку за набедренную повязку, потащил его из пасти бегемота. Другой рукой он с силой вонзил свое копье в раскрытую пасть животного, прямо в нёбо.

Бегемот заревел, подобно дракону, и взмутил реку в неистовой ярости. Он попытался схватить зубами сперва мальчика, потом Конана, но вставшее поперек пасти копье не давало ему свести челюсти.

Киммериец, вытащив мальчика на берег, осмотрел, не ранен ли тот.

— Вот, — сказал он, кладя парнишку у своих ног на гальку. — Найдите знахарку, и вскоре с ним все будет в порядке. И нечего называть меня Хозяином-Демоном.

Тот, к кому была обращена эта речь, открыл рот. Затем один из деревенских воинов выбежал вперед и обнял мальчика. Конан увидел, что у этого мужчины волосы и борода седые. Он решил, что, видимо, то был отец парнишки.

Тем временем бегемот продолжал биться на отмели, пытаясь освободиться от копья. Конан вогнал копье достаточно глубоко, чтобы бегемоту было нелегко от него избавиться, но недостаточно, чтобы острье достигло мозга животного.

Обезумев от страшной боли, животное могло бы биться здесь днями напролет, перебив много живых существ и наделав много вреда, прежде чем к нему пришла бы смерть. Конан наклонился, чтобы пополнить свой запас копий, а затем повернулся и снова вошел в реку.

Когда вода достигла его колен, он услышал громкий крик и яростный плеск. Прежде чем он смог обернуться, набежавшие деревенские воины почти сбили его с ног. Конан едва успел восстановить равновесие, прежде чем деревенские окружили бегемота, вонзая в него копья, полосуя кинжалами. На берегу стучали в барабаны.

Предсмертные вопли бегемота разносились дальше любого барабана. Наконец они оборва-

лись, и мертвое животное поплыло в окровавленной воде. Понадобились бы силы всех собравшихся, заключил Конан, чтобы вытащить бегемота из стремнины.

— Крокодилы! — сказал Конан, показав на тушу бегемота. — Самое лучшее, если мы сейчас пойдем назад в деревню и приведем еще людей и ВСЕХ женщин, чтобы разрезать тушу. Не для того я трудился, чтобы эта зверюга стала крокодильим обедом, клянусь Кромом!

Конан вынужден был повторить это трижды, прежде чем Кубанде понял его. Даже тогда воин как-то нерешительно последовал за ним. У киммерийца было время принять нечленораздельно выражаемую благодарность человека, чьего сына он спас. Этого человека звали Бессу, он был младший вождь, а сына его — Говинду. Конан надеялся, что оба замолвят за него словечко в долине Мертвого Слона. Сделанного и так было довольно с лихвой. Конан и не рассчитывал добиться подобного в этом краю, учитывая, что следовало опасаться демонов впереди и копий в спину.

Конан также выкроил время облазить кустарники, где прятались деревенские. Он нашел там немногое. Ничего неожиданного для себя не обнаружил. И только одна вещь вызвала у него беспокойство.

Это были следы. Они вели сперва в сторону кустов, а затем дальше. Следы не принадлежали никому из деревенских, потому что на шедшем

не было сандалий, оттопыривающих большой палец. В ветках кустарника недалеко от берега за путалось голубое перо. Среди деревенских практически никто не украшал голову перьями.

С другой стороны, среди воинов бамула редко можно было найти такого, у которого в уборе не было нескольких голубых перьев, равно как и перьев других цветов.

Лицо Конана было мрачным, когда он шел назад, к деревне. Но все принимали его мрачный вид за серьезность человека, который чудом избежал смерти в пасти бегемота. Никто не задавал вопросов, на которые Конан не мог ответить. Вскоре на кострах зашипело мясо бегемота. В больших кувшинах забулькал наваристый бульон, распространяя вокруг соблазнительный аромат, который смешился с вонью разлагающихся трупов.

Глава шестая

Конан продвинулся еще выше, взбираясь на дерево. Сейчас он находился на высоте замковой башни над зеленым морем джунглей. Сук раскачивался и слегка потрескивал под его тяжестью.

Конан продвинулся еще на одну длину руки. Сук начал изгибаться. В потрескивании стали слышаться зловещие нотки, будто скрипели несмазанные петли гробницы на давно покинутом кладбище.

Конан прикинул, что с того места, где он находится, он мало что может увидеть. Подумал он и о том, что после падения он увидит еще меньше, если вообще увидит что-нибудь и когда-нибудь.

Если он погибнет так по-дураски, Бэлит вряд ли примет его с распростертыми объятиями. Так может погибнуть только мальчишка. Кстати, о мальчишках...

— Говинду!

— Я здесь, Конан!

— Где — здесь?

— На самом большом суку... Э... Я думаю, на противоположной стороне дерева.

Для Конана это прозвучало так, будто парень находился на землях соседнего племени. Однако дерево, на которое они влезли, и в самом деле было громадным. Кроме того, киммериец привык к большим пространствам на суше и на море. А у джунглей было колдовское свойство превращать звук треснувшего под ногой сучка или упавшей капли воды в нечто загадочное и не-привычное. И расстояние здесь совершенно невозможно определить по звуку. За это Конан не слишком жаловал джунгли. Но, в конце концов, настоящий мужчина должен сносить любые тяготы и приспосабливаться к самым жутким условиям. Сметливый киммериец мало-помалу научился ориентироваться в этих лесных краях.

— Ты ясно видишь?

— Да.

— Что ты видишь?

— Вершины всех деревьев в мире, небо, обещающее дождь, и много птиц.

— Какие-нибудь диковинные среди них есть?

Конан почти услышал, как парнишка пожал плечами, прежде чем ответить.

— Есть много, которых я не знаю. Некоторые так далеко, что невозможно определить их породу. Кроме того, я ведь не знаю всех птиц, которые водятся в джунглях.

— Ты видишь зорче, чем некоторые воины, которые в два раза старше тебя, Говинду. Я говорю тебе, потому что у тебя достает знаний понимать, что ты чего-то не знаешь.

— Это важно?

— Важно только в том случае, если ты собираешься прожить дважды по столько, сколько уже прожил, парень.

Говинду хихикнул. Затем киммериец услышал:

— Полезешь выше, ко мне, Конан?

— Если я сделаю это, то следующее, что ты услышишь, будет шлепок моего тела о землю. Я разлечусь, как гнилой арбуз.

— Скажи мне, когда соберешься падать, Конан. Я хочу посмотреть.

— Твой отец говорил, что когда-нибудь я пожалею, что спас тебя. Я начинаю понимать мудрость твоего отца.

Находясь в безопасности на другой стороне дерева, Говинду издал непристойный звук. Затем он расхохотался, и киммериец рассудил, что парнишка, похоже, вновь приступил к наблюдению за джунглями сверху.

Конан и Говинду были не единственными искателями Ворот Зла, которые сейчас скорчились на высоких деревьях, оглядывая залитые солнцем кроны. Многие воины, как из племени больших, так и из селения малых бамула, сидели сейчас на деревьях, не всегда осознающие, что они, собственно говоря, ищут, но все одинаково мо-

лящиеся о том, чтобы ничего необычного, что могло бы произойти между рассветом и закатом, не скрылось от их глаз.

Когда все ищущие Ворота Зла собрались на совет и все слова были сказаны и выслушаны, стало ясно, что Ворота открыты не постоянно. Однако же открываются они всякий раз почти в одном и том же месте.

Стало быть, надо отыскать это место. Конан предложил производить поиск сверху, с какой-нибудь высокой точки.

— Но здесь, в джунглях, нет никаких возвышенностей, — напомнил собравшимся один из прихлебателей Идоссо.

— С таким же успехом, как с утеса или гребня холма, наблюдение может вестись с верхушки дерева, — ответил Конан. — Все, что наблюдателю нужно, — острый глаз и сообразительность. Впрочем, глядя на тебя, я сомневаюсь, что тебе удастся чего-нибудь разглядеть, даже подвесив за ноги к облаку.

Все расхохотались, даже возражавший Конану воин. Киммериец рассудил, что это добрый знак. Но не в его привычках любезничать и сюсюкать с кем бы то ни было.

В Немедии или в Аквилонии, как доводилось слышать Конану, группа воинов, занятых чем-то вроде того, чем заняты нынешние охотники за демонами, решала эту задачу с помощью карты. Когда появлялся демон и летел по воздуху, наблюдатели наносили траекторию его полета на

карту. Затем они сверяли карты и таким образом получали искомую точку.

Бамула же, ясное дело, не имели ни малейшего представления о картах. Что до Конана, то в свою бытность в Туране ему приходилось пользоваться картами. Приходилось и позднее, когда он был наемником. Опять-таки, доводилось ему смотреть в карты и на борту «Тигрицы». Однако киммериец не чувствовал себя готовым к тому, чтобы начать преподавать искусство картографии.

Единственное, что досконально знают дикари, — это джунгли. Каждый хорошо изучил их с детства. Как умели, они передали Конану кое-какие из своих познаний. С другой стороны, киммерийцу оказалось не так уж трудно вбить чернокожим в мозги понятие о большом круге, внутри которого появляются жуткие твари.

Даже ребенку после этого было бы понятно, что Ворота должны открываться и закрываться где-то внутри этого условного круга. Так что оставалось вести наблюдение за всем кругом.

Кое-кто из больших бамула, из тех, кто выслуживался перед Идоссо, а также некоторые из деревенских, обуреваемые жаждой мести, пожелали вести наблюдение с земли. Что до наблюдения сверху, то, по их словам, лишь женщинам и мужчинам, в чьих венах течет молоко вместо крови, пристало болтаться на деревьях, подобно макакам. Некоторые были даже столь отважны, что осмелились сказать это бледнокожему киммерийцу прямо в глаза.

Кубванде, со своей стороны, осыпал этих людей презрением, будто раскаленными углями.

— Джунгли скрывают в себе столько всякой всячины, что, даже если все племена на свете соберутся вместе, им не удастся осуществить постоянное наблюдение внутри круга. Кроме того, надо быть полнейшими недоумками, чтобы не понимать, что насыщаемых демоном тварей лучше всего не наблюдать с ЗЕМЛИ.

— Если мы вступим с ними в бой, души наших убитых родственников будут поддерживать нас в сражении! — бросил один из деревенских.

— Если вы будете наблюдать с земли, то очень скоро присоединитесь к своим предкам и убитым родственникам, так и не отомстив за них! — сказал Конан. — Один на один с тварями биться бесполезно. Попробуйте! И то, что от вас останется, будет служить свидетельством вашей беззаветной глупости. Выйдите против них вместе со своими товарищами — и вы сможете отомстить!

Конан многозначительно посмотрел на сельского вождя:

— Разве это не правда, Бессу? Разве не удалось вам убить яшерообезьяну, сражаясь против нее всем скопом, в то время как те, кто пытался поиграть в героев, погибли?

Отец Говинду кивнул:

— Амра говорит правду. Клянусь духом моей дочери. Против этих исчадий подземного мира надо выходить сразу многим. Но чтобы многие

могли действовать заодно, надо, чтобы их предупредили. Только с высоких точек может быстро и вовремя прийти предупреждение.

Поэтому теперь наблюдатели и сидели на деревьях. На других ветвях, пониже, расположились барабанщики, неподалеку от наблюдателей, чтобы можно было их услышать. Слова наблюдателей барабанщики понесут через все джунгли с помощью своих тамтамов. Звук тамтамов дойдет до воинов, и воины будут знать, куда идти. Теперь остается только ждать, когда Ворота снова откроются. Наблюдатели должны заметить это.

Уже прошло десять дней с тех пор, как наблюдатели следили за джунглями.

У Конана не было намерения спускаться по дереву, оставив Говинду наблюдать в одиночестве. Вместо этого он поискал более надежный сук, с которого можно будет увидеть побольше, нежели просто листву кроны.

Он почти добрался до облюбованного им заранее местечка, на пять длин копий ниже поста Говинду, когда парнишка громко закричал. Удивление в его голосе смешалось со страхом. Конан отстегнул одно копье и ухватился за крепкий сук своей железной рукой. Другой рукой с помощью копья он раздвинул листву кроны.

Сперва Конану показалось, что это небольшая птичка, до которой рукой подать. Однако врожденный охотничий инстинкт подсказал сперва

мальчику, а теперь и киммерийцу, что птица вовсе не небольшая. Птица гигантская, только находится очень далеко. Но как далеко? Конан не имел об этом представления.

Птица — это было еще не все. В воздухе над джунглями поднялось какое-то странное мерцание. На первый взгляд это было похоже на водопад, но только водопад застывший. И не просто водопад — в застывших струях застряла рыба с золотой чешуей, что было совсем уж невозможно.

Если это не Ворота Зла, то тогда приходилось предположить, что в джунглях одновременно наблюдаются сразу два колдовских явления. Конан смотрел на мерцание, шурясь против солнца. Водопад привлекал все его внимание. Конан пытался определить его местоположение. Это было легче сказать, чем сделать.

Не успел киммериец как следует разглядеть приметное дерево с тройной развилкой, как Говинду снова закричал. Сучья задрожали, когда парнишка скользнул вниз и уцепился за сук рядом с варваром.

Конан теперь тоже ЭТО видел. Птица пикировала так, будто почувствовав либо добычу, либо врагов. Киммериец отнюдь не собирался быть добычей. Врагом — другое дело. Если птичка окажется поблизости, то познакомится с кинжалом.

Птица развернулась в воздухе, заложив крутой вираж. Каждое из крыльев было размером с парус корабля. В развороте птица открыла

гнусного вида брюхо цвета засохшей крови, полуголое и оперенное не то перьями, не то пухом странного серо-зеленого цвета, цвета болотного мха.

Кривой клюв свидетельствовал о том, что перед Конаном хищник. Когда птица пролетела, Конана и его товарища обдало трупной вонью.

Говинду приземлился на сук, за который держался Конан. Сук затрещал, но не сломался. Одной рукой парнишка схватился за еще один сук, в другой руке у него было копье, которым он замахнулся.

Конан положил руку на плечо парня и покачал головой.

— У нас никогда не будет такой возможности, — сказал Говинду. — Воинам не подобает трусить.

— Мы воины, но у нас сейчас другая задача. Мы здесь не для того, чтобы сражаться.

Все боевые инстинкты, которые выработались у Конана за годы войн, бунтовали против этих слов. Но правда была столь отчетливо непримирима, как вонь, источаемая чудовищной птицей. Пока птица жива, она могла вернуться туда, откуда явилась. К Воротам Зла. К месту, чудесным образом связавшему джунгли и неведомую родину крылатого чудища.

Впрочем, киммерийцу ни разу не доводилось слышать о гигантских хищных птицах вендинских джунглей размером с боевую колесницу. Но ведь даже вендинцы не знают всех диковин,

скрывающихся в их лесах. Вендия почти вся покрыта могучими древними лесами, куда человек не всегда решится сунуться. А из тех, кто осмеливается, мало кто возвращается назад.

Когда птица пошла на второй круг, Конан заметил, что шея у страшилища такая же голая, как и брюхо, и покрыта чешуей наподобие змейной. Глаза птицы горели зловещим желтым огнем. Казалось, что из этих глаз истекает бледный ихор, кровь богов.

Затем птица вернулась в третий раз. Она с грохотом захлопала крыльями, обдав все вокруг нестерпимой вонью. Длинные когтистые пальцы, по четыре на каждой лапе, потянулись к Говинду.

Своей цели они так и не достигли. Инстинкты воинов заставили Конана и мальчика сделать одно и то же. Оба они одновременно метнули свои копья. Ясное дело, что более мощная рука метнула более тяжелое оружие. Копье Конана глубоко вонзилось в смердящую птичью грудь. Копье Говинду ударило в более уязвимую цель — в горящий глаз.

Новая волна трупной вони едва не сбросила отважных воинов с дерева. Уши заложило от яростных криков птицы, где злоба смешилась с болью. Конан и Говинду, подобно обезьянам, вцепились в ветки, в то время как огромные крылья неистово молотили воздух. Вокруг поднялся настоящий водоворот листьев. Вниз посыпались дождем сучья, птичий гнезда и макаки.

Птица медленно поднялась и скрылась из виду, потом опять появилась в просвете, уже на некотором расстоянии, медленно набирая высоту. Кровь сочилась из ее глазницы, растекаясь темными ручьями по шее. Изо всех сил сдерживая дыхание, терпеливый, как огромный кот, готовящийся к прыжку, киммериец ждал. Ждал, что сделает птица. Полетит назад, к мерцанию, откуда она появилась, или зайдет на новую атаку.

Не произошло ни того ни другого. Вместо этого птица сложила крылья и упала в джунгли. Раздался треск сучьев. Сильный удар, заставивший дерево, на котором сидел Конан, задрожать, будто под топором дровосека.

Над ветвями поднялся дым, грязно-серый, темный, несший запах горящей плоти. Конан оторвал клочок ткани от своей набедренной повязки и обвязал вокруг лица. Наконец неестественная вонь пошла на убыль. Говинду пытался смотреть одновременно во все стороны, будто ожидая, что в любой момент еще одна птица атакует дерево. Казалось, он совершенно забыл, что находится на большой высоте. Он сидел, практически не держась, и Конан был готов в любой момент подхватить его, если он скользнет.

Затем дерево снова задрожало, на этот раз еще сильнее. Дрожание прекратилось, потом возобновилось.

Внезапно Конан увидел, как горизонт закачался, и услышал резкий треск. Такое впечатле-

ние, что древесные волокна толщиной в человеческую руку рвутся, будто нити. Словно подкованное погребальным пламенем птицы, дерево начало валиться.

Конан протянул руку вверх и схватил Говинду:

— Держись крепче, парень. Нам уже не слезть. Надо прыгать.

Говинду не отвечал. Ловкий и подвижный, он тем не менее признавал главенство Конана. Он обхватил руками Конана за массивный торс. Конан согнул ноги, вытянул руки и прыгнул.

В тот момент, когда дерево, на котором они сидели, начало заваливаться в противоположную сторону, Конан с вцепившимся в него Говинду пролетел по воздуху и приземлился на соседнем дереве. Сук ударили киммерийца поперек груди, выбив из него воздух и оцарапав Говинду руки. Парнишка растопырил ноги, чтобы не упасть сквозь крону, а затем напоролся рукой на ветку. Дерево под ними раскачивалось и трещало, в точности как то, что упало перед этим. Как нитки, рвались лианы, отщеплялись сучья. Все устремлялось вниз, к корням.

Дым и пыль взмывали вверх сквозь образовавшееся отверстие в сплошной кроне деревьев, будто погребальный костер птицы запылал снова. Конан и Говинду смотрели вниз, на ствол упавшего дерева, ища следы тела птицы.

Они ничего не увидели, за исключением того, что на обеих сторонах упавшего ствола было не-

сколько пятен пепла.. Этот пепел мог быть с равной вероятностью и пеплом плоти, и пеплом древесины, и пеплом листьев. Даже запах исчез с воистину чудесной быстротой.

Нет, с колдовской скоростью! Каждый раз, когда открывались Ворота, магия, которую они впускали, была все страшнее и опаснее. Последняя переброшенная сюда тварь ограничилась лишь тем, что повредила несколько деревьев. Следующая же могла быть столь же опасной, как белый медведь, и столь же живучей, как громадная змея.

Пока Конан спускался вниз по стволу, ему в голову пришла мысль. Обнаружить Ворота Зла — не велика победа! Тем более если они охраняются тварями, каких киммериец уже видел, или еще более ужасными.

Тогда уж действительно среди бамула появится немало вдов и сирот, прежде чем адскую дыру удастся заткнуть навсегда.

Этой ночью Лизениус слегка поругался, а затем уснул. Задолго до того, как уснула Скира.

Когда наконец и к ней пришел сон, она знала уже куда больше о Переместителе. И новое знание навевало достаточно зловещие мысли. Ворота трансформировали существ, которые проходили сквозь них, причем всякий раз в несколько большей степени. Например, никогда в природе не было такого, чтобы птица, умирая, самовозгоралась.

Отец в полной мере так и не овладел искусством перемещения. И не смог постичь всех возможностей и сил, заключенных в Переместителе. Теперь эти силы возрастают, выходя за пределы, где они уже становятся недоступными для разума смертных. Похоже, отец попытался связать Переместитель с Дебрями Пиктов вместо Вендии, а затем закрыл его. Связь была неустойчивая, однако не имелось никаких сомнений в том, что Переместитель остался открыт. Не приведет ли это к хаосу на обоих концах Переместителя?

Скира спала, и ей снились Ворота Зла, святившие Черные Королевства и Дебри Пиктов. Она спала, и ей снилось, как из ничего появляются воины, каким-то чудом не изменившиеся. Появляются и карабкаются вверх по склону холма. Впереди них несется молодой великан, черты лица его размыты, на поясе у него двуручный меч. Черные волосы рассыпались по плечам, голова гордо поднята.

Если он придет за Скирой, то, по крайней мере, он не пикт. Более того, при взгляде на него рождается уверенность, что воин-гигант одолеет в схватке любого врага. Может быть даже, черноволосый витязь сможет справиться с силой, превосходящей возможности простого смертного. Кто знает...

Глава седьмая

Конан и Говинду были не единственными, кто видел мерцание над кронами. Многие чернокожие воины приметили странный колдовской свет, льющийся откуда-то из глубины джунглей.

Испуганные дикии спешно вылезали из своих укрытий на деревьях и сломя голову бежали в деревню, чтобы поскорее поведать о невероятном чуде. Кубванде выслушивал всех с одинаковым вниманием. Подле него восседал Идоссо, который относился к рассказам с тем же напряженным вниманием.

Конан тоже старался не упустить ни слова. Киммериец с удовольствием отмечал, что в историях упоминались места в джунглях, где он успел уже побывать. Приятно, черт возьми, знать, что умение изучать и запоминать местность опять оказалось на высоте! В конце концов, все приметные места запросто могут стать полем кровопролитной сечи.

Конечно, Конан надеялся, что в джунглях он найдет убежище от горьких воспоминаний, связанных с морем и океанскими просторами. Он сделал правильный выбор. Здешняя земля действительно превратилась в поле боя благодаря лишь злому колдовству, бесконечно удаленному от этих краев в пространстве. Уничтожить источник этого колдовства и снова сделать джунгли надежным убежищем — для этого необходимо овладеть Воротами Зла, которые являлись ключом к разгадке.

Теперь, похоже, воины подобрали ключи к Воротам. По крайней мере, именно так утверждал Кубванде.

— Нам надо наблюдать за склонами, спускающимися к Бегемотовой Переправе на реке Афуи, — сказал он. — И наблюдение следует вести как с земли, так и с деревьев. Нам понадобится все, что может дать наше оружие. Нам помогут сердца, исполненные мужества.

— Тогда мы готовы для этой охоты, — сказал Идоссо. — Все мы вооружены и отважны. Нет никого, кто осмелился бы усомниться в этом!

У Конана появилось искушение рассмеяться Кубванде в лицо. Интересно, как тот сумеет скрыть свой гнев в подобной ситуации? Однако Конан решил, что сейчас такое поведение было бы неосмотрительным. Совершенно очевидно, что оба бамульских вождя во время экспедиции к Воротам Зла с одинаковой легкостью могут становиться из союзников противниками, а из

противников союзниками. Слишком уж большая ставка в этой игре. Честь захлопнуть дьявольскую дыру — предел мечтаний любого воина. Ясно, что перед таким искушением старые дружеские связи ничего не значат.

Впрочем, соперничество в подобных ситуациях было для киммерийца отнюдь не в новинку. Во многих землях в течение столь многих лет он сам все время играл в эту игру, используя любые средства, которые только могли привести к лидерству. Вот и сейчас Конан и сам не свободен от азарта борьбы за первенство. Киммериец знал, что в один прекрасный день он вполне может захватить трон в каком-нибудь королевстве. Хотя для него это было сейчас не самое главное. В конце концов, король далеко не столь свободен в своих действиях, как думают подчиненные. А единственное, что любому королю предоставляется в изобилии, — так это возможность служить мишенью для своих врагов.

Сам Конан плохо понимал, какую выгоду может извлечь из данных обстоятельств. В Черных Королевствах не было ничего такого, что по-настоящему было ему нужно. Сейчас он беспокоился только об одном: не наживать врагов больше, чем сможет одолеть. А во всем прочем приходилось надеяться только на крепость рук, на дружескую поддержку да еще на то, чтобы милости Крома его не оставили. Впрочем, каких от свирепого Крома можно ожидать «милостей»!

Черные Королевства рождают могучих воинов, этого не отнимешь, Киммерия же — еще более могучих.

Они вышли на берега Афуи в сумерках. Зари не было видно — моросил дождь. Туман поднимался от земли и, клубясь, уходил вверх. Сквозь туман смутными пятнами светились яркие цветки орхидей. В воздухе звенели насекомые.

Конан шел в авангарде, вместе с «Руками». Вот уже два дня он не виделся со своими женщинами. При последней встрече он не заметил на их тела следов новых побоев. Видимо, в обозе с ними обращались хорошо. Возможно, они и отошли немнога, таская бурдюки с водой и мешки со съестными припасами, но все же царапины их зажили, а глаза все чаще и чаще задумчиво и оценивающе останавливались на могучем киммерийце.

Отряд раскололся и следовал к берегу Афуи по трем тропам, идущим почти параллельно. Конан не одобрил этого решения. По его мнению, в случае опасности каждый отряд теперь мог рассчитывать только на собственные силы. С другой стороны, это имело и положительные стороны. Отряд не растягивался; все три его части должны были выйти к берегу почти одновременно. Время и боги рассудят, было ли оправдано это довольно рискованное решение.

Сегодня утром Идоссо, похоже, пребывал на редкость в хорошем настроении. Он даже пытал-

ся распевать песни до тех пор, пока Кубванде вежливо не попросил его замолчать.

Младший вождь подал свою просьбу так, что незачем привлекать внимание диких животных. Однако Конан сомневался, что то была единственная причина. Сам киммериец не отличался особым музикальным слухом, но, даже по его мнению, пение Идоссо вряд ли было музыкальнее рева быка, которого ведут на случку.

Последние несколько сотен шагов дорога все больше и больше шла под уклон. Тропы, петляя, вели вниз, к берегу. В конце концов Конан вывел своих воинов на открытое пространство, где когда-то находилась довольно большая деревня. Но очередная межплеменная распра покончила с существованием этого цветущего поселения задолго до того, как открылись Ворота Зла. Теперь же джунгли почти полностью поглотили следы человеческого пребывания.

Здесь было немало мест, где можно было найти превосходное укрытие, но почему-то никто не захотел этим воспользоваться. Почти все стояли на берегу широкой реки. Рябь на поверхности давала понять, что здесь водится всевозможная живность: крокодилы, бегемоты, хищные рыбы, скрывающиеся в иллистых глубинах.

На той стороне реки был виден круг свободной от растительности голой земли. Впечатление было такое, что здесь наступила нога животного, несоизмеримо более гигантского, нежели слон. Этот неведомый монстр, ступив здесь, сокрушил

деревья, кусты, цветы, лианы. Даже сюда долетал неприятный запах, источаемый кругом.

Подойдя почти к самой воде, Конан убедился, что круг не был впечатан в землю. Пострадала только растительность и находящиеся поблизости деревья. Сучья и кора на этих деревьях были оборваны; срезы на коре в точности очерчивали границы круга. В одном месте граница прошла через гигантский гриб, омерзительно бледный. Половина гриба еще стояла, половина же была раздавлена и сейчас уже почернела, гнила и кишила насекомыми.

Когда Конан заметил, что два остальных отряда тоже вышли к реке, он начал исследовать берег в поисках переправы. У киммерийца не было никакого желания пересекать реку вплавь, равно как и исследовать загадочное место, не имея пути к быстрому отступлению, случись что непредвиденное. Возможно, этот круг и не был Воротами Зла. Но в любом случае Конан чувствовал: что-то здесь было нечисто.

— Хо! — крикнул он, сложив руки рупором. — Дровосеки, вперед!

Железо бамульских топоров было, по мнению Конана, довольно-таки посредственным, однако дровосеков среди бамула было много. Почти все мужчины этого народа сызмальства приучались работать с деревом, так что у воинов не заняло бы много времени повалить несколько деревьев и, связав их лианами, навести временный мост через поток.

Проклятье! Где же дровосеки? Конан снова сложил руки рупором, намереваясь вторично крикнуть, но внезапно застыл и почувствовал, как сжимаются его кулаки.

Дровосеки приближались. Топоры были за спинами у двух женщин. Одна из них шла, шатаясь, у другой почти заплыл подбитый глаз.

— Кром!

Повернувшись, Конан обвел глазами весь берег. Он продолжал сжимать кулаки, однако усилием воли запретил себе хвататься за двуручный меч. Слишком много копьеносцев стояло вокруг, готовых в любой момент пронзить его копьями до того, как он успеет дотянуться до меча.

Идоссо встретил горящий холодной яростью взгляд северянина надменным взором и выпятил челюсть. Видно было, что Идоссо тоже лишь усилием воли удерживается от того, чтобы схватиться за оружие. Однако каждое его движение, каждый напряженный мускул, каждое перо, встопорщившееся в головном уборе, — все, казалось, бросало Конану вызов.

Киммериец понимал, что Идоссо (не подталкивал ли его к этому Кубванде?) бросил ему, Конану, прямой вызов. Более того, вызов брошен так, что избежать столкновения невозможно. Сразиться с Идоссо и убить его? В этом случае воинам не останется ничего иного, как избрать себе нового вождя, да еще перед самой битвой. (Что же, как не битва, этот штурм Во-

рот Зла?) Отказаться от сражения? Это поднимет Идоссо на недосягаемую высоту. Еще бы! Даже могучий Амра уклонился от его вызова! А скольким еще женщинам в таком случае будут уготованы побои?

Конан понимал, что Идоссо из тех людей, которых нужно держать в крепкой узде.

На борту «Тигрицы» Конан с подобными слухами особо не церемонился. Тяжелые кулаки варвара вбивали в головы строптивцев трудную науку послушания. И те из оболтусов, кто выжил, сделались отличными матросами.

Надо было принять вызов Идоссо еще тогда, в первый раз, и уложить труп черножопого негодяя рядом с мертвым вендийцем! Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда.

Конан расстегнул пояс с мечом. Этот жест сорвал женщин с места. Одна подбежала и подхватила упавшее оружие, другая протянула киммерийцу один из топоров.

Идоссо был вне себя от ярости. Хорошо. В этой ситуации Кубванде не сможет нашептать ему на ухо. А может быть, и вообще весь этот вызов — вовсе не дело рук икако?

— Я Амра. Я не воспользуюсь преимуществом меча против копья.

— Ха! — фыркнул Идоссо. — Жало МОЕГО копья весьма скоро поковыряется в твоих потрощах. Тогда уже ни одна женщина не посмотрит больше на тебя.

Конан пожал плечами:

— Ты лучше на себя погляди. Даже пьяная портовая шлюха не ляжет с тобой в постель.

Идоссо разинул рот, но не произнес ни звука.

Повисла зловещая пауза. Чернокожие возле реки бросили работу и вылупились на Конана. Киммериец грозно взмахнул рукой.

— Шевелитесь! Нечего пялиться, вы, пожиратели грязи! Или я собственноручно займусь с вами, когда разделяюсь с этим выродком!

Но тишина продолжала стоять гробовая. Боялся тишины, ибо в ней скрывается предательство. Конан обернулся. На мгновение язык у него словно отнялся, и вдоль спины поползли мурашки. Во рту была горечь — знакомое ощущение, которое Конан всегда испытывал в присутствии древней злобной магии.

Золотое мерцание появилось в воздухе над загадочным кругом, где уничтожено было все живое. Мерцание возвышалось почти над всеми деревьями и с каждой секундой росло. Надо всем этим царило мертвое молчание. Золотой свет отражался в мрачных водах Афуи.

Конан заметил движение по спирали, появившееся в золотом мерцании, однако ничего не услышал. Ни грома, ни малейшего звука. Он увидел, как бамульские воины делают жесты, отвращающие зло. Молодой Говинду стоял, отвалив челюсть аж до пупа. Однако в руке у парнишки было занесенное, точно для удара, копье, а другая рука выставила вперед щит. Какие бы древние ужасы ни пришли с противоположного бере-

та реки, Говинду собирается встретить их, как подобает настоящему воину.

На мгновение Конан ощутил тяжесть прожитых лет. Киммериец впервые познал вкус битвы еще совсем юным. Он от души пожелал Говинду прожить по крайней мере столько, сколько прожил сам. И пусть удача сопутствует чернокожему пареньку! С трудом оторвавшись от золотого мерцания на том берегу, Конан перевел взгляд на Идоссо.

Громадный бамула стоял, унирая конец копья в землю и опустив щит. Либо он совершенно не опасался коварства со стороны Конана, либо же был настолько ошеломлен увиденным, что совершенно забыл о своем оружии.

Однако мгновение спустя всем и каждому из находившихся здесь воинов пришлось вспомнить о своем оружии. Правда, не у всех было время пустить это оружие в ход прежде, чем смерть настигла их.

Смерть вырвалась из-за деревьев, приняв форму громадной ящeroобезьяны. Ее горящие красные глаза были размером с плошки, а когти и зубы способны были разорвать шею быка. Ящeroобезьяна хромала. На левой ноге у нее зияла громадная рана, из которой сочилось что-то желтое. Меж ребер чудовища сидело копье. Один глаз был полуприкрыт из-за раны, протянувшейся через всю голову. Было ясно, что пребывание зверюги в чужих для нее джунглях не раз и не два сводило ее с людьми. Судя по ко-

ричневым подтекам на пасти и клочкам гниющей плоти, застрявшей среди зубов, по страшной вони, не приходилось сомневаться в том, какая судьба постигла этих людей.

Беззаветное мужество этих неведомых героев приостановило быстроту продвижения чудовища, но вместе с тем встречи с людьми научили его осторожности. Чудовище подобралось совершенно беззвучно, обрушившись на воинов арьергарда прежде, чем те заметили его. Один прыжок — и монстр уже вовсю орудовал клыками и когтями.

Тяжелые когтистые лапы гвоздили, рвали, колечили чернокожих воинов, подобно гигантским молотам. Кто успевал увернуться от смертоносных когтей, получал оглушительный удар хвостом. Один из воинов, располосованный от горла до паха, так, что вылезли все кишki, подкатился к самым ногам киммерийца. Конан тяжелым взглядом окинул изуродованное тело, перешагнул через поверженного воина и ринулся в атаку. В одной руке варвар держал меч, другой бешено вращал над головой топор.

Охваченные паникой люди беспорядочно метали копья. В смятении воины перестали замечать, что их товарищи стоят между ними и врагом. Одно из брошенных с силой копий угодило в ягодицу деревенского воина. Тот подпрыгнул и заревел от боли и ярости. Рев тут же перешел в страдальческий вой и оборвался в тот момент, когда когти чудовища вонзились несчастному в плечо и почти целиком оторвали руку.

С мужеством обреченного воин отпрянул назад, превозмогая адскую боль, поднял ранившее его копье и одним судорожным движением вогнал оружие в чешуйчатую шкуру монстра. Но свирепый удар длинной лапы тут же размозжил отважному воину череп и отшвырнул изувеченное тело в сторону.

Отчаянный женский крик, прорезавший внезапно шум битвы, заставил киммерийца остановиться. Он замер с мечом в руке, краем глаза пытаясь отыскать кричавшую. При этом варвар старался не терять из вида ящeroобезьяну. Новые раны еще более замедлили скорость движений чудовища. Однако, судя по всему, тварь оказалась исключительно живучей. На мгновение Конану показалось, что ящeroобезьяна схватила одну из женщин, однако тут же увидел, что окровавленные лапы страшного создания пусты.

Отчего ж деваха так разоралась? Испугалась, что ли? Ага, это Хира! А рядом — Идоссо! Ди-карь прихватил девчонку за волосы своей здоровенной пятерней. Хира отбивалась, как могла, но черномазый великан управлялся с ней с такой легкостью, будто с ребенком.

Потом мощным рывком Идоссо поднял истощно кричавшую Хиру над головой, криво ухмыльнулся и бросил женщину прямо в объятия чудовища. Зверь звонко щелкнул зубами, впиваясь в податливую плоть. Предсмертный вопль жертвы сорвался на хрип и еще через мгновение захлебнулся в крови.

Однако монстр не успел в полной мере насладиться отвратительным пиршеством. Конан в два прыжка подскочил к зверюге и всадил лезвие топора в массивный уродливый череп, а затем полоснул мечом по морде, заставив тварь развернуться к нему. Кровь монстра вперемешку с кровью бедной девчонки душем окатили Конана. Киммериец рубанул чудовище по ребрам, вложив в эту атаку всю свою гигантскую силу.

Благородная аквилонская сталь меча погнулась, столкнувшись с ребром, и, когда Конан выдернул лезвие, оно было в щербинах. Однако свое дело доброе оружие сделало. Ящeroобезьяна была мертвее Ахеронской Империи.

Конан рывком со страшным скрежетом вырвал топор из черепа убитого чудовища, а затем свирепо глянул на Идоссо, которого отделяли от него два трупа — чудовища и женщины. Конан поднял топор и, взвесив оружие на руке, приготовился метнуть его. По большому счету, киммерийцу хотелось разорвать чернокожего негодяя голыми руками. Но в данной ситуации было не до благородных устремлений. Главное — не оставлять этого выродка в живых.

Топор так и не сорвался из ладони киммерийца в смертельном броске. Идоссо неожиданно взревел, но в голосе его звучали, скорее, удивление и боль. Чернокожий гигант резко обернулся. Другая женщина, Вуона (Конан вспомнил ее имя), с грацией газели ускользнула от руки Идоссо. Она держала небольшой, но

вполне добротный кинжал. Лезвие кинжала было красным от крови Идоссо.

Громадный бамула бросился на Вуону. Единственное, что ему удалось, — это дотянуться до ее набедренной повязки и сорвать ее. Но нагота ни в коей мере не замедлила движений отважной чернокожей красавицы.

Идоссо метнул копье, которое он уже подготовил для ящeroобезьяны, но острый наконечник лишь слегка оцарапал лодыжку женщины. Она устремилась к берегу реки. Смертельный страх гнал ее.

Как бы то ни было, похоже, река пугала ее меньше, чем Идоссо. Вуона бросилась в воду, не замедляя своего бега, и быстро поплыла на противоположный берег, яростно взмахивая в воде руками. Обнаженная, хрупкая, с горделивой осанкой, она вышла из реки. Вода стекала потоками по ее черной коже.

Идоссо подхватил с земли еще одно копье. Он занес оружие, готовясь метнуть его в беглянку, но тут на него налетел Конан, который в левой руке держал меч, а в правой топор. Конечно, лезвие меча уже нуждалось в «лечении» кузнеца, но даже и в таком прискорбном состоянии, в каком оно находилось после стычки с ящeroобезьянной, оно перерубило копье Идоссо легко, будто соломинку.

Конан отступил и перебросил оружие, схватив топор левой рукой, а меч правой. Он плонул на землю, затем наступил на плевок и растер его.

— Ну же, Идоссо, иди сюда, ты, молодец среди овец! Или ты воюешь только с женщинами? Я разотру тебя, как этот плевок!

Идоссо издал оглушительный рев, преисполненный бессмысленной ярости. Затем раздался жуткий вопль, заставивший воинов замереть на месте, а Конана обернуться.

Вуона все еще стояла на противоположном берегу, но теперь ее волосы разевались, словно от сильного ветра. Она с ужасом смотрела в створ Ворот Зла — взглядом птицы, загипнотизированной змеей. Конану показалось, что он видит, как искорки света танцуют на влажной коже девушки.

— Вуона! — закричал он. — Назад!

Похоже, она услышала. По крайней мере, варвару показалось, что он видит, как она качает головой. Затем она сделала два шага вперед, сделала третий и бросилась бежать. Через какие-то десять шагов она вплотную приблизилась к золотой спирали. Золотистое свечение придало ее коже бронзовый оттенок.

Конан снова закричал, но на этот раз она уже не слышала его. Или сделала вид, что не слышит.

Не замедляя бега, она исчезла в вихре золотой спирали. Конану показалось, что спираль колыхнулась. Он обложил проклятием всех баб, что теряют остатки разума от страха. При этом он продолжал смотреть на Ворота, ожидая, что они вот-вот исчезнут, поглотив Вуону.

Ворота не исчезли. Вместо этого у плеча Конана появился Идоссо. Своим звериным инстинктом почувяв опасность, киммериец обернулся. Могучий задубленный кулак глубоко ушел в поддых вождя. Идоссо согнулся пополам. В этот момент другой кулак врезался ему в челюсть. Идоссо упал на бок в кровавую грязь, собравшуюся вокруг трупа ящeroобезьяны.

Конан теперь осыпал проклятиями свой собственный нрав. Ведь он мог бы сразить Идоссо сталью, и после этого ни один бамула и пикнуть бы не посмел. А теперь вышло так, что Идоссо беспомощен. Не в обычae Конана хладнокровно убивать лежачего, да еще и потерявшего сознание. И бамула теперь вряд ли стали бы спокойно смотреть на подобный бесчестный поступок. Кроме того, киммериец сильно сомневался в том, что вождь наберется ума после одной-единственной зуботычины, пусть даже сильной.

Конан пожелал Идоссо поскорее угодить в самые нижние и холодные круги подземного мира, где глупцы и предатели стоят вмерзшими в лед. А всем бамула, которые следовали за Идоссо, киммериец послал доброе пожелание быть заживо съеденными клопами и блохами в самых грязных харчевнях Зингары.

После этого Конан вложил меч в ножны, побежал к берегу и прыгнул в воду. На берегу, у него за спиной, раздались крики, когда его голова снова появилась на поверхности. Конан почувствовал, как что-то твердое царапнуло его

ногу. Но крокодил — если это был крокодил — сделал ошибку, не понимая, что имеет дело с киммерийцем. Прежде чем крокодил успел атаковать, Конан в пару мощных гребков уже добрался до противоположного берега.

Киммериец выбрался на сушу и теперь смотрел на Ворота Зла, как смотрит охотник на невиданную прежде зверюгу, выискивая у нее слабые места. Золотая искорка опустилась Конану на волосы. Он стряхнул ее, будто настырную муху, и сразу почувствовал, что рука как будто онемела в том месте, где искорка коснулась кожи. Но онемение быстро прошло. За спиной у киммерийца раздались новые вопли, на этот раз более громкие. Конан услышал голос Говинду. Ему показалось также, что он различает голос отца Говинду, Бессу. Если они пытаются отговорить его от намерения приблизиться к Воротам Зла, то они впustую дерут глотки.

Ворота не заворожили Конана и не сломили его волю, как это, похоже, произошло с Вуоной. И вообще ничего не случилось. Если не считать того, что адская дыра проглотила женщину. Впрочем, деваха сама виновата — потеряла голову от страха, пытаясь спастись от Идоссо.

Единственное, что двигало сейчас Конаном, так это его честь. Она явно потерпела ущерб, ибо киммериец еще не разделся с Идоссо. Честь требовала спасения Вуоны и убийства Идоссо, если ему когда-либо суждено будет вернуться в Черные Королевства.

А если не суждено? Ну так и что? Конан здесь никому ничего не должен, даже самым лучшим из здешних воинов. Пускай они сами выковывают свою собственную судьбу. А он, Конан, по крайней мере, не позволит Вуоне погибнуть в одиночестве.

Конан вытащил меч, вытер его о траву, чтобы удалить капельки жидкости, попавшие на лезвие во время плавания по реке, и решительно шагнул вперед, в золотую спираль Ворот Зла.

Глава восьмая

Говинду был первым, кто последовал за Вуоной и киммерийцем. Он метнул свое копье через Афуи, а затем бросился в воду. Голова крокодила поднялась на поверхность прямо за его спиной, но молодой чернокожий воин успел добраться до суши прежде, чем зубастые челюсти сомкнулись на его теле.

На крокодила дождем посыпалось копья. Некоторым удалось пробить толстую шкуру. Два копья угодили в уязвимые места на морде чудовища. Крокодил зашипел, подобно каше, кипящей на костре, и исчез из виду.

Говинду сделал ритуальный жест, означающий «победить или умереть»: рука на руку и наклоненная над ними голова. Затем в молчании он повернулся и вошел в золотой водоворот, поглотивший уже Вуону и киммерийца.

Отец его Бессу издал страшный вопль, будто десяток гиен разом подали голос. Птицы, кото-

рые еще оставались на берегах Афуи, возле Ворот Зла в панике взлетели, крича и хлопая крыльями. Бессу бросился к дереву, которое наклонилось над водой в самом узком месте реки, и попытался выворотить его из земли.

Остальные дружно бросились помогать Бессу, однако большую часть работы проделал он сам. Казалось, в нем проснулась сила, дремавшая до селе и неведомая ему самому, сравнимая лишь с мощью киммерийца. Пот блестел на коже Бессу, дыхание его было прерывистым, но он был первым, кто побежал по упавшему дереву, проворно пробираясь между сучьями.

Вскоре он был уже на противоположном берегу.

— Воины! Я иду за моим сыном! — крикнул он. — Присоединяйтесь к нам! Мы уничтожим Ворота Зла и их хозяина! Или же останьтесь и познайте позор трусости того, кто оказался трусливее женщины, белокожего человека, мальчишки и старика!

Бессу бросился вперед и стал четвертым, кого поглотил золотой водоворот.

Один молодой и глупый воин поднял было копье, чтобы остановить Бессу, но другой воин, более мудрый, выбил оружие из рук глупца. То был Кубванде. Коварным ударом боевой дубины Кубванде раздробил второму плечо, а затем устремился по мосту.

Однако он не побежал очертя голову в водоворот. На плече он нес здоровенный сук, наско-

ро срубленный с дерева. Воины, оставшиеся на противоположном берегу, начали тоже, подражая вождю, рубить сучья. Все наполнилось стуком топоров.

Перестук топоров привел в себя Идоссо. Он поднялся на ноги с грацией бегемота и осмотрелся, глядя на своих воинов с таким недоумением, будто те попадали с неба. Заметив Кубванде, он заревел:

— Где эта собака Конан?

— Не собака, — ответствовал Кубванде, — но тот, кто ведет нас туда, куда мы должны идти.

— Вааа!.. — Рев Идоссо заставил взлететь тех немногих птиц, которые еще хоронились окрест в кустарниках.

— Да, — подтвердил Кубванде. Молодой вождь не был глупцом. Он видел выражение глаз остальных воинов после того, как Бессу исчез в Воротах Зла вслед за сыном. Кубванде возвзвал к чести каждого из собравшихся воинов. Этому призыву невозможно было противиться.

Да и Идоссо, по правде говоря, слишком много раз ущемляя гордость Конана, равно как и нарушал многие табу. Кубванде снова перебежал по мосту на берег, подошел к великанию вождю и что-то проговорил в огромное изуродованное шрамом ухо.

Ноздри Идоссо расширились, будто ноздри леопарда, почувствовавшего добычу. Он поднял кулак, затем приложил другую руку к ноющей голове.

— Конечно, если чужак ударил тебя так сильно, что тебе нужен уход, я позову деревенских женщин... — начал было Кубванде.

— Сказать тебе, что следует сделать с деревенскими женщинами? — пробормотал Идоссо.

Кубванде сделал вид, что не расслышал.

Последние сучья были срублены. Воины двинулись вперед по дереву-мосту. Они шли медленно не только потому, что мост был скользким, а в воде мог поджидать разъяренный раненый крокодил.

На лице каждого читалось одно и то же чувство: никто не хотел отставать от Конана, гордость которого заставила его отправиться сквозь Ворота Зла в поисках Вуоны. Ни один не желал ставить под сомнение свое мужество, отказываясь последовать за северянином в то неизведанное, что лежало по другую сторону Ворот.

Кубванде в душе осыпал ругательствами глупого мальчишку Говинду и его неразумного отца. С Конана взятки были гладки, Конан чужестранец. Он мог бы уйти, и никто не последовал бы за ним. Мало ли что взбредет в голову чужаку, да еще белому. С мальчишкой же было все иначе. Если бы дурачок не побежал за белым великаном, никому из воинов бамула не нужно было бы сейчас следовать по его стопам.

«Ужо ничего, я разберусь с ними всеми, только бы до них добраться!» — дал себе страшную клятву Кубванде. Кроме того, в душе он надеялся, что в глупую голову Идоссо не придет мысль

взвалить на него, Кубванде, вину за сегодняшний срам.

Кубванде оглянулся и увидел, что Идоссо уже схватил копье и свой полосатый щит, покрытый шкурой зебры. Вождь затянул свой военный пояс из шкуры крокодила, усеянной зубами бегемота. Затем он поднял свое копье и метнул его со всей своей чудовищной силой. Копье пронеслось над рекой, просвистело над головами людей, пробирающихся по мосту, и вонзилось в землю прямо перед самыми Воротами Зла.

— Каждый воин обязан последовать туда, куда пошел Конан! — заревел Идоссо.

Кубванде был уже на середине моста, когда на ствол дерева ступил Идоссо. Наступив на острый сучок, великан застонал и покачнулся. Кубванде вознес к богам мольбу, дабы они низвергли Идоссо с бревна в пасть крокодила. В конце концов, Идоссо не единственный вождь бамула, которому понадобятся его, Кубванде, советы.

Почти все бойцы перебрались на другой берег, за исключением тех немногих, кого сильно покалечила ящeroобезьяна, кто не мог самостоятельно подняться на ноги и двигаться вслед за товарищами. На мгновение Кубванде позавидовал им. Полученные раны позволяли им, сохранив честь, не идти в битву против демонов.

Кубванде был почти готов пропустить Идоссо вперед и сунуть ему под ноги конец своего копья, когда великан бросился вперед, пробежал

мимо Кубванде по мосту и, выскочив на берег, подхватил свое копье и снова метнул его прямо в самое сердце Ворот Зла.

Копье попало в середину золотого водоворота и исчезло. Мгновение спустя туда широкими прыжками вбежал Идоссо и тоже исчез.

— У нас есть вождь, который возглавит нас в походе на демонскую землю! — крикнул Кубванде. — Воины, вперед!

Никто не побежал при этом оклике, но никто не осмелился и остановиться. Прошло столько времени, сколько требуется, чтобы вскипятить большой котел с бульоном, и дальний берег Афуи опустел. К тому времени, как крокодил всплыл снова, показав из воды единственный оставшийся у него глаз и рассеченную ноздрю, вращение Ворот Зла стало еще более стремительным. Золотой свет начал темнеть, а рев, будто от огромного водопада, был по барабанным перепонкам раненых, оставшихся на противоположном берегу.

Оставшиеся на сухе раненые затыкали уши и прятали головы меж колен, в тщетных попытках укрыться от невероятного рева. По мере того как воронка становилась все уже, неизвестно откуда налетел порыв ледяного ветра, заставивший крокодила уйти в глубину и погнавший по воде листья и ветки.

Рев все нарастал. Начали раскачиваться деревья. На раненых, скрывающихся у подножья стволов, посыпались орехи. Большой сук обло-

мился и прекратил страдания умирающего, раздробив ему череп.

Раненые бормотали слова, которым их научили, но понимали, что десяток самых могущественных волшебников в мире и то был бы бессен в этой ситуации. Казалось, Ворота Зла обрели новую силу, пожрав тех, кто вошел в золотую спираль в поисках воинской славы. Казалось, еще немного — и золотой водоворот перепрыгнет через Афуи, поглотит людей, которые еще оставались на другом берегу, а затем пойдет разорять землю.

Но вот мало-помалу рев и зловещее золотое свечение начали исчезать. Ветер стих. Последний порыв сорвал горсть листьев. Бревно, которое служило мостом, внезапно соскользнуло с тихим плеском в мутные воды Афуи.

Те, чьи глаза еще могли смотреть, а уши слышать, увидели тонкую спираль дыма, поднимающуюся из круга на том берегу, и услышали слабое потрескивание огня, занявшегося среди сухих листьев. Отныне только расширенные глаза и дрожащие руки очевидцев оставались свидетельством того, как Неведомое вошло в джунгли, а затем исчезло, унося с собой множество достойнейших воинов.

Конан шагал уверенной, спокойной походкой, проходя сквозь Ворота Зла. Скоро он узнает, что находится на их противоположной стороне. Если у них, конечно, есть другая сторона. Ким-

мериец шел осторожно. Разумному воину подобает осторожность, когда он ступает, не видя земли под ногами. Если это, конечно, земля. По крайней мере, она воспринималась подошвами как наполовину замерзшее болото.

Вокруг него было золотое свечение, а слух был заполнен низким жужжанием, будто бы вокруг летал рой гигантских пчел. Затем и свет, и жужжение начали ослабевать, и Конан покрепче взялся за меч — он был готов встретиться с любой неожиданностью, поджидавшей его с той стороны Ворот.

Киммериец был готов ко всему: ко встрече с демонами, волшебниками, а то и просто с разъяренным крестьянином с мотыгой, которого разозлило появление чужеземца на своих грядках. Конану не хотелось бы убивать этого крестьянина. Вряд ли такой человек мог рассматриваться как настоящий противник. Да и кроме того, такой земледелец мог многое рассказать ему о настоящем волшебнике из этих краев.

Подул холодный ветер. Он как будто отогнал золотое свечение, уступившее место дневному свету. Когда ветер начал разгонять туман, киммериец не удивился тому, что его больше не окружает изумрудная зелень джунглей.

Оступившись, Конан упал с небольшой высоты, равной длине его меча. Но привычки, выработанные еще в детстве, в Киммерии, и здесь сослужили ему добрую службу, и падение не причинило ему никакого вреда.

Конан упал на покатый склон, осыпанный галькой. Во все стороны полетели мелкие камешки. Киммериец начал сползать со склона вместе с камнями. Изловчившись, он воткнул копье позади себя в землю — так делают гандеры-горцы. Однако наконечник копья встретил твердый камень и ушел в почву не больше чем на длину фаланги пальца младенца. Конан понял, что падает в пропасть. Еще немного — и он окажется там. Варвар уже слышал звук падения камней, срывающихся вниз. Выросший в Киммерии, где много крутых склонов и пропастей, он привык к этому звуку.

Затем что-то свирепо рвануло киммерийца за волосы. Рывок был столь резким, что Конан на мгновение испугался — не хотят ли с него снять скальп. Затем сила натяжения ослабла, боль утихла и одновременно с этим исчезло золотое свечение. Теперь Конан получил возможность увидеть окружающие его места в более ясном свете.

Его волосы зацепились за сук кустарника, росшего, казалось, прямо из сплошной скалы. Чуть ниже склон, усеянный булыжником и гравием, обрывался в пропасть, спускающуюся к потоку. До реки было шагов тридцать. Белая пена кипела вокруг огромных валунов, торчащих из воды. Мертвые деревья выставляли в небо свои корявые сучья.

Конан осторожно отрезал кинжалом прядь своих волос и, освободившись, встал. Небо по большей части было закрыто вздымавшимися

вокруг склонами, хотя выше они были не столь отвесны. Скалы сверкали слюдой.

Это был типичный северный пейзаж. Преобладающим цветом был синий, похожий на цвет глаз Конана. Именно под таким небом он и родился. Хотя здесь гонимые ветром облака бежали быстрее, чем у него на родине, в Киммерии. Однако как бы то ни было, от Черного Побережья до здешних мест расстояние было очень большое. А то, что Конан находился именно на севере, сомневаться не приходилось. Об этом свидетельствовал, помимо всего прочего, холодный ветер.

Ворота Зла исчезли, как будто их никогда и не было. Также не было поблизости никаких следов Вуоны. Вряд ли она ушла далеко. Впрочем, совершенно непонятно, как обстоят дела с расстоянием для тех, кто проходит сквозь Ворота.

И непонятно также, в каком она была состоянии, когда нырнула в дьявольскую дыру. И в каком состоянии находится Вуона сейчас. Особенno если учесть, что убежала она полубезумная от страха и была совершенно обнажена. Она могла просто упасть в реку с этой высоты. Вполне возможно, что она упала ниже по склону и полетела в пропасть и теперь где-нибудь здесь лежит ее труп, изувеченный о скалы до неузнаваемости.

Конан не имел ни малейшего представления о том, какие боги хозяйничают в здешних землях и

каким образом обращаться к ним с прошением, если в этом возникнет надобность. Поэтому он просто попросил холодного Крома, если Кром в здешних землях имеет хоть малейшее влияние, перенести его назад, в Черные Королевства. И еще он попросил, чтобы Кром снова столкнул его с Идоссо и чтобы Идоссо был еще жив, дабы Конан мог его убить. Убить Идоссо стало для Конана делом принципа, ведь он поклялся в этом Вуоне. Хотя, по всему видать, отсюда до Черного Побережья путь неблизкий.

Конан вторично дал торжественную клятву убить Идоссо. Вокруг ничто не изменилось и ничто не давало Конану каким-то образом понять, что боги им недовольны.

После этого Конан перешел к делам более практическим. Он стал размышлять, насколько хорошо одет для здешнего климата и вообще подготовлен для жизни в здешних краях. Осмотром Конан остался доволен. Ему приходилось уже странствовать по лютому холоду практически нагишом. Сейчас же сандалии защищали ноги от острых камней, на поясе висело оружие. Имелся небольшой запас вяленого мяса и острые стручки (твёрдые, как дерево, да и на вкус, по мнению Конана, ненамного лучше древесины).

Оружием киммерийца были меч и кинжал. Копье же теперь можно было использовать разве что как дубину или посох. Наконечник из мягкого железа не пережил столкновения с твердой скалой далекого севера. Конан подумал о том,

что неплохо было бы иметь еще и лук. Но здесь что-то не было заметно ни лучников, ни оружейных мастерских, где продавались бы стрелы. Поэтому он решил поискать подходящее дерево, сухожилия для тетивы, а также перья птиц и прямые ветки, чтобы самому изготовить все необходимое. Стоило также подумать и о праще — оружии, которым он редко пользовался в сражении. Но праща была именно тем, что нужно человеку, желающему сытно набить себе брюхо в безлюдной местности (впрочем, как и в местности более цивилизованной).

Конан вложил изуродованное копье в левую руку, а правую вооружил кинжалом. Затем, вспомнив давний опыт лазания по киммерийским скалам, начал взбираться наверх, туда, где синело небо.

Скира долго ждала, но из помещения, где находился отец, не доносилось ни звука. Более того, в пещере царила непривычная тишина. Такого Скире никогда еще не приходилось слышать, даже когда отец ее спал.

Именно сном всегда и завершались колдовские штудии отца. Природа брала свое. Затуманиенный колдовскими заговорами мозг отключался. Скира привыкла к тому, что завершение занятий отца знаменовалось храпом. Отец храпел так, что эхо разносилось по всей пещере. Для девушки это означало, что нужно пойти к отцу и укрыть его теплым одеялом.

Глаза Скиры увлажнились при воспоминании о том, что ушло безвозвратно. Об их жизни еще до изгнания сюда, в глушь. О жизни, когда еще не было ничего из того страшного, что связано с этим изгнанием. В течение того года, что болела мать, отец приходил и укладывал Скиру в постель, укрывая ее одеялом. Теперь наступила ее очередь укрывать отца, — теперь, когда его горе, вызванное потерей жены, угрожало лишить его остатков человечности.

Неужели же и это подошло к концу? Неужто горе действительно в конце концов превратило отца в то, чем он стал, — в раба неумело развязанных колдовских сил? По крайней мере, Скира молила богов (когда могла вспомнить их имена), чтобы они не допустили гибели ее отца. Неужели же и в самом деле он был столь убит горем? Нормальный человек не впадает в такое отчаяние. Но отец, похоже, ни о чем другом не думал, кроме как о мести за смерть жены.

Скира с предельной ясностью знала только одно: если станет ясно, что отец полностью находится во власти заклятий, или если же он умрет, ей нужно будет уходить из этой пещеры. Через некоторое время она, конечно, вернется и исполнит свои дочерние обязанности, а пока ей нужно заботиться о самой себе, то есть совершенствовать собственное магическое мастерство, чтобы было что противопоставить магии отца.

Воздух в пещере был более горячим и тяжелым, чем обычно. Ощущался запах серы. Стре-

мясь как можно скорее оказаться на свежем воздухе, Скира тем не менее не позволяла себе глупой поспешности. На ней было магическое одеяние, которое она надевала, когда исследовала свитки. Она достала штаны, тунику, пояс и кинжал, спрятала волосы под капюшоном и сверху набросила кожаный гандерский плащ.

В тишине, с посохом в руке Скира пробиралась к выходу из пещеры. Она остановилась, поцеловала рукоять кинжала, запалила лампу и, двигаясь вдоль стены, направилась туда, где виден был дневной свет.

Пикты учили ее ходить лесными дорогами, равно как были в этом наставниками большинства других людей. И если теперь они посмели бы отираться вблизи пещеры, то, конечно же, заметили бы ее куда раньше, чем она увидела бы их. Совы запросто могут подобраться к пещере. Тогда Скира вряд ли доставит тревожную весть отцу.

«А вдруг отец сам позволил им подойти сюда поближе», — отозвалось в уме девушки. Внезапно ветер, дующий у пасти пещеры, стал более холодным.

Эхо звучало все громче. Она поняла, что этот звук рождается не в ее воспаленном мозгу. То, что она слышала, было боем пиктских барабанов. Звуки были очень далекими. Судя по всему, клан выступил в военный поход.

Скира по-прежнему находилась у входа, однако не решалась отходить далеко от пещеры.

Пикты ненавидели колдовство. Они не стали бы разбираться, кто перед ним — колдун или его дочь. Они прикончат любого, кто имеет связь с таинственной пещерой.

Юноша Говинду был рад тому, что все поверили в его храбрость. Даже отец. Правда, отцу пришлось пострадать из-за этого. Все-таки Говинду был его единственным сыном.

Хотя, по большому счету, Говинду понимал, что был столь же возбужден, как тогда, когда взял первую женщину, и столь же напуган, как был напуган тогда, когда охотился на первого леопарда. В те разы ему повезло. Женщина осталась удовлетворенной, а леопард был убит. Только воспоминание о тех двух удачах и позволяло ему держаться, пока он шел сквозь Ворота Зла. Ощущение было такое, будто он идет по грязи. Казалось, вот-вот и грязь станет еще более жидкой, и тогда Говинду утонет. Золотой демонический свет исчезнет, и настанет бесконечная темнота.

Внезапно грязь словно высохла, а золотое сияние стало тускнеть. Мгновение спустя Говинду почувствовал под ногами что-то холодное и твердое. Холоднее и тверже всего, что он когда-либо ощущал в своей жизни. Ему доводилось слышать, каково это — ходить по голой скале, когда тебя обдувает ветер, более холодный, чем зимние дожди. Об этом рассказывали старики, которые некогда добирались до Лунных Гор и

вернулись назад. Сам Говинду никогда не покидал земель бамула. Рассказы же стариков, дабы выразить свое уважение старшим, просто принимал на веру, как и положено подростку.

Говинду встал на колени, затем вскочил и побежал. Он не знал, что там, перед ним, не знал, что позади него. Знал он только одно: если есть вокруг враги, лучше затруднить им работу и двигаться. В живую цель попасть труднее. Однако двигался юноша с оглядкой, чтобы сгоряча не угодить в засаду.

Говинду пробежал пятьдесят шагов, прежде чем понял, что двигается по крутым склону. Кроме того, он несколько раз врезался в стволы больших деревьев. Их нижние сучья хлестали его по лицу. Наконец юноша остановился, рассматривая длинные ветви деревьев.

Вместо листьев ветки были покрыты тонкими иголками, а вместо орехов на них росли чешуйчатые шишки. Как-то Говинду доводилось видеть кольчужную рубаху, снятую с тела стигийского работоговца. Рубаха тоже состояла из чешуек, вроде этих шишек. Кроме того, о подобных деревьях толковали те самые старцы, что ходили в Лунные Горы.

Даже если Ворота Зла увлекли их не дальше, чем до Лунных Гор, все равно предстоит долгое путешествие к дому. Не все, кто вошел в Ворота, вернутся из такого длинного и опасного путешествия. По дороге придется биться с враждебно настроенными племенами, не говоря уж о при-

служниках демона, которые наверняка где-то здесь, поблизости, готовые в любой момент...

Из-за холма послышались звуки барабанов. Барабанщики были скрыты где-то среди деревьев, их было не видно, но Говинду привычно оценил расстояние до барабанщика как полдня пути по джунглям. Барабанщиков было пять или шесть, били они в малые барабаны.

Прокатился гром, хотя Говинду не увидел молний. Не было видно ни изменений в золотом свете, ни колебаний в воздухе. Он заметил человека, который шатаясь стоял на открытом месте, а потом упал на колени. За ним появились еще люди. Наконец их стало столько, сколько пальцев на руках и ногах.

Может, Ворота Зла невидимы с дальнего конца? Когда имеешь дело с такой могущественной магией, возможно все что угодно. Если это правда, то тот, кто распоряжается Воротами, легко может посыпать воинов, куда ему понадобится. Скажем, прямо в хижину к вражескому вождю...

Говинду подавил крик. Он узнал первого человека, появившегося в Воротах. Это был его отец, Бессу. А с ним — другие воины из долины Мертвого Слона. Потом прямо из пустоты вынырнули бойцы племени больших бамула. Говинду узнал Кубванде и куда менее удачливого Идоссо. Паренек начал спускаться по склону. Он был рад увидеть, что с воинами ничего не случилось. На первый взгляд они не были безумны. Один за другим они возникали в воздухе.

Они тоже заслышали звуки барабанов и теперь приготовили оружие и подняли щиты.

Радость, однако, тут же испарилась, когда Говинду увидел, что его отец о чем-то препирается с Идоссо. Они переругивались полушепотом, Говинду не слышал слов. Но он слишком хорошо знал лицо своего отца, чтобы даже отсюда, с расстояния, понять, что происходит. Кубванде держался так, чтобы было видно: он не намерен поддерживать ни одну из сторон. Очевидно, он желал ослабления как Идоссо, так и Бессу. Да и в целом ослабления всего отряда. Кубванде даст разгореться ссоре.

Говинду начал двигаться быстрее. Его место рядом с отцом. Тем более что отец последовал за ним сквозь Ворота Зла. Юноша двигался теперь так быстро, что из-под ног у него вылетел камень, и он бы упал, если бы не уцепился за дерево.

В кустах наверху прятался какой-то человек. Говинду ясно видел его, хотя никто из тех, кто не привык охотиться в густых лесах, не распознал бы в этой тени человека. Говинду же не только определил, что в кустах скрывается человек, но и разглядел, что на том надета набедренная повязка и ожерелье из человеческих зубов. Человек был покрыт раскраской и татуировкой. Там, где кожа не была скрыта красками, можно было определить, что цветом она сходна с кожей стигийцев. У человека имелись бронзовый боевой топор и короткий лук с колчаном, полным стрел с кремневыми наконечниками.

Воин глазами обшаривал кусты и деревья в поисках источника боя барабанов. На мгновение у Говинду появилось ощущение, что дерево, за которое он уцепился в последний момент перед падением, не могло укрыть его от взгляда этого человека, равно как не могло скрыть от стрел. Неужто этот человек — могучий маг? Может быть, весь его народ — могущественные маги? Но даже если тип этот и был магом, магии его было явно недостаточно, чтобы обнаружить Говинду. Однако же человеку не требовалось никакой магии, чтобы увидеть бамула, собравшихся на открытом месте, или подать сигнал своим товарищам, прятавшимся где-то поблизости. Он трижды поднял и опустил топор. Только те, кто стояли за ним, могли видеть этот знак. Они да еще Говинду. Увидел черный паренек и то, что несколько окрестных кустов также задрожали. Стало быть, этот человек возглавляет небольшой отряд. Если у всех у них луки...

Говинду знал, что ему нужно сделать, если все незнакомцы вооружены луками. В этом случае он окажется один среди, самое малое, шестерых врагов и неминуемо умрет. Но если он успеет перед смертью подать сигнал, то его отец и другие останутся жить. Если он вовремя сообщит им об опасности и воины узнают, кто это сделал, потомки будут вечно помнить беззаветную храбрость Говинду, спасшего своих соплеменников, и сказители вечно будут петь о том легенды.

И Идоссо узнает, каков у Бессу сын. И конечно же, согласится, что лидерство в отряде должно принадлежать отцу героя, предводителю малых бамула. А если Идоссо этого не поймет, то догадается Кубванде.

Человек в кустах снова приподнялся. Теперь в его руках был натянутый лук со стрелой. Встав, он повернулся к Говинду боком. Ростом он был чуть меньше юноши, однако стоял так, что являл собой роскошную цель.

Говинду метнул копье. В тот момент, когда копье поразило незнакомца, молодой воин рупором приложил руки ко рту и прокричал:

— Вайо! Вайо! Вайо! Враг идет! Вайо! Вайо! Вайо! Сын Бессу зовет!

Конан продолжал взбираться по склону. Он как раз достиг вершины, когда услышал барабаны. Можно было потратить больше времени, осматривая местность с этой возвышенности, но для киммерийца и короткого взгляда было достаточно.

Это действительно был север. Здесь росли сосны и ели, небо было куда более блеклым, а солнце более слабым, чем в земле бамула. Вдалеке виднелась серая полоска — море, совершенно не похожее на теплую синеву вод, где плавал корабль Бэлит.

На мгновение опять вспомнилась Бэлит и все, связанное с ее смертью. Конан потряс головой. Порыв ветра хлестнул его по плечам. В его род-

ной Киммерии был именно такой ветер, но никогда подобные ветры не дули на Черном Побережье. Грусть прошла, сменившись мрачной решимостью.

Те края, куда занесли Конана Ворота Зла, не были похожи ни на Черные Королевства, ни на Вендию. Это была какая-то неизвестная Конану северная земля. Как только отыщется Вуона, нужно будет обязательно разузнать, куда же зашвырнуло его колдовство. Должно быть, среди здешних скал и елей скрывается хозяин Ворот Зла.

Конан искал следы Вуоны, когда услышал барабаны. Он тотчас же решил подкрасться поближе к барабанщикам и понаблюдать за ними из укрытия. Если они выглядят дружественными, то можно будет узнать у них, куда его занесло, а у костерка, за ужином с добрым элем, попросить их помощи в поисках Вуоны. Он сомневался в том, что ему откажут в помощи, какое бы племя ни населяло здешние края. Если, конечно, удастся найти с ними общий язык.

С другой стороны, если местные люди с виду покажутся враждебными, то можно будет захватить пленника и узнать все, что необходимо, от него, правда, в куда менее дружеской обстановке. В этом случае также можно узнать, какая судьба постигла Вуону и кому за это мстить.

Конан начал спускаться вниз по склону, двигаясь с грацией человека, выросшего среди скал. Он беззвучно скользил между деревьями. Кимме-

риец двигался так тихо, что не тревожил даже белок. Вскоре, Конан разглядел первых местных жителей. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что на дружеский прием рассчитывать не приходится.

То были пикты. А слово «пикт» для любого киммерийца равнозначно слову «враг». О пиктах Конан знал немало от людей, которым доводилось воевать в Дебрях Пиктов, — и от киммерийцев, и от прочих. У многих бывалых воинов остались на память жуткие шрамы и неутоленная жажда мести за чудовищно умерщвленных друзей. Все рассказчики, как один, дружно ненавидели пиктов.

«Есть в них нечто совершенно противное любому богу, — вспомнились Конану слова одного аргосского наемника. — Пикты враждебно относятся ко всем, даже к собственным соплеменникам. Будь у них оружие получше того, что у них имеется, они оказали бы нам истинное благодеяние, перебив друг друга. Ну а так, скажу я тебе, эта чума будет бродить по земле еще долго после того, как мой внук сам станет дедом».

Искусно умевшие маскироваться пикты были легко вооружены и, естественно, не могли тягаться с Конаном в битве один на один. Но в этих землях Конан один, а пиктов сотни, и каждый вооружен луком.

Барабаны продолжали стучать. Звук смешался. То ли ветер относил его в сторону, то ли барабанщики перемещались с места на место. Конан решил, что ветер дует от основного отряда

пиктов к нему, так что тихий шорох его шагов врагам не слышен.

Киммериец хотел подкрасться к ним незамеченным, прежде чем они атакуют того, кому решили объявить войну. Если их вероятный противник происхождением из цивилизованных земель, то он будет благодарен Конану за помощь. Если же речь идет о простой усобице между пиктскими кланами, то обе стороны будут враждебны к чужакам. Зато в этом случае Конану удастся заполучить пленника. Пленник-пикт избавил бы Конана от необходимости самому изготавливать лук.

Конан прикинул, где может находиться фланг пиктского отряда. При этом он рассуждал, исходя из собственного опыта. Где бы он сам, Конан, поставил людей, вздумай устроить здесь засаду? Расчет Конана оказался верным. Вскоре показался большой отряд пиктов. Если бы кто-то находился внизу, среди деревьев, то он едва ли что-нибудь увидел. Но для пронзительных голубых глаз, следящих сверху, весь отряд был как на ладони.

Конан уже было собрался пасть на четвереньки, чтобы подобраться поближе, когда заметил хрупкую темную фигуру, поднявшуюся из укрытия немного ниже по склону. На мгновение лучи солнца блеснули на наконечнике копья, которое метнул молодой воин. Один пикт распрошался с жизнью, и Конан услышал бамульский боевой клич.

Клич все еще звучал в воздухе, когда пикты, находящиеся ближе к Конану, вскочили и бросились карабкаться по склону. В следующее мгновение киммериец узнал того, кто бросил копье. Это был тот самый деревенский мальчишка, Говинду. Теперь, судя по всему, дела парня плохи, жить ему оставалось недолго, и здесь рядом находился лишь один-единственный человек, кто мог бы считаться его другом.

Конан издал неистовый боевой киммерийский клич, и меч его вылетел из ножен. Галька посыпалась у него из-под ног. Не переставая кричать, Конан бросился вниз по склону, проламываясь сквозь кусты, будто катящийся камень, увлекая за собой в этом безумном беге гальку, щебень, валуны и катясь страшной лавиной на пиктов.

Глава девятая

Говинду заметил Конана только тогда, когда киммериец начал прорубаться сквозь арьергард пиктского отряда. На пути Конана было слишком много деревьев, среди которых скрывалось немалое число пиктов. Кроме того, пикты делали все, что было в их силах, пытаясь остановить его, а Конан, в свою очередь, прилагал все усилия для того, чтобы оставаться в живых.

Первый убитый Говинду пикт отвлек на себя внимание всех дикарей, находящихся вокруг паренька. Пикты выскочили на открытое пространство, схватили свои луки, натянули их, положили стрелы на тетиву и начали стрелять. Те, у кого не было луков, бросали копья. Только быстрота ног и прикрытие деревьев спасли Говинду от мгновенной смерти.

Юноше удалось оторваться на тридцать шагов от неприятеля. На бегу Говинду искал место, где можно было бы укрыться. Если бы

боги смилостились и указали ему укрытие, где его не нашли бы эти вонючие люди с расстрапанными волосами! Однако Говинду понимал, что надежда на богов — это одно, а самостоятельно принятное решение — совершенно другое. Возможно, удалось бы найти какое-нибудь место, где Говинду мог бы сразиться с пиктами на равных и даже убить еще нескольких врагов, прежде чем они уничтожат его. Для этого нужно еще одно копье, помимо боевой дубинки, которая еще оставалась с ним. Впрочем, копье можно выдернуть из тела мертвого врага.

Говинду сделал и так больше, чем рассчитывал. Он убил одного врага, отвлек на себя внимание остальных и все еще оставался в живых. Если ему удастся прожить еще немногого, песни, которые сложат о его действиях, утешат его отца, лишившегося единственного сына. Да и самому юноше будет, наверное, легче предстать перед богами в Обители Теней.

Копье ткнулось в кусты всего лишь на расстоянии одной руки от Говинду. Он рискнул оглянуться назад и едва не поплатился жизнью за этот единственный взгляд. Паренек наступил ногой на сук, столь гнилой, что даже легкий вес подростка переломил его. Обломок сильно расцарапал лодыжку.

Видя, что жертва замедлила бег, пикт, бегущий впереди остальных, также побежал медленнее. Эта ошибка дорого обошлась ему.

Юноше как раз хватило времени на то, чтобы схватить упавшее в кусты копье и метнуть его назад.

Пикт как раз вытаскивал из-за спины лук, когда копье с хрустом вошло ему меж ребер. Пикт вскинул руки и упал прямо под ноги своих товарищей. Кровь хлынула у него изо рта, когда он, кашляя и хрюпя, расставался с жизнью. Наконец его дрожащие руки застыли. Четыре оставшихся в живых, полностью вооруженных пикта смотрели на бамульского мальчика, стоявшего с одним лишь копьем и боевой дубиной. Это оружие добавит в песни, которые сложат о нем бамульские барды, еще новые эпизоды.

А что песни сложат — в том Говинду ни в малейшей степени не сомневался. За его спиной деревья расступались. Начинался открытый склон. Здесь даже крысе не спрятаться. Дальше по склону начинали громоздиться валуны, но пикты, конечно же, убьют его раньше, чем он достигнет этих валунов.

С мальчишеской бравадой Говинду сделал не-пристойный жест:

— Говинду, сын Бессу, приветствует вас! Отнесите это приветствие вашим женщинам! Может быть, они оплачут того мужчину, которого вы сразили, и принесут на мою могилу ваши яйца.

Пикты не поняли ни слова из бамульской речи, но интонация была столь очевидной, что

воины завыли от ярости. Один положил стрелу на тетиву.

Мгновение спустя ситуация кардинальным образом изменилась. Камень, прилетевший, казалось, ниоткуда, разбил голову лучника. Демонический рев заставил остальных пиктов броситься врассыпную. Даже умирающий лучник попытался скрыться с глаз. Пикты оглядывались, пытаясь понять, что за новая напасть накатила на них, когда из-за деревьев, подобно штурму, вылетел Конан и бросился на них.

Против Конана три пикта имели не больше шансов, чем три козла передо львом. И ни один из них не ушел. Мгновение спустя все трое приняли смерть. Конан метнул копье, которое вонзилось в основание шеи одного из пиктов, а затем наконечник вылетел изо рта убитого, в дожде крови и обломков зубов. Второй камень ударили еще одного пикта прямо над набедренной повязкой. Пикт пошатнулся, бросился было бежать, но ударился о дерево так сильно, что потерял сознание.

Последнему противнику киммерийца не осталось ничего иного, кроме как принять бой. Он сделал это с мужеством, подобающим настоящему воину, но против него было копье Говинду и меч Конана. Бамульское копье вонзилось пикту в бедро в тот самый момент, когда аквилонская сталь рассекла несчастного от плеча до живота.

Конан покрепче уперся в ребра пикта и вырвал свой меч. На лице у него была плото-

ядная ухмылка, очень похожая на оскал леопарда.

— Никогда не суйся под руку человеку с мечом, когда тот занят работой...

— Прости, Конан.

— Поскольку ты своей деревяшкой не попал в меня, я тебя прощаю. Ладно, пойдем поглядим, что твой отец с его чёрными приятелями поделяют там с этими говнюками.

— А кто они, Конан?

— Народ, который называет себя «пиктами». Если я узнаю что-нибудь еще, я скажу тебе позднее. Пока что большего мне неизвестно.

Будто бы стремясь напомнить им о работе, которую еще оставалось сделать, ниже по склону снова заговорили барабаны. Но на этот раз били они недолго. Бой барабанов утонул в лязге оружия и в боевых кличах обеих враждующих сторон. Среди криков Говинду показалось, что он слышит предсмертные стоны.

Ему не понадобилось приказывать вторично. Он последовал за Конаном.

Киммериец знал о пиктах достаточно, чтобы, сражаясь с ними, принять в расчет некоторые вещи. На стороне Конана были его сила, скорость и его инстинкты, сами по себе значащие не меньше, чем превосходный меч. А еще был опыт сражений в дюжинах стран против всевозможных противников. Некоторые из них были горцами, подобными пиктам, хотя Дебри Пиктов

куда более густо поросли лесом, нежели горы Ильбарса или безлюдные районы северного Иранистана.

Конан, а за ним Говинду начали спускаться по склону, стремясь поскорее скрыться среди деревьев. На открытой местности они, конечно, могли бы передвигаться быстрее, но зато давали бы любому пиктескому лучнику возможность по-практиковаться в стрельбе. Деревья же скрыли их и пиктов друг от друга. Конан надеялся, что если случайно и насочтит на какой-нибудь отряд пиктов, то сможет оказать достойное сопротивление. При этом киммериец был не один. Рядом с ним была вторая пара глаз и умелые руки воинов, которыми управлял острый, хотя еще и юный, неопытный ум.

Деревне в долине Мертвого Слона и мечтать нечего о лучшем вожде, каким станет со временем Говинду, если, конечно, демоны не превратят деревню в пепелище, прежде чем Говинду достигнет такого возраста, когда власть от отца перейдет к нему.

Как Конан и предполагал, пикты шли двумя отрядами. Говинду столкнулся с одним из этих отрядов. При таком положении дел пикты вполне могли обойти бамула и осыпать их смертоносным дождем стрел с обеих сторон. Сам Конан не раз и не два нарывался на подобные засады. И каждый раз он с трудом прорубал себе путь, спасая свою жизнь, как правило вынося на своих плечах раненых или мертвых друзей. Вре-

менами же и на его собственной шкуре появлялось несколько новых дырок. Так что науку о засаде он изучил, можно сказать, на собственном опыте.

Говинду оттянул первый пиктский отряд с той позиции, которую те явно намеревались занять. Затем бамула и киммериец перебили пиктов столь быстро и тихо, что остальные вражеские воины так и не успели толком понять, что произошло. Свирепые, но плохо дисциплинированные воины, они стреляли из-за деревьев в бамула и полностью были поглощены этим занятием, когда сверху на них обрушились Конан с Говинду.

И снова атака напоминала каменную лавину, врезающуюся в стоящую на склоне хижину. На этот раз, однако, пиктов было куда больше. Некоторые начали сражаться, безнадежно, как загнанные в ловушку волки. Другие же обратились в бегство, то и дело сталкиваясь друг с другом на узких тропах, выкрикивая ругательства, швыряясь камнями, а иногда даже вступая в драки.

Конан и Говинду ворвались в ряды врагов, рубя, пронзая, убивая всех на своем пути. Ни мужество, ни отвага, ни быстрота ног не спасали тех пиктов, которые оказывались в пределах досягаемости этой пары.

В левой руке у киммерийца было копье, в правой — меч. Он пронзил копьем плечо пикта, вооруженного топором, а затем, когда тот выронил свое оружие, разрубил врагу череп. Следую-

щим ударом он рубанул лучника, который повернулся к нему спиной, а затем вонзил копье ему меж лопаток. Оружие пропороло врага буквально насквозь и застряло где-то под ребрами. Конан поставил ногу на спину упавшему пикту, уперся в него, раздирая мясо и ломая кости поверженного, с трудом выдернул копье.

Затем одним движением киммериец резко повернулся и ударил подбежавшего пикта тупым концом копья в челюсть. Тот пошатнулся и отступил назад. В этот момент к Конану подскочили еще два пикта, рассчитывая дать раненому товарищу время уйти. Пробежав три шага, пикт зашатался и упал. В это же время засвистел меч Конана. Три разящих удара нанес он — налево, направо, налево! Голова одного из нападавших повисла на лоскуте кожи, другой завопил и схватился за бедро, забыв обо всем и выронив оружие. Четвертым могучим ударом Конан рассек ему голову.

В руках у Говинду было всего лишь копье, да и то с искривленным наконечником, однако ему удалось убить одного пикта и отогнать второго. В этот момент на него набросился третий пикт, визжа, как свора демонов, и вращая над головой грубым каменным топором. Говинду нырнул под топор и ударил копьем прямо по рукам пикта.

Дикарь заорал и выронил топор. В следующее мгновение Говинду вонзил свое копье в плоть врага. Кровь побежала по древку копья и запузырилась на губах у пикта. Воздух со свистом

выходил из пронзенной груди. В агонии пикт изогнулся и вырвал копье у Говинду из рук.

Оглянувшись, Конан ударили дикаря ногой. Тот упал, увлекая за собой копье. Киммериец закрыл Говинду, сражаясь еще с двумя пиктами. Тем временем парнишка выхватил у убитого каменный топор и взвесил его на руке.

— Похоже на боевую дубинку, — заметил Говинду. Он начал яростно размахивать топором, вкладывая в это движение больше энергии, нежели умения.

Один из пиктов выбрал это мгновение, чтобы броситься вперед. Тяжелый каменный топор врезался ему в переносицу. Пикт упал, не издав ни звука. Лицо его было превращено в кровавое месиво.

Теперь вокруг Конана и его товарища возвышались лишь горы трупов. Здесь не было больше сражающихся пиктов. Крики из-за деревьев свидетельствовали о близости других врагов. Бамула, находящиеся ниже по склону, пробивались к киммерийцу.

И тут Конан наконец-то окончательно убедился в том, что Ворота Зла не сводят с ума проходящих сквозь колдовской туннель и не превращают в демонов. В противном случае бамула наверняка бы попали в ловушку пиктов, а Конану пришлось бы в одиночку заниматься поисками Вуоны.

Теперь же у него было двадцать или более товарищей, которые помогут ему найти девушку,

перебить пиктов и обнаружить хозяина Ворога Зла. С одной стороны, это было хорошо. С другой — плохо. Двадцати труднее прятаться, нежели одному. Кроме того, эти люди не привыкли к холоду северных земель. И не всем из них стоит доверять.

Конан подал Говинду сигнал, и они начали пробиваться вниз по склону. Теперь стрелы летели гуще. Пикты, находящиеся ниже по склону, больше не боялись поразить своих — те были перебиты либо разбежались. Лучниками пикты были не самыми отменными. Десяток конных туранских всадников мог бы многому их научить. Пикты же ограничивались тем, что осыпали противника дождем стрел. Что до точности их стрельбы, то она оставляла желать лучшего.

Перебегая от дерева к дереву, Конан и Говинду прорубались сквозь ряды оставшихся пиктов. Троих они сразили, после чего оставшиеся перестали стрелять, снова боясь попасть в своих. Конан подхватил лук и пустил его в дело. Говинду он приказал подбирать еще луки и стрелы, какие увидит.

— Нам предстоит пробыть в этих краях достаточно долго. Понадобится пища. А на охоте лук куда лучше копья, — сказал Конан.

— Тебе приходилось биться в этих краях? — спросил Говинду.

— В похожих — да, — отозвался Конан. — Кроме того, в Аквилонии я был знаком со

многими, кто прежде служил на пиктской границе. Они немало рассказывали об этих ублюдках.

— Боги свидетели, этого достаточно, — проговорил Говинду. Сейчас он выглядел так, как должен выглядеть парнишка его лет: безрассудно отчаянный мальчишка, оказавшийся далеко от дома.

Конан похлопал его по плечу.

— Давай-ка поторопись. Собирай стрелы быстрее, — сказал он. — А я послежу, чтобы никакой пиктский болван нам не помешал.

Прежде чем стих грохот пиктских барабанов, до Скиры донесся шум битвы, который ни с чем невозможно спутать. Дочь колдуна тотчас же вернулась в своих мыслях на землю. Пикты редко так близко подходили к обиталищу ее отца, а уж о битвах здесь и вовсе не слыхали. Если она узнает, кто с кем сражается, и принесет это известие отцу, то заслужит прощение за то, что покинула пещеру.

Скиру разрывали два противоположных чувства — страх и любопытство. Какой смысл умирать, если новость ей придется унести с собой в могилу? Пикты куда лучше нее ориентировались в горных лесах. Впрочем, и она была не беспомощна. Тот, кто рожден в Боссонских Пределах, умеет отличать одно дерево от другого и отличать землю, которая прячет, от земли, которая выставляет напоказ.

Скира попыталась представить место, где должна происходить битва, и задумалась над тем, по какой дороге лучше туда подобраться, чтобы посмотреть. Не воспользоваться ли заговором невидимости? Однако подобные заговоры делятся недолго и могут оставить ее беспомощной и открытой врагу в самый неподходящий момент.

Нет, лучше попытаться подкрасться бесшумно, как кошка подкрадывается к птице. Так она получит больше информации, а опасности, сопряженной с этим, будет меньше. Скира легла на землю и поползла. Местность была открытая — укрыться можно было только в низком кустарнике. Дальше, в тридцати шагах, начинались деревья, которые, как она знала, тянулись по склону до самого места предполагаемой битвы.

Оказавшись среди деревьев, Скира успела сделать всего лишь шагов пятнадцать, когда заметила, что за кустарником что-то движется. Она замерла и задержала дыхание, дожинаясь, не повторится ли движение. Но вот куст снова вздрогнул. Теперь Скира видела, что за ним скрывается человек.

Девушка вслушивалась в звуки, доносящиеся из зарослей. Одновременно она пыталась определить, нет ли поблизости пиктов. Возможно, битва была всего лишь стычкой двух племен. Клан Змеи и клан Волка могли нарушить табу и вторгнуться на территорию белого шамана, а те-

перь сражаются с кланом Совы, который защищает эту землю. Скира не питала ни малейших иллюзий насчет своей участи, окажись она в руках воинов любого из этих кланов. Однако Змеи, конечно же, убьют ее, убьют беспощадно. Что до клана Совы, то тамошние пикты, может быть, не станут сразу убивать дочь шамана, если только сумеют ее узнать.

Впрочем, Скира быстро убедилась, что шум битвы заглушал все звуки. Вряд ли она услышала бы что-нибудь, окажись поблизости пикт. Этот же шум мешал пиктам обнаружить ее, Скиру. Девушка вытащила кинжал и поползла к кусту, за которым что-то шевелилось.

Затрещали сучья. Во все стороны полетела галька. Темнокожий человек, будто обезумев, выскочил на открытое пространство. Задержавшись на мгновение, неизвестный собрался было броситься дальше, когда Скира крепко схватила его за лодыжки. Дочь колдуна нельзя было назвать опытным бойцом, но в создавшейся ситуации она непонятным образом сумела сохранить спокойствие, кроме того, девушка привыкла к жизни в глухи, где человек сам должен уметь за себя постоять. Потеряв равновесие, ее противник упал прямо на нее. Скира увидела лицо с круглыми, расширенными глазами. То была молодая темнокожая женщина.

Сейчас дочь колдуна отдала бы, не задумываясь, десять лет своей жизни, только бы узнать заклятие, которое одновременно заставило бы ту,

вторую, замолчать и убедило бы ее, что перед ней друг. Лучшее, что могла сделать в данной ситуации Скира, — зажать рукой рот женщины и зашептать ей на ухо что-то успокаивающее. Она заметила, что ухо порвано и кровоточит. Очевидно, оттуда была вырвана серьга. На черной коже остались царапины и порезы. Видимо, здорово ободралась о камни. К тому же какой-то негодяй успел приложить к ней лапы.

Насколько Скира могла судить, за исключением этих повреждений, женщина была здорова.

Дочь колдуна надеялась, что этого было более чем достаточно, ибо незнакомка принадлежала к расе, которой Скира никогда не видела. Женщина была темнее любого пикта или шемита и при этом была хорошо сложена. Под пылью, приставшими листьями, царапинами угадывалась девушка, которая только-только входит в зрелые годы.

А не из Черных ли Королевств она, что находятся далеко на юге? Судя по тому, что Скира слышала об этом народе, — очень похоже. Но тогда что, спрашивается, она делает здесь, в Дебрях Пиктов, так далеко от дома? Здесь, вдали от любого побережья, куда ее мог доставить корабль?

Ответ был прост. Очевидно, Переместитель связал Черные Королевства с Дебрями Пиктов. Это произошло либо случайно, либо же Лизениус сделал это намеренно. Эта женщина, дол-

жно быть, вошла в туннель. Или была туда завлечена, подобно многим другим, с помощью заклятия, мутившего рассудок. Весь вопрос в том, одна ли она явилась сюда из Черных Королевств? Незнакомка была совершенно голой и не имела никакого оружия. Обычно в неведомые края в таком виде не отправляются. Может быть, она безумна? Скира снова посмотрела в глаза женщины.

Глаза эти были широко раскрыты и полны страха, но признаков сумасшествия Скира не обнаружила. Дочь колдуна указала на себя.

— Скира, — сказала она.

Глаза незнакомки распахнулись еще шире.

— Вуона, — отозвалась она.

— Вуона, — повторила Скира, указывая на собеседницу. Чернокожая девушка энергично закивала.

За всеми этими делами битва ушла для Скиры на задний план. Теперь же она снова вспомнила об этом, ибо из-за деревьев донесся предсмертный крик какого-то человека.

— Вайо! Вайо! Вайо! — услышала девушка. Клич донесся с той стороны, где кипела битва. Грозный боевой клич, вырывающийся из дюжины мужских глоток. Скире уже доводилось слышать победные песнопения пиктов. Но это было нечто другое. Голоса звучали более низко и сочно, в них чувствовалась некая зловещая, дикая сила.

Вуона вскочила, будто укушенная змеей.

— Бамула! — вскричала она.

Скира попыталась удержать ее. Пикты, все три клана, должно быть, тоже услышали этот крик. Если только до них еще не донесся шум битвы. Надо соблюдать осторожность. А ринувшись напролом, запросто можно угодить в засаду и напороться на клинки пиктов.

Незнакомка отбивалась с удивительным проворством. Скира начала было жалеть, что под рукой у нее нет пиктского боевого молота. Добрый удар по голове, и...

— Ты бамула? — спросила Скира. Может быть, это название племени Вуоны? Может быть, через Ворота Зла сюда проник военный отряд и очутился среди пиктов?

Вуона кричала не переставая. Теперь этот крик заглушал даже шум битвы. Пиктских кличей слышно не было, только бамульские. Или это стоит понимать так, что бамула перебили пиктов?

Внезапно на склоне холма воцарилась тишина. Пауза длилась примерно столько, сколько нужно для того, чтобы глубоко вдохнуть и выдохнуть. Затем новый вопль огласил окрестности:

— Охбе Бессу, Охбе Бессу, Охбе Бессу!

Новый клич был не менее грозным, чем предыдущий, но более протяжным. Вуона внимательно прислушивалась, затем выкопала в земле небольшую ямку, вставила туда маленькую сосновую щепочку и засыпала ее.

— Бессу! — сказала она, указывая на дело рук своих.

Похоже, победа далась бамула не без потерь. Видимо, воин по имени Бессу с честью пал на поле брани. Снова, с еще большей силой, возобновился клич, воспевающий воина, погибшего в битве с пиктами.

Вуона показала на холм. Скира кивнула. Незнакомка явно хотела идти туда, даже несмотря на риск нарваться на стрелы пиктов, возможно скрывающихся где-нибудь поблизости. Если Скира не пойдет с ней, то незнакомка готова идти одна.

Девушка снова вызвала в голове образ тропы, ведущей к месту сражения. По крайней мере, Вуоне не придется идти одной. Кроме того, возможно, ей, в свою очередь, удастся уговорить незнакомку вернуться к пещере и привести туда свое племя. А дочь колдуна может указать безопасную дорогу. Взамен она даст Вуоне одежду, чтобы прикрыть наготу, и мазь, чтобы смазать царапины.

Кроме того, она сможет узнать, что там происходит. У Скиры не было заговоров, чтобы изучить язык Вуоны или научить ее боссонскому говору. Не могла она и войти в мысли чернокожей женщины и прочесть их без слов. Заклятия эти были в свитках, которых Скире так и не удалось коснуться, не то что прочитать. Что до отца, то тот знал эти заклятия наизусть, и поэтому свитки были ему ненужны.

Однако в самом ли деле эти заклинания все еще хранятся в его памяти?.. Вуона могла бы заговорить, увидеть в Скире и Лизениусе друзей. Она привела бы к ним остальных бамула, тех, что прошли сквозь Ворота Зла и остались живы. И не просто выжили, но и сумели дать бой пиктам.

Уже давно Скира дала себе клятву либо победить отца, либо прикончить. Естественно, как всякая любящая дочь, она не желала проливать кровь родителя. Лучше уж одолеть чародея без рукоприкладства. И бамула могли бы помочь ей в этом.

Глава десятая

Говинду пропустил Конана вперед. Киммериец шел первым по склону холма к тому месту, где находились бамульские воины. Гордо ступал деревенский парнишка, ибо в этот день он заслужил имя, которое осталось бы в веках, даже если бы это был его последний бой. Говинду задавался вопросом: интересно, в племени Конана — киммерала, так, кажется, оно называется? — существует ли обычай слагать песни-поминания? А если существует, то интересно, будет ли Говинду из деревни Мертвого Слона, из народа бамула, упоминаться в этих песнопениях, что станет распевать вокруг костров народ киммерала?

Для Говинду обернулось настоящей удачей то обстоятельство, что Конан шел первым. Киммериец увидел дрогнувшие листья, открывшие убежище спрятавшегося пикта. Пикт был жив, и киммериец определил это; хотя другой, менее

зоркий наблюдатель, увидел бы лишь мертвого пикта. Тем более что вокруг не было недостатка в мертвцах. Из одного трупа Конан вытащил топор с короткой рукоятью. Несмотря на то что топор был плохо сбалансирован для броска, он незамедлительно полетел в листву, туда, где скрывался враг.

Вопль, подобный крику раненой пантеры, заставил всех застыть на месте. Всех, за исключением Конана. Конан еще шел вперед, когда смертельно раненный пикт выпрыгнул на прогалину. Одна рука его бессильно повисла, в другой же оставалось копье. И это копье полетело в сторону подбегающих бамула.

У большинства хватило мозгов броситься на землю и поднять щиты. У Бессу доставало и ума, и быстроты, и даже времени вскинуть свое копье, однако же щита у него не было. Щит он отдал воину, который был безоружен. И прежде чем Бессу успел увернуться, копье пикта вонзилось ему в горло. От удара Бессу упал на спину. Его собственное оружие пропороло широкую грудь пикта, так что наконечник вышел из спины. Но даже несмотря на то, что Бессу сразил, можно сказать, труп, бамула заорали так, будто он уничтожил вражеского военного вождя.

Говинду бросился на колени подле отца. Все прочие хором запели:

— Охбе Бессу! Охбе Бессу! Охбе Бессу!..

«Хвала Бессу!» — означала эта песнь. Да, великий почет следует воздать человеку, который

последовал за своим сыном сквозь Ворота Зла в незнакомую страну, чтобы погибнуть там в битве. Но только дух Бессу услышал воздаваемую ему хвалу. Лицо старого воина было спокойно, широко раскрытые глаза смотрели в небо. Должно быть, он умер в тот момент, когда коснулся земли.

Говинду неподвижно стоял над телом отца и даже дыхание не волновало его грудь. Столь велик был его гнев! Изо всех сил юноша сжал копье. Обычай велел кровному родственнику, находящемуся рядом с погибшим, вытащить оружие из тела погибшего воина, а затем выполнить все ритуалы, необходимые для того, чтобы почтить мертвого. Если же поблизости кровного родственника не было, то эта обязанность ложилась на плечи самого старшего из присутствующих воинов.

— Мы должны также воздать почести Амре, — проговорил Говинду. — Без его верной руки, без его крепкого меча мы пострадали бы еще больше. Без его знания этой земли нам грозит опасность.

Говинду посмотрел на черногривого киммерийца, надеясь, что Конан не слышит скорби и безнадежности, звучавших в его голосе. Конан пожал плечами:

— Я не большой знаток обычаев пиктов. Слышал, что они многочисленны, как пчелы. Как тяжело убить всех пчел, так же тяжело перебить всех пиктов. Хотя эта земля куда больше

похожа на мою родину, чем ваша. И я знаю многое из того, что понадобится здесь человеку, чтобы жить и сражаться. И побеждать!

Кроме того, мы в лучшем положении, чем я рассчитывал. Это не царство демона, откуда единственный путь — через Ворота Зла. Колдун, который заправляет Воротами, может отнести к нам недружелюбно, но нам и не нужна его дружба. Где-то там, за горизонтом, море. По морю ходят корабли. Мы можем нанять корабль или в крайнем случае захватить его. Помните, я плавал с Бэлит и был ее правой рукой? Я-то хорошо знаю корабли!

Вперед выступил Идоссо. Он мотал головой. Говинду решил было, что великан все еще не оправился от побоев, нанесенных ему Конаном. Менее всего молодой вождь мог предположить, что Идоссо борется с бурлящей в нем неистовой яростью.

Первые же слова вождя рассеяли заблуждение Говинду:

— Ты говоришь, что ты привел нас сюда! Амрадулик?

Вряд ли станут называть «львиным деръемом» человека, с которым хотят сохранить хорошие отношения. Даже в шутку. А у Говинду не сложилось впечатления, будто Идоссо шутит.

— Я говорю, что знаю, как выбраться из этих земель, а вы — нет, — сказал Конан. — Кто-нибудь будет отрицать это? Между прочим, мне намного проще выбраться отсюда в одиночку и

найти корабль, который переправит одного меня в теплые края. Вместе с Вуоной, конечно. Да мне куда легче сделать это для себя одного, нежели для нас всех. Если вы хотите, чтобы я так и поступил, то скажите мне об этом сейчас, ясно и понятно, и больше вопросов не будет. Уладим это дело раз и навсегда, хорошо?

Мысль о том, что Амра бросит их здесь одних замерзать, умирать с голода или подыхать от руки пиктов, не понравилась никому. Даже Идоссо выглядел обескураженным.

Кроме того, старый вождь, похоже, что-то прочел на лицах некоторых своих товарищев. ЧТО-ТО — чему Говинду не мог дать имени по причине своей юности, но что не нравилось и мальчишке, ибо он был достаточно взрослым для того, чтобы ему ЭТО не понравилось.

— Нам что, предлагается воевать со всей окружной из-за Вуоны, если мы найдем ее с пиктской стрелой в брюхе? — с вызовом спросил вождь.

Конан снова пожал плечами:

— Если тебе хочется, то иди и ищи один. Только я сомневаюсь, что тебе удастся найти ее. Разве что она мертва или слишком изранена, чтобы двигаться. Завидев тебя, она убежит прочь.

— Никакая женщина не может меня бояться, — проворчал Идоссо.

Говинду заметил, что пальцы Идоссо начали сжиматься. Он также приметил, что Кубванде

явно чувствует себя не в своей тарелке. К несчастью, Идоссо стоял спиной к младшему вождю. Похоже, что на лицах тех, кто стоял перед ним, ничего не отразилось.

— В самом деле, — продолжал он, — Вуоне следует вернуться ко мне. Амра ей ни к чему. Амра делит свою постель лишь с такими, как Говинду.

В льдисто-голубых глазах вспыхнуло пламя. Конан сделал шаг вперед, сжимая кулаки. Идоссо стоял, широко расставив ноги, ожидая удара — руки или стали.

Удара так и не последовало. Конан просто спокойно сказал:

— Ладно. Ты утверждаешь, что я без ума от Говинду. Это верно. Парень, ты теперь второй после меня. Идоссо, будешь подчиняться его приказам так же, как подчиняешься моим.

Конан повернулся спиной к воину-великану. На мгновение Говинду показалось, что наконец-то воцарился мир, хотя это было далеко не тот мир, какого бы ему хотелось.

Затем кто-то засмеялся. Кубванде с любопытством оглядел стоявших вокруг, отыскивая глупца, осмелившегося засмеяться над Идоссо, когда великан находился в таком отвратительном настроении.

Говинду это тоже заинтересовало. Если ему придется отныне возглавлять этих людей, надо бы ему самому учиться разбираться в людях. Не все же ему узнавать от Конана.

Ни младший вождь, ни юноша так и не выяснили, кто же засмеялся. Идоссо взревел, как раненый буйвол, и бросился на киммерийца.

Яростный рев Идоссо, похоже, был испущен им преднамеренно. Оно и понятно: такие звуки вполне могут лишить противника уверенности. Не раз и не два Идоссо удавалось воспользоваться этим трюком.

Однако на этот раз старый вождь не достиг желаемого. Напротив, крик Идоссо предупредил Конана, и чернокожий великан лишился тех преимуществ, какие обычно дает неожиданность. Действия Идоссо никак нельзя было назвать действиями умудренного воина: когда имеешь дело с ТАКИМ противником, нужно использовать любое преимущество. Впрочем, Идоссо никогда и не славился мудростью и осмотрительностью.

Конан тотчас же понял, что перед ним страшный противник. Если Идоссо удастся достать его каким-нибудь коварным ударом или взять в захват, то исход поединка мог бы оказаться плачевным для киммерийца. Конану редко доводилось с голыми руками выходить против бойца, равного ему по моци, росту и стремительности движений. К тому же нужно учитывать, что ярость сделала Идоссо еще более опасным.

Несколько секунд Конану удавалось сохранять расстояние между собой и врагом. Это было до-

статочно долгое время, чтобы освободиться от меча. Он надеялся, что Говинду позаботится об оружии: смотреть, куда упали ножны с мечом, было некогда. Сейчас прославленное оружие не могло послужить своему хозяину. И не только потому, что это противоречило представлениям бамула о такого рода поединках.

Стоило Идоссо положить свои могучие ручи-ши на лезвие, жажда легкой победы наверняка превозмогла бы в нем страх публичного бесчестия. Конечно, победа и в этом случае не была бы для него легкой, а возможно, он и вовсе проиграл бы сражение. Но Конан сомневался в том, что следует давать Идоссо возможность изранить себя так, чтобы у него, Конана (пусть даже и победившего трудной ценой), недостало сил вывести бамульских воинов из пиктских земель. Этим бедолагам нужен один вождь. А Конан не только опытный воин, но и единственный, кто способен возглавить поход в этих северных землях.

Услышав лязг упавшего на землю меча, наблюдатели окружили противников и стали ударять кулаками о ладони. Так бамула аплодировали во время таких поединков чести. Конану оставалось только надеяться, что они не будут настолько поглощены зрелищем битвы, что забудут об опасности со стороны пиктов. Киммериец сильно сомневался, что все оставшиеся в живых дикиари покинули эти места. Он знал, что не в обычаях пиктов исчезать, проиграв

первую схватку. Наверняка эти кусты кишат дикарями.

Идоссо приблизился. Конан позволил ему сократить расстояние. Когда бамульский вождь находился в пределах досягаемости, настала очередь Конана броситься вперед. Кулак впечатался Идоссо в висок. Сила удара была такова, что, придись он удачно, кулачище Конана оглушило бы и быка.

Однако противники были достойны друг друга. Идоссо успел отпрянуть в сторону достаточно быстро. Кулак Конана лишь задел его щеку, вместо того чтобы раздробить череп. В ответ киммериец получил удар ногой, который должен был разбить ему колено. Но варвар вовремя заметил опасность и сумел уклониться. На этот раз удар Идоссо не достиг цели.

Поединок продолжался. Противники ходили кругами, не решаясь на более активные действия. Конан понимал, что никаких преимуществ у него сейчас нет. Стоит ему оступиться, что на этой каменистой почве может случиться в любой момент, и он получит удар, который может оказаться последним.

Конан, с раннего детства принимавший участие во всех драках, считал себя специалистом в рукопашных поединках. Сейчас, твердо стоя на ногах, он не слишком боялся атак своего противника. Киммерийцу нужна была быстрая победа, которая бы раз и навсегда устранила все сомнения со стороны тех, кого он должен вывести

из этих земель. Если же поединок будет длиться долго, то это может поселить в воинах бамула сомнения касательно моши Амры.

Кроме того, длительный поединок увеличивал риск получить тяжелое увечье, после которого киммериец не смог бы возглавлять отряд. Не стоило сбрасывать со счетов и пиктов. Чем дольше битва отвлекает внимание воинов, тем больше у дикарей шансов собраться и атаковать.

С другой стороны, Конан не мог оборвать этот бессмысленный поединок и броситься в лес. Ни честь, ни здравый смысл не позволяли ему сделать этого. Поэтому выбора у киммерийца не было. Быстрая победа или смерть. Не только его жизнь, но и жизнь остальных будет спасена.

Оставалось лишь ждать, пока Идоссо откроется. Судя по тому, как развивались события, этого момента можно было ждать хоть до заката. На самом деле прошло лишь несколько мгновений, прежде чем Идоссо предоставил Конану возможность атаковать.

Киммериец сделал вид, что отступил. Идоссо, который в этот момент стоял к противнику боком, резко развернулся. Конан мгновенно упал на спину и нанес бамульскому вождю удар обеими ногами.

Киммериец не промахнулся, и кожанные сандалии угодили туда, куда и должны были угодить. Против такого удара набедренная повязка из шкуры зебры защищала не больше, чем шел-

ковый платок. Даже стальная пластина, защищающая это место у аквилонской рыцарской гвардии, и то бы не устояла. Образовавшаяся вмятина в ряде случаев, несомненно, создавала бы владельцу доспеха определенные неудобства.

Идоссо согнулся пополам, однако тут же попытался захватить ноги Конана. Киммериец мгновенно откатился в сторону и нанес следующий удар. На этот раз нога врезалась Идоссо в колено, и Конан услышал характерный хруст.

И тут же он услышал крик. Но кричал не Идоссо.

— Берегись, Конан!

Киммериец узнал голос Кубванде. Он снова откатился, и его меч, который оказался в руке Идоссо, вонзился в то место, где только что была его голова. Лезвие глубоко ушло в каменистую почву. На мгновение у Конана мелькнула мысль о том, что на лезвии, несомненно, после этого появятся новые щербины. Еще немного таких щербин — и либо придется искать кузнеца, либо вместо меча выламывать себе добрую дубину.

Конан вскочил на ноги, и в следующее мгновение Идоссо был обезоружен. Варвар сцепил руки и с размаху ударил ими по основанию шеи Идоссо. Кости черепа и позвоночника затрещали. Великан упал лицом вниз, перекатился на бок, затем снова на спину. Глаза его начали тускнеть.

Звуки еще одной битвы или, по крайней мере, потасовки достигли ушей киммерийца, все

чувства которого были до крайности обострены поединком. Повернувшись так, чтобы за его спиной никого не было, Конан увидел Говинду и какого-то деревенского воина, катающихся по земле. Киммериец нагнулся, чтобы поднять свой меч. Кубванде предостерегающе воздел руку:

— Подожди! Это тоже поединок вождей. Железу тут не место.

Конан на мгновение подумал, что железу самое место у Кубванде в животе, однако сдержался. Вполне возможно, что у этого парня достанет мозгов, чтобы последовать за победоносным Амрой, по крайней мере до тех пор, пока тот выводит отряд из Дебрей Пиктов. Честь, похоже, не является основной добродетелью этого человека. Но с любым предательством, которое Конан встретит здесь, в привычном для северянина мире, можно будет разобраться привычным для северянина способом.

Кроме того, Кубванде был достаточно гордым воином, и амбиции его простирались далеко. К тому же он хитер. В отряде таких было немногого. Не стоит терять такого союзника.

Конан не мог назвать имя противника Говинду, но решил для себя, что если он проиграет, то вынужден будет ответить на несколько чертовски острых вопросов. А если победит и убьет парнишку, то Конан сделает эти вопросы еще острее с помощью меча. Конечно, и теперь уже при виде того, как изуродован бесценный клинок, любого кузнеца хватит удар. Но меч тем не

менее может еще послужить какое-то время. В частности, он пригодится, чтобы преподать урок тому тупоголовому, который не придумал ничего лучше, как затевать в таком месте грызню за лидерство.

Силы сражающихся были примерно равными. На стороне Говинду — юношеское проворство и гибкость, в то время как его противник полагался на свой опыт и силу. Кроме того, юноша был честолюбив. Даже если бы победа вернула отца к жизни, вряд ли Говинду сражался бы более яростно.

Мысль об этом заставила Конана посмотреть туда, где лежало тело Бессу. Он оставался там, где застала его смерть. Рядом, должно быть, находилось немало и других трупов. Теперь, когда с Идоссо покончено, настало время подобрать убитых и провести ритуалы, необходимые для того, чтобы проводить умерших с честью. Иначе, чего доброго, пикты расташат трупы для своих ритуалов совсем иного свойства.

Конан лишь догадывался о том, что делают дикии с трупами врагов. Любой, кому доводилось наткнуться на патруль, рассаженный по кольям, расчлененный или каким-либо иным, еще более страшным образом умерщвленный свирепыми воинами авгули, вряд ли удивился бы чему-либо в обращении пиктов с пленными и убитыми врагами.

Конан был уверен, что лишь соответствующие ритуалы над убитыми облегчат груз потери, лег-

ший на души оставшихся в живых бамула. Они были слишком далеко от дома. Так далеко, что даже духам предстоит изнурительное путешествие назад, в Черный Лес. Конан же хотел, чтобы бамула были сейчас бодры и веселы. Поэтому все, что могло снять бремя с их душ, всячески приветствовалось киммерийцем и облегчало его задачу.

Казалось, мысли Конана каким-то мистическим образом придали сил юноше — Говинду высвободился из захвата противника. Тело юноши блестело от пота, когда он вскочил и ударил своего соперника ногой по шее. Удар был слишком слаб, чтобы раздробить позвоночник, но достаточночен, чтобы заставить врага Говинду схватиться за горло обеими руками.

Юноша прыгнул вперед, схватил своего врага за одну из прижатых к горлу рук и вывернул ее.

— Сдавайся, Бовену! — В это мгновение его голос звучал так, будто и не подросток говорил, а умудренный опытом воин.

— Не мое дело решать за тебя, Бовену, — сказал Кубванде, — но если бы...

Ответ Бовену был нёчленораздельным и не слишком вежливым — Говинду прижал его к земле.

— Ну что, сдаешься? Клянешься признать меня вождем деревни?

— А... Э... Над деревенскими... Здесь... Да. Человек Амры. Этого... достаточно?..

Конан в душе надеялся, что у Кубванде хватит ума помолчать, а у Говинду — принять сда-

чу. Явно, что парень был в том возрасте, когда он мог взять бразды правления, выпавшие из рук его отца. А то, что он сделал сегодня, и без того поработало на его репутацию, так что новую кровь он мог и не проливать. Просить о большем было бы глупо.

— Стало быть, ты признаешь, что Конан — наш вождь? — спросил Говинду.

— Я... клянусь... кровавой клятвой... делать все, что от меня потребуется... в этом краю чудовищ!

— А ты парень с головой, Бовену, — засмеялся Конан. — Нам тут и в самом деле потребуется все, что у нас при себе, и все, что сможем отобрать у пиктов, чтобы выжить, пока не найдем дороги домой. А ты что скажешь, Говинду?

Парнишка — нет, Конан уже больше не будет его так называть! — молодой вождь встал на ноги и посмотрел на своего недавнего противника:

— Я принимаю твою клятву, Бовену. Надеюсь, что ты не выступишь против меня. По крайней мере, до тех пор, пока мы снова не окажемся дома. Мне совсем не хотелось бы убивать столь храброго воина и тем самым ослаблять деревню.

— Я принесу птичье яйца, когда родится твой первый сын, — сказал Бовену.

Конан с невольным одобрением посмотрел на молодого вождя. Умение, решительность и милосердие находились у него в той самой пропор-

ции, которая необходима для успеха. Теперь киммериец надеялся, что проблемы будут у него с шестью, самое большое с семью воинами из деревни Мертвого Слона.

Что до остальных...

— Иккако Кубанде, у тебя я не прошу клятвы. Я только хочу, чтобы между нами не было ссор. Надеюсь, ты хочешь того же. Идоссо был твоим другом, не моим.

— Бросив тебе вызов, он перестал быть другом кому бы то ни было, — сказал Кубанде. — Я оплакал его в песне, и назад песни не вернешь. Скажу только, что жил он с большей честью, чем умер. Пусть духи вознаградят его за эту жизнь и да простят ему эту смерть.

По всему было видно, что больших бамула это удовлетворило.

Конана, честно говоря, это устроило не вполне, но он понимал, когда нужно остановиться в своих требованиях к человеку. Большего ждать не приходилось. Он решил не спускать с Кубанде глаз и никогда не позволять этому человеку заходить себе за спину.

— Мы знаем, кто здесь вождь, — сказал Конан. — Вы знаете, что я за человек. А я знаю, какова будет наша первая работа: собрать трупы, позаботиться о раненых и подыскать безопасное место для ночлега.

— А это место? — спросил кто-то.

— Может быть, безопасное, а может быть, и нет, — откликнулся Конан и поднял кулак. —

Но для того, кто не подчинится мне, безопасного места не будет нигде.

Кубванде тоже поднял кулак. И Говинду поднял. Это был ритуальный жест. Никто больше не проронил ни слова. Все разошлись, чтобы сменить стражей, поискать мох и листья для раненых и подобрать убитых.

Скире теперь не нужно было искать общий язык с Вуоной, чтобы понимать, что происходит у той в голове. Там билась одна-единственная мысль — вернуться к своему народу, по крайней мере к тем, кто был здесь, в Дебрях Пиктов.

Скире показалось, что это стремление воссоединиться со своими стало сильнее после того, как двое самых могучих воинов схватились насмерть и северянин победил. Был ли черный гигант врагом Вуоны? Может быть, и был. Скира не могла сказать этого наверняка. Она была достаточно искушена, чтобы почувствовать зло, исходящее от черного великана. Громадный воин если и не был полностью предан злу, то яростное честолюбие и необузданый нрав склоняли его на эту дорогу. Так что полная преданность злу была только делом времени. Если между обоими воинами действительно происходила битва за первенство, то бамула повезло: они получили лучшего вождя. У громадного северянина был вид прирожденного правителя. Даже скучное одеяние бамульского воина, кровь, грязь и царапины не могли скрыть этого. Столь же цар-

ственным он был бы и в зеленом одеянии боссонского лучника или в стальных доспехах аквилонского рыцаря. Но только не в одеждах колдуна. Северянин выглядел, как существо, рожденное для простой, честной и открытой жизни, чуждой тайному Искусству. Кроме того, в северянине угадывалось нечто, что, как казалось когда-то Скире, присутствовало и у ее отца. И лишь потом Скира обнаружила, что в ее отце этого как раз и не стало.

Скира была столь увлечена высоким северянином, что на время позабыла о Вуоне. Та сразу почувствовала это. Она вскочила на ноги и побежала к бамула. Воины как раз собирали своих мертвых и раненых и укладывали их на импровизированные носилки из палок и сучьев, когда один из них заметил Вуону. Он закричал и замахал руками. Вуона испустила счастливый крик, который почти сразу превратился в вопль ужаса, когда стрела вонзилась в дерево на расстоянии ладони от ее уха.

Высокий северянин выкрикнул единственную команду, и его чернокожие воины рассыпались, выказывая сноровку, какую можно ожидать от солдат регулярной армии. Однако пиктского лучника они увидеть не смогли. Он прятался за скалами и находился так близко к Скире, что она могла бы коснуться его, будь у нее в руках длинная шпилька.

Вместо этого она коснулась его ножом. Скира не была слишком искусна во владении клинком,

но на ее стороне были внезапность, ярость и достаточно силы. Пикт умер. Скира уверилась в том, что он мертв, подержав руку над его ртом и чувствуя, как замирает дыхание врага.

Девушка недвижно лежала возле пикта до тех пор, пока не убедилась, что ее поступок не привлек к ней внимание бамула. Осмотрев тело убитого, она обнаружила на нем татуировку Красного Аспида — символ клана Змеи. Она особо не удивилась, увидев, что оправдались ее подозрения. Клану Змеи вечно не давал покоя мир, заключенный отцом Скиры с кланом Совы, их соперниками. Теперь похоже было, что эта зависть поставила клан Змеи на путь предательства, если даже не на путь открытой войны.

Скира стала крадучись отступать назад, надеясь уйти подальше от этого места, прежде чем воины обнаружат ее. Затем она поняла, что, даже если ее найдут, ничего страшного не случится. Вряд ли они причинят ей вред. Если бы она могла поговорить с северянином, то узнала бы много о нем самом и его воинах. Такой отряд мог быть полезным. С его помощью она могла бы безопасно вернуться домой. А впоследствии эти люди могли бы защищать их с отцом.

Скира умела прятаться достаточно хорошо. Примерно в той же степени, что и владеть ножом. Этого умения оказалось достаточно, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Во всяком случае, бамула не обнаружили труп пикта и были

отозваны назад вожаком. Скира была готова разрыдаться, когда заметила, что на склоне больше никого нет.

Девушка не рассчитывала так долго оставаться за пределами пещеры. Кроме того, она отдала свой плащ Вуоне, которая была теперь со своим народом. Поэтому дочь колдуна не видела другого выхода, кроме как последовать за чернокожими воинами. Если они уйдут, то шансов у нее, Скиры, отыскать их снова будет не больше, чем обнаружить их где-нибудь на Луне. Она здесь прежде всего для того, чтобы узнать: зачем появились бамула.

Скира взяла лук и стрелы у убитого пикта и оглядела других мертвцевов, пока не нашла одного, на котором был плащ. Плащ был боссонской работы, весь вымазанный в грязи. Он невыносимо смердел. Пикты никогда не мылись, разве что случайно попадали под дождь. Вне всякого сомнения, плащ попал к пикту во время очередного кровавого набега на пограничное поселение.

Однако же Скира, превозмогая отвращение, завернулась в этот плащ. По размеру он достаточно хорошо подходил ей. В жилах девушки текла боссонская кровь, и ростом она была почти вровень пикту-мужчине. Плащ был теплым. И он хорошо скрывал ее. Невнимательный наблюдатель не стал бы задерживаться взглядом на фигуре, закутанной в такое одеяние.

Пищи ей найти не удалось. Здесь не было ничего съедобного, кроме тел мертвых пиктов.

Но даже шутливая мысль о том, чтобы приложитьсь к мертвичине, заставила Скиру передернуться от отвращения.

В лесу было много съедобных растений, в ручьях водилась рыба. Бамула вряд ли слишком далеко уйдут в первую ночь по незнакомой местности, даже несмотря на то что их вожак — северянин.

Эти надежды сделали путешествие Скиры более легким. Она поднялась и пошла следом за бамула.

Была заключена договоренность о том, что во время перехода один из трех вождей — Конан, Кубванде или Говинду — всегда будет на страже. Киммериец и его сотоварищи несли сучья для факелов. Самый короткий факел достался Говинду.

Нельзя сказать, что много можно было разглядеть в этом темном лесу и определить, кто скрывается под его покровом, друг или враг. Плащ, снятый с мертвого пикта, слегка укрывал от ветра, но даже небольшого порыва было достаточно, чтобы холода пронзали, как стрела. Говинду никогда не было так холодно, даже во время испытания на зрелость, когда его оставили одного в джунглях на время особенно суровых осенних дождей.

Хорошо, что Идоссо мертв. Он никогда не был честным последователем Конана — так решил для себя молодой вождь Говинду. А вот

Кубванде может следовать за Амрой, хотя бы из страха умереть от голода. Здесь страшны голод, пикты и кулак Амры.

А что еще более вероятно — Идоссо никогда бы не поверил в советы Амры, который знал, как выжить в этой земле. Жить, сражаться и с победой выбраться отсюда — Амра знал, как это сделать. Конечно, Идоссо не был таким уж глупым. В конце концов, и он постиг бы науку выживания в здешних краях. Но прежде чем он научился (или, быть может, Кубванде его научил), бамула не досчитались бы многих соплеменников. А вот у Конана душа великого вождя. Имея такую душу, можно не беспокоиться о цвете кожи и прочих мелочах. А уж Говинду, сына Бессу, цвет кожи киммерийца и вовсе не волновал.

Звуки шагов были достаточно громкими, чтобы достигнуть ушей даже тех, кто не обладал таким острым слухом, как Говинду. Сызмальства воспитанный как охотник и следопыт и только впоследствии ставший воином, он услышал звук шагов столь же ясно, как услышал бы звук падения булыжника, сорвавшегося с утеса. Уяснив, откуда доносятся шаги, юноша поспешил спрятаться в таком месте, откуда прекрасно просматривалась тропа.

Впечатление складывалось такое, что незнакомец либо торопился умереть, либо видел в бамула друзей. В темноте трудно было сказать, кто скрывается под бесформенным плащом. Говинду

сейчас бы отдал годовой запас урожая за луч лунного света. Будь он уверен, что это пикт, его копье пронзило бы живот незнакомца уже не сколько минут назад.

Но вот неизвестный остановился и откинул с головы капюшон. Говинду медленно выпустил из легких воздух и сделал жест, отвращающий зло. Белая кожа, белые волосы. Привидение!

Говинду зашипел, и эхо отразило этот звук. Затем он понял, что то было не эхо. Эхо никогда не повторяет слов, которые не были сказаны.

— Бамула? Вуона? Бамула? Вуона?

В голосе привидения звучали вопросительные интонации. Голос. Стало быть, это не привидение, а женщина-северянка. Ищет Вуону? Почему бы и нет? Если мир столь безумен, что допускает такие вещи, как Ворота Зла, то почему бы не бродить здесь северянке в поисках Вуоны?

Говинду встал, но выходить на открытое пространство не решился. Женщине, быть может, и можно доверять, а вот пиктам, которые, вполне вероятно, следовали за ней, совершенно не стоило.

— Охбе бамула, — сказал он. — Охбе бамула. Охбе Вуона. Охбе Вуона. — А затем позвал: — Женщина!

Он использовал обращение, с которым обращаются к жене старшего.

Если она из тех, кто имеет власть, богам это понравится. Если она безумна, то это не имеет никакого значения.

— Бамула, — проговорила женщина. У нее был акцент, похожий на выговор Амры, когда он говорил на своем собственном языке. Незнакомка сделала еще несколько шагов. Говинду увидел нож у нее на поясе, а за спиной лук и колчан. Но руки она держала перед собой, и они были пустыми.

Говинду выступил из кустов, также держа на виду открытые ладони. Затем он показал через плечо на лагерь:

— Бамула! Вуона! Бамула! Вуона! Бамула! Вуона!

Она поняла смысл сказанного. Все еще держа руки перед собой, она принялась взбираться вверх по склону, туда, где располагался вставший на ночлег лагерь. У Говинду едва хватило времени подозвать другого воина, чтобы тот занял его место. Он торопился за женщиной, которая почти исчезла в темноте.

Конан и Вуона сидели немного в стороне от других, но не слишком далеко от костра. Киммериец не оставил у стражей ни малейшего сомнения в том, что с ними будет, если они уйдут со своего поста и пропустят внезапную атаку пиктов.

Вуона присела на корточки и прислонилась к дереву. Лунный свет серебрил ее голые плечи. На ней были короткие кожаные штаны, снятые с мертвого пикта. Свой кожаный гандерский плащ она отдала одному из раненых.

Надо было отправляться на поиски пищи и одежды. Конан понимал, что рано или поздно все пикты обязательно сбегутся сюда.

Киммериец не испытывал никаких неприятных ощущений. Но бамула так стучали зубами от холода, что могли этим перестуком разбудить всех пиктов на расстоянии дневного перехода.

— Прости меня, Амра.

— Зови меня Конан. Амра — имя, которое хорошо звучало на борту «Тигрицы» или на устах Бэлит.

— Конан — твое настоящее имя?

— Что, думаешь меня приворожить?

Даже в темноте Конан увидел выражение ужаса на лице Вуоны.

— Нет!

— То-то же. А то у меня есть привычка совать меч в брюхо каждому, кто начинает бормотать заклятия. Мне не хотелось бы проделывать это с тобой.

— Это было бы... справедливо. Я... я не...

— Чума тебя забери, девка, с твоими страхами и трясучкой! Оставь жрецам и евнухам трястись и повизгивать. Ты не первая женщина, которая неудачно выбрала себе мужика. Но теперь ты свободна, а я еще жив, так стоит ли тянуть волынку?

— Это из-за того, что мы здесь, когда могли находиться в безопасном месте. Это моя вина.

— Очень вероятно, что и твоя. А сейчас-то что об этом болтать попусту?

Она шевельнулась и встала на колени перед Конаном:

— Могу ли я отблагодарить тебя как женщина?

Конан осмотрел ее с ног до головы. Ей не требовалась темнота, чтобы скрывать дефекты фигуры, — их попросту не было. Киммериец вдруг сообразил, что смотрит на эту девушку, как мужчина смотрит на женщину. Такое случилось впервые с тех пор, как умерла Бэлит.

Теперь Конан определил место Вуоны в отряде. Положение женщины вождя было самым почетным из всех, какое он мог ей предоставить. В конце концов, он втравил всех в это безумное предприятие, чтобы спасти ее...

Она вскарабкалась к нему на колени и запустила пальцы ему в волосы, осторожно выбирая оттуда сучки, листья и мусор. Другой рукой она обхватила его за шею. Крепко обхватила — руки у нее были сильные.

Пальцы Конана, весь день сжимавшие рукоять смертоносного меча, нашли завязки на спине Вуоны. Девушка прижалась к нему. Конан почувствовал твердые маленькие груди...

— Амра!

— Да Конан меня зовут, Конан! — рыкнул он. Вуона соскользнула с его колен. Киммериец глубоко вздохнул. Только теперь до него дошло, что говорила не Вуона.

— Говинду! Ты ушел с поста! — Это было первое, что пришло ему на ум. Будь у кимме-

рийца время подумать, он отозвался бы более резко.

— Прости меня, Амра.

— Он хочет, чтобы его называли Конан.

— Помолчи, ты еще не женщина вождя, так что дай Говинду говорить.

— Женщина пришла.

— Я слышал о пиктских женщинах. Уверен, что стражник, который увидел ее, тут же упал мертвый при одном ее виде. Бери себе пленницу, поставь другого на место умершего и оставь меня в покое.

Конану показалось, что молодой вождь старается не смотреть на него и Вуону.

— Ам... Конан. Женщина не из племени пиктов. Она похожа на тебя. Ее зовут Скира. Она знает, что мы бамула и что среди нас Вуона.

Вуона столь резко вскочила на ноги, будто села на змею.

— Это она! Волшебница!

Говинду сделал знак, отвращающий зло. Конан встал, подхватил Вуону и осторожно поднял ее, держа за подмышки. Она моргнула, встретив пристальный взгляд голубых глаз.

— Вуона, я прощаю тебя за неправильный выбор мужчины. А за то, что ты скрыла от меня ЭТО, я тебя не прошу. — От ужаса девушка обвисла у него в руках. Конан добавил: — В следующий раз не прошу.

Вновь оказавшись на ногах, Вуона поспешила сесть на землю — колени отчаянно дрожали.

По всему было видно, что дар речи вернется к ней нескоро. Когда девушка чуть-чуть оправилась от пережитого, Конан взял ножны и наполовину вытащил клинок. Вуона осторожно посмотрела на киммерийца.

— Помнишь, что я говорил тебе о колдунах с мечами в кишках? Этой женщине нужно очень хорошо потрудиться, чтобы доказать, что она наш друг. И доказать незамедлительно. Говинду, веди меня к нашей гостью.

— Как хочешь, Конан.

Интерлюдия

Дебри Пиктов в годы правления короля Конана Второго.

Сарабос был первым из нас, к кому вернулось самообладание. А если говорить точнее, он его и не терял — ни при виде пещеры, ни при виде статуи. Следовательно, он нашел для себя какие-то объяснения этому явлению еще до того, как смог говорить, и голос его звучал вполне ровно.

Он говорил несколько отстраненно, будто вспоминал нечто, испытанное во сне, и в реальность чего сам не слишком верил.

— Предположим, то, что мы видим здесь, реально. Теперь я спрашиваю, кто-нибудь слышал хоть что-то, что могло бы объяснить эту реальность?

С таким же успехом он мог бы обращаться к самой статуе, ибо собравшиеся вокруг люди мол-

чали, будто бы и сами были каменными. Я был рад видеть, что это было не только потому, что они стояли с широко распахнутыми глазами и отвисшими челюстями, напрочь утратив дар речи.

Некоторые из них промывали и врачивали раны товарищам. Я услышал сдавленный вскрик, когда кто-то вырезал стрелу из бедра раненого. Стрела засела глубоко, и я вознес молитвы Митре, чтобы человек этот не истек кровью.

Другие были заняты тем, что распаковывали припасы и чистили оружие. В целом же, притом что во всей этой пещере было что-то нечистое, здесь все же было суще. И чувствовалось, что пикты сюда не сунутся, а это большое преимущество. Кроме того, собравшиеся здесь люди были ветеранами пограничных войн. Некоторые из них были достаточно стары, чтобы послужить под началом Конана и участвовать в битве при Велитриуме. Если, конечно, им в то время посчастливилось находиться на аквилонской службе. Если только древняя стигийская магия или любая другая магия, с которой связано изображение, не проснется, все будет нормально. А даже если мы разбудим ее, то я не опасался за своих людей. Да и в магию я не слишком верю.

В свете факелов я видел, как люди переглядываются. Я попридержал язык. Наверняка ребята кое-что знают о каменном истукане, но пока предпочитают помалкивать. Вообще-то, парни,

родившиеся в Боссонских Пределах, всегда отличались скрытностью и подозрительностью. Да и другие не станут просто так трепаться с офицером.

— То, что мы услышим сегодня, останется между нами, — сказал Сарабос. — Неважно, в каких богов вы верите.

Солдаты продолжали безмолвно переглядываться. Один или двое моргнули, когда человек со стрелой в бедре издал крик боли. После этого долго гуляло эхо. Я заметил, как люди бросают взгляды в глубь пещеры.

Без слов было ясно: они от всей души надеются, что там нет ничего такого, что будет разбужено человеческим присутствием после долгих лет спячки и выйдет наружу, голодное и устрашающее. Я опасался, что страхи эти не беспочвенные, однако предпочитал смотреть на ситуацию трезво.

— Согласен. Место это не очень приятное. Но давайте не забывать, что для пиктов оно табу. Их мы здесь не увидим. Они боятся этого места. Но нам-то чего страшиться? Это не наше табу, это табу пиктов. Вспомните, когда в последний раз Конан Великий оказался в подобном месте, он вышел наружу с сокровищами пирата Траникоса, с помощью которых и сел на трон Аквилонии.

Кто-то пробормотал насчет того, что, дескать, завалиться в уютную кровать с теплой потаскушкой и сосудом доброго вина было бы достаточ-

но. И сокровищ никаких не надо. Я нашел это предложение не самым уместным.

Один из моих людей наконец подал голос:

— Слышал я кое-что от моей матери. — Судя по акценту, говорил гандер, хотя, если судить по его смуглой роже, вполне сошел бы за шемита... или за пикта.

Будто прочитав мои мысли, солдат продолжал:

— Да, в моих жилах течет кровь пиктов. Моя мать происходит из их народа, хотя отец мой чистопородный гандер. Мать немного знала пиктский язык и кое-какие древние истории. Одна из этих историй, говорила она, была среди пиктов табу. На каждого, кто расскажет ее, ложилось проклятие, почти такое же великое, как и на любого, кто войдет в эту пещеру. Тем не менее мать все рассказала мне, ибо считала, что я должен ее знать. А может, она верила, что моя хайборийская кровь ослабит силу проклятия...

Никто не осмеливался задать ни одного вопроса. И снова гандер, казалось, обрел власть читать мысли собравшихся.

— Нас было пятеро — пятеро братьев. Последний родился, когда матери было сорок. Прожила она до шестидесяти лет. Я воевал в пяти кампаниях без позора и ущерба, но и без почестей. Зато и без серьезных ран. Если и в самом деле на всем этом лежит проклятие, то, думаю, мать говорила правду.

— Ну ладно, тогда скажи правду о том, что она говорила тебе, а мы послушаем, — сказал я.

— Возможно, это не многое вам объяс-
нит... — начал было гандер.

— Что бы ты нам ни рассказал, это все же больше, чем ничего, — твердо сказал я. — Кро-
ме того, рассказчику полагается имя. Прости
меня, что я не знаю твоего имени.

— Меня зовут Василиос, сын Айрика, — ска-
зал он.

— Ну так говори, Василиос, мы слушаем.

Василиос прочистил горло. Воздух в пещере
был намного суще, чем снаружи, но пыль стояла
столбом. Он глотнул воды из фляжки. Затем
сел, скрестив ноги, положил руки на колени и
начал:

— Это было во времена, когда отец моей ма-
тери был еще юношой-пиктом. Среди пиков
жил колдун, а статуя ожила и ходила...

Глава одиннадцатая

Дебри Пиктов, за много лет до описанных выше событий.

Конан слушал Скиру с большим вниманием даже после того, как она призналась, что является дочерью колдуна Лизениуса.

— Никогда не слышал о нем. Впрочем, никогда и не пытался запоминать имена колдунов, — сказал Конан. — Да и ты не слишком похожа на колдунью. Хотя бы потому, что одета слишком уж затрапезно.

— Мы живем здесь уже пять лет, — сказала Скира. Голос ее напрягся от оскорбления. — Когда мы прибыли сюда, я еще даже не была женщиной. Допусти на минутку, что я не глупа, и выслушай меня.

— Прошу прощения, Скира, — сказал Конан. Он перевел ее замечание Говинду и Кубванде. Они кивнули, затем нахмурились, когда он добавил:

вил, что Скира и ее отец, по всей видимости, пользуются большим влиянием среди пиктов или имеют там друзей.

Если Лизениус с дочерью столь могучие маги, что способны держать на расстоянии пиктов, то иметь с ними дело довольно сложно. Они могут оказаться чертовски могущественными! Слишком! А если они столь могущественны, то зачем им помочь?

Если они имеют среди пиктов союзников, то помочь им будет означать, что придется сражаться бок о бок с дикарями. У Конана не было кровных долгов к пиктам, в отличие от большинства киммерийцев, но древнюю вражду между их народами трудно было забыть. Кроме того, у пиктов и бамула не было ничего общего. Дикари в любой момент могли сменить гнев на милость и убить Конана, а затем и всех бамула.

Это было правдой. Правдой было также и то, что Конан имел мало шансов с боями вырваться отсюда, ибо его двадцатке пришлось бы сражаться с многочисленными ордами пиктов, которые знают эти леса как свои пять пальцев.

Конан вошел в Ворота Зла, ибо был обязан сделать это ради Вуоны. Теперь он должен был сделать следующий шаг: пойти на союз с пиктами, чтобы спасти Вуону и всех, кто доверился ему.

— А сможет ли твой отец снабдить нас теплой одеждой и горячей пищей, если мы пойдем

к нему на службу? — спросил Конан. — Конечно, нам понадобится еще кое-что, но это — прежде всего.

— А что, твои люди не умеют охотиться, готовить пищу и снимать шкуры?

— Все это требует времени, Скира. А пикты могут нам этого времени не дать. Как ты думаешь, вы с вашей любовью к пиктам — не знаю уж, какие там между вами отношения, — сможете спасти нас?

— Какая уж тут любовь... В самом лучшем случае они только союзники.

Она говорила так, будто ожидала, что он с готовностью ей поверит и даже не вздумает задать вопрос: против кого союзники? Конан решил, что это неважно. Главное, чтобы его отряд был в безопасности. Нужно пользоваться любыми возможностями. Ради этого киммериец готов давать любые клятвы. Если Лизениусу вообще нужна помощь, значит, он недостаточно могуществен, чтобы впоследствии покарать их за нарушение подобной клятвы. А значит, отряд может попытать удачи с пиктами. К тому времени они будут накормлены и одеты в соответствии с климатом, что резко увеличит их шансы на победу.

— Я тоже не большой любитель пиктов. Никогда не назову пикта другом. Но я могу воздержаться денек-другой и не убивать их, как бешеных собак, если они пойдут в отношении меня на такое же лишение.

— Думаю, это мы с отцом можем обещать. У нас есть меха и шкуры, вяленое мясо и сухие орехи. Мы предоставим вам часть пещеры, где вы будете в такой же безопасности от пиктов, в какой были у себя дома, в Черных Королевствах.

— А я обещаю, что с нашей стороны тоже не будет исходить опасность.

Скира выглядела оскорблённой, но Конан успокаивающе поднял руку:

— Давай не будем обижаться друг на друга. Будь благоразумна. Нам не стоит устраивать зингарский храмовый любовный бардак, до тех пор пока мы понимаем друг друга.

Краем глаза Конан следил за Скирой, пока переводил их разговор Говинду и Кубванде. Похоже, она поняла, что он ей предлагал и на чем основывались его сомнения. Киммериец надеялся, что ей и без слов ясно его намерение покончить как с ней, так и с ее отцом при малейшем намеке на предательство с их стороны. Не говоря уже обо всем остальном, обидно пускать в расход красивую женщину.

Оба бамульских вождя разошлись поговорить со своими людьми, в то время как Конан и Скира уселись, скрестив ноги, друг против друга. Похоже, для нее подобная поза была столь же привычна, как для любого пикта. Скира выглядела так же спокойно, как аристократка, ждущая, пока ей подадут лошадей.

Краем глаза Конан заметил Вуону, которая прижалась к дереву, желая остаться незамечен-

ной. У киммерийца появилось желание подойти и привести ее в чувство. Если она собирается бродить по здешней местности ночами, шпионя за ним из ревности, не пройдет и трех ночей, как ее голова станет боевым трофеем какого-нибудь пикта.

Вернулись вожди.

— Пусть женщина-захарка даст кровную клятву относиться к нам почтительно, даже если придется пойти наперекор отцу, — потребовал Кубванде. — Согласна ли она дать такую клятву?

— Ты требуешь слишком много! — воскликнул Говинду. — Богам не понравится...

— Боги наплюют на нас с высокого облака, если мы не потребуем с нее этого прямо сейчас! — отрезал Кубванде. — Парень... Молодой вождь... Не все отцы таковы, каким был твой. Я это узнал еще до испытания на зрелость.

В голосе Кубванде чувствовалась какая-то мрачная тайна, связанная с его детством. Конан не задумываясь отдал бы бочонок доброго немедийского вина, чтобы только узнать, что тот имел в виду. Несомненно, из воина это можно было вытащить лишь пыткой.

Конан повернулся к Скире и перевел ей разговор. Он видел, как она моргнула. Даже в темноте Конан заметил, что лицо ее изменило свой цвет.

— Пожалуйста... Если отец узнает...

— А разве твой отец не знает, что ты здесь?

Конану захотелось прореветь это так громко и грозно, чтобы затрещали сучья и птичий гнезда посыпались с деревьев. Впрочем, у него хватило ума понять, что это напугает Скиру и отвратит ее от него, не говоря уж о том, что переполошит всех пиктов на расстоянии полудня пути от лагеря.

— Вне всякого сомнения, он знает, что в пещере меня нет, — сказала Скира.

Конан почувствовал, что она с трудом владеет голосом.

— Стало быть, ты пришла сюда не потому, что он тебе приказал это сделать?

— Вместе с тем я пришла сюда и не вопреки его воле.

— Ты могла бы сказать об этом.

— Если бы ты, друг мой, спросил об этом. — Она набралась храбрости, чтобы усмехнуться. Конан еле-еле подавил в себе желание хорошенько встряхнуть ее, но вот желания ослабиться в ответ подавить не смог.

— Скира, я думаю, что, если понадобится, у тебя достанет отваги идти против воли твоего отца. Если этим вождям достаточно МОЕГО слова, тебе можно не давать клятв вообще.

Он перевел и это своим друзьям. Говинду был готов принять эти условия. Поколебавшись, Кубванде тоже согласился, бормоча себе под нос, что если уж начал бегать за бабьими глупостями, так все, дело конченное, не остановишься.

Примерно в то же время «призрак-ухо» Лизениуса подобрался на расстояние слышимости к месту встречи возле утеса. На этот раз «призрак-ухо» принял обличье совы — ведь он находился на территории клана, боготворившего эту птицу. Местным охотникам при виде ее и в голову не придет натянуть тетиву. Лизениус не забыл, как в свое время он послал свое «ухо» в виде сокола во владения клана Змеи, а затем увидел перья этого сокола в головном уборе вождя.

Колдун достаточно хорошо контролировал острое ночное зрение совы, чтобы узнать Скиру. Он увидел только то, что подтвердило его мнение о людях отряда, с предводителями которых встретилась Скира. Низкие, как у призраков, голоса свидетельствовали о том, что то были люди Черных Королевств. Переместитель наконец обеспечил его тем, о чем он мечтал более всего, — воинами, у которых нет никакой родни в пиктских землях или поблизости. Воинами, готовыми выполнять приказы, не заботясь о близких. От этих ребят можно не ожидать мести.

Напротив, он напоит свою месть их кровью, и дочь его увидит, каков он на самом деле.

А может быть, она предупреждает их, имея относительно него смутные подозрения? И если так, то верят ли они ей? «Призрак-ухо» должен предупредить его об этом в первую очередь. Даже убогого умишки совы достаточно, чтобы

это понять. Лучше всего для этой цели подошел бы человек, даже пикт, но Лизениус решил не рисковать. Решил еще задолго до того, как отыскал подходящую птицу и вошел в транс. Клану Совы не понравится, если эти черные дьяволы убьют одного из их людей. А он слишком поглощен своей магией и не сможет защитить себя, случись что неприятное.

Сова мягко скользнула вниз, будто атакуя белку. Сейчас она могла слышать все, что говорила эта парочка — Скира и тот, кто сидел рядом с ней.

Птица должна была передать весь их разговор Лизениусу, ожидающему на подстилке из душистых веток на другом конце ночного леса. Однако птица услышала ничуть не больше, чем воины на утесах.

Можно было подумать, будто Скира и тот, кто сидел напротив нее, не имеют «голоса-призрака», что невозможно. Каждый имеет «голос-призрак», начиная с богов и заканчивая насекомыми. Даже черви, что копошатся под землей. Иногда Лизениус был вынужден прилагать огромные усилия, чтобы отделить нужные ему голоса от хора прочих.

Теперь, однако, Скира и трое мужчин точно выпадали из законов, управляющих всем остальным миром, и потеряли свои «голоса-призраки». Лизениус корчился на своей подстилке, извиваясь и кусая губы, пытаясь удержать власть над колдовством.

Он заставил сову еще раз пролететь над ними и на этот раз тщательно всматривался сквозь глаза птицы. Он увидел Скиру, двух черных воинов, глядящих на нее, черную девушку, спрятавшуюся за деревом.

Еще он увидел человека, который был выше остальных на голову. У него была внешность северянина: голубые глаза, растрепанные черные волосы. Могучая мускулатура соответствовала его гигантскому росту. Человек этот, если судить по его движениям, несомненно, был воином. Шрамы на загорелой коже говорили о том, что этому воину уже пришлось немало пережить.

И у него нет «голоса-призрака»! Неужели он не только сам не имеет «голоса-призрака», но и подавляет голоса тех, кто находится возле него? Одна тайна наплывала на другую.

Нет, это было не совсем так. Человек этот, возможно, и не имеет «голоса-призрака», но все в нем говорит за то, что это воин. Его дух — дух воина, годящийся для жертвы куда больше, чем все остальные.

Северный воин со Скирой могли разводить свои секретные разговоры хоть до рассвета. Однако же теперь им уготовано место в плане Лизениуса, даже если это место им придется не по душе.

Конана не очень убедило заявление Скиры о том, что она хотела лишь удивить отца, приведя ему на службу бамульских воинов. Двое

вождей также разделяли его сомнения. Хотя ни один из них не осмелился назвать ее лгуньей. Все-таки она могла предоставить им реальный шанс вернуться домой. Куда более реальный, чем кто-либо мог им предложить до сего момента.

Чем больше проходило времени, тем сильнее тряслись два бамула. Нет, трое — включая Вуону, которая застыла за деревом.

Мягкий хлопок, а затем шум упавшего тела заставил всех обернуться. Пронзенная копьем, на земле лежала огромная сова. Распростертые крылья были шире плеч Конана. Клюв ее дважды щелкнул, в глазах было что-то человеческое. Будто птица была наделена разумом человека. В следующее мгновение сова вздрогнула в последний раз и застыла.

— Хороший бросок, а? — донесся из-за дерева веселый голос.

В свет костра вошел Бовену. Он встал на колени и не без труда вытащил из птицы свое копье. Только после этого он заметил, что Скира смотрит на него с отвращением и даже страхом, который не нуждался ни в каком переводе. Молодому охотнику стало не по себе.

— Зачем ты убил птицу? — спросила Скира.

— Она летала так низко, что я не мог промахнуться. Кроме того, я думаю, ты не принесла с собой ничего съестного. А эта птица вполне может сгодиться нам в пищу. Конечно, ее надо хорошенько выпотрошить и прожарить...

У Скиры был такой вид, будто ее вот-вот вытолкнут. Жесты Бовену тоже не нуждались в переводе.

— Что мертвое, то мертвое, Бовену, — сказал Конан. — Мы в этой земле новички и не знаем, что здесь безопасно есть, а что нет. Этой захарке не очень-то понравилось, что ты убил сову. Я ей верю. А если ты не доверяешь ей, то поверь мне: я обеспечу тебе царапины везде, где не поставил синяков Говинду. И держи покрепче свое копье, не бросай его куда попало.

Бовену прибег к самому изысканному из четырех бамульских ритуалов для испрашивания прощения. Конан наконец простил его. Киммериец с трудом сохранял серьезный вид, а Вуона за деревом еле удерживалась, чтобы не прыснуть со смеху. Она понимала, что если ее смех разрушит согласие Конана и Бовену, то ей не поздоровится. Сейчас бамула нужны даже такие воины, чьи руки действуют, намного опережая мозги.

— Мы находимся сейчас на землях клана Совы, — сказала Скира. — То, что вы сделали, — ужасное оскорбление. В их глазах худшее, что вы можете придумать после убийства совы, — это убить воина в боевой раскраске и подвесить его голову на дереве.

— Жаль, что мы были сегодня так заняты во второй половине дня и не развесили на ветках головы, — сухо сказал Конан. — Кстати, если мне не изменяет память, пикты были как раз в подходящей раскраске.

— Да. Но это были воины из клана Змеи. Они издревле находятся во вражде с кланом Совы. Я даже не подозревала, что они посмеют зайти на эту территорию.

Это сказала Конану даже больше, чем он рассчитывал, о друзьях колдуна и врагах среди пиктов. Похоже, Скира не слишком стремится хранить секреты; по крайней мере, вряд ли ей удастся сохранить их от него, человека, который пережил аграпурские интриги в Туране.

— Ладно, Скира. Полагаю, для людей, у которых нет под рукой ни вина, ни пива, мы и так проговорили слишком много. Думаю, ты не собираешься сегодня ночью возвращаться к отцу.

— Клан Совы бы не...

— Вряд ли клан Совы видит в темноте так же ясно, как их тотем. Они, конечно, может быть, и оплачут тебя, но прежде истыкают стрелами. Сомневаюсь также, что мы сегодня в последний раз виделись с кланом Змеи. Поверь, после сегодняшней стычки они будут более дружественны по отношению к тебе, чем были до этого.

Скира кивнула:

— В этом есть правда. — Видно было, что она колеблется.

— Хорошо. Тогда иди и погрейся у костра, коль скоро не хочешь разделить с нами сову. Насладись теплом, какое сумеешь отыскать. А я уж постараюсь, чтобы ты не проснулась с перерезанным горлом.

Скира проводила Конана к лагерю, а затем улеглась на почтительном расстоянии как от костра, так и от спящих бамула, сбившихся в кучу, чтобы согревать друг друга. Конану показалось, что она следит за ним, когда он лег на землю, а на груди у него пристроилась Вуона. Сон забрал Конана прежде, чем он убедился в справедливости своего подозрения.

Глава двенадцатая

По счастливому стечению обстоятельств, отряд не был обременен ранеными. Бамула были либо мертвы, либо готовы без устали идти по болотам и сражаться. Совершив ритуалы по мертвым, они собрали оружие и покинули лагерь. Скира была их проводником.

К пещере Лизениуса отряд Конана вышел прекрасным весенним вечером после двух дней непрерывного пути, довольно утомительного для босоногих бамула. Киммериец с самого начала указывал на то, что необходимо обзавестись обувью в этой каменистой земле. Ему вспомнились слова о том, что «демон скакет по желудку голодного»; но эти слова сказал поэт, а не вождь военного отряда.

Хмурые утесы заставили бамула переглянуться. Конан понял, что некоторые из них собирают остатки своего мужества, необходимого им для того, чтобы продолжить путешествие. Что

до Конана, то ему, рожденному в горах, подобные утесы были не в диковинку. А пещер, наподобие той, что была сейчас перед ними, Конан обследовал без числа уже годам к десяти. Впрочем, то же можно было сказать о бамула в отношении джунглей. Но увы, здесь была не их родина.

— Вперед же, братья! — воззвал Конан. — Большинство из нас забирались в львиные логова и выходили оттуда живыми. Неужто колдун страшнее льва?

Конан сам мало верил в то, что говорил. Но по крайней мере, бамула, похоже, подбодрила его краткая речь. Они начали взбираться по утесу ко входу в пещеру, которую показала им Скира, добавив, что теперь здесь будет их жилье.

Конан и Скира влезли последними. Они постояли бок о бок, глядя на лес, который, будто изумрудное море, разбивался у подножья утеса, где жил в своей загадочной пещере колдун. Конан прекрасно понимал, что сейчас за ним наблюдает множество пиктских глаз, как, впрочем, и в течение двух дней марша.

Похоже, в утверждениях Скиры о том, что, дескать, у нее и отца мир с кланом Соры, имелась толика правды. Будь это не так, в течение двух дней у враждебно настроенного племени было бы немало возможностей уничтожить всех бамула до единого, да и Конана вместе с ними. Но хотя черные глаза глядели из-за деревьев и

из-под кустов, ни одна стрела, ни одно копье не полетело в отряд Конана, не раздался ни один военный клич. Не застучал вдали ни один барабан, передающий весть о приближении легкой для пиктов добычи.

Будто отвечая на невысказанные мысли Конана, где-то вдали тотчас же застучали барабаны, едва слышные даже для чутких ушей киммерийца, обладавшего острым, как у рыси, слухом. Скира вздрогнула. Без всякой задней мысли Конан обнял ее. Она снова вздрогнула, но не сбросила его руку, а через несколько секунд и вовсе расслабилась.

— Трудно, — сказала она, — трудно не слышать эти барабаны и не бояться их. Всю мою юность этот звук означал одно: нужно опрометью бежать к лошадям, если они имеются, грузить на них все пожитки и уносить ноги как можно быстрее. Я не помню такого времени, чтобы поблизости не было пиктов.

— А что такого изобрел твой отец, что позволяет ему удерживать пиктов на расстоянии? — спросил Конан. — Или это секрет?

— Секрет. Он не делится со мной всем, что знает. Более того, ему вряд ли понравилось бы, если я без его разрешения поделилась бы с тобой даже теми немногими знаниями, которыми обладаю.

Киммериец подумал, как все-таки тяжело приходится колдуну. Впрочем, это забота колдуна. Конан, в конце концов, хвала Крому, не его

сын! Оброненные Скирой слова снова возбудили в нем заснувшие было подозрения. До недавнего времени, прежде чем отряд Конана вошел во владения ее отца, Скира была достаточно откровенна. Скрывает ли она что-нибудь, чтобы удержать отряд?

Однако было ясно, что именно во владениях колдуна начинается для бамула самая короткая дорога домой. А пара десятков сильных и воинственных парней даже у могущественного колдуна могут отбить всякое желание предать их. Им то терять нечего. Самое худшее, что с ними может случиться, это смерть среди завывающих пиктских орд.

— Чем больше я буду знать, тем счастливее буду, — только и сказал Конан. — А чем счастливее буду я, тем счастливее будут и бамула. Они надеются найти здесь дорогу домой. А если не найдут, то очень здорово рассердятся. Твой отец, возможно, и могущественный волшебник. Но все его волшебство вполне может быть уравновешено силой двадцати разъяренных воинов.

— Я молюсь Митре, чтобы ничего подобного не случилось, — сказала Скира. Она стала подниматься вверх по лестнице и скоро исчезла из виду.

Конан посмотрел ей вслед, а потом бросил взгляд на орла, который кружил на западе, кроваво-красный в лучах заходящего солнца. Киммериец не стал задерживаться внизу. Здешняя

земля достаточно негостеприимна и днем, ну а ночью Конану понадобятся все его варварские звериные инстинкты, чтобы определить, не подкрадывается ли к нему Зло.

Впрочем, ночью даже пещера колдуна не намного лучше, чем пиктские чащобы.

Солнце скрылось за холмами на западе. Только звезды и народившаяся недавно луна проливали на землю слабый свет. Они — да еще костры.

Темнота была на руку твари, которая привыкла охотиться во мраке. Хакан был послан шаманом клана Совы, чтобы проследить за отрядом демонолюдей, направляющихся к скалистому жилищу белого шамана. Хакан был подобен человеку, но зарос волосами, как обезьяна, и силу имел, точно горилла. Этой силы было достаточно, чтобы переломить человека пополам с той же легкостью, с какой мальчик переламывает соломинку.

Впрочем, сегодня у хакана не было приказа убивать. По крайней мере, сегодня ночью. Он должен был проследить за отрядом, подняться повыше к пещере и спрятаться, если найдет подходящее укрытие. А все, что он увидит, услышит, унюхает, шаман Ита Йараг вытащит из его мозгов с помощью магии.

А когда Ита Йараг сделает это, клан Совы узнает побольше о маге, которого они взялись защищать и который им служит. Может быть,

даже удастся узнать, собирается ли и дальше белый шаман служить им, или же приход демоно-людей означает, что он обзавелся новыми друзьями.

А если так, то у клана еще есть время захватить пещеру, принести белого шамана в жертву по старому способу, а дочку его пустить по кругу среди вождей клана Соры, после чего передать ее дружественным кланам, таким как клан Рыси и клан Орла.

Весна кончилась; наступило долгожданное лето. В лесу начали наливаться ягоды. Ручьи после весеннего разлива вошли в свои берега. Охотиться — одно удовольствие. Пикты были сыты и миролюбивы настолько, насколько вообще возможно требовать миролюбия от этого дикого народа.

Конан и бамула были довольны спокойствием пиктов и совершенно не горели желанием раздражать их. Если, конечно, не считать тех дикарей, на которых они ходили походами на восток и на юг. Эти вылазки были достаточно удачными во многом благодаря тому, что склады Лизениуса снабдили его новую «гвардию» всем необходимым.

Самого колдуна они видели редко, что лично Конану не очень нравилось. По мнению киммерийца, если бы они встречались со своим нанимателем почаше, они получше бы его узнали, что было отнюдь не лишним, потому что сам

Лизениус, видимо с помощью своей магии, вывел о бамула достаточно много.

Когда они впервые вошли в пещеру, то узнали, что Лизениус болен. Скира сказала Конану, что кто-то сразил носителя «призрака-уха», когда тот был в контакте с колдуном, и теперь ее отец находится в целительном трансе.

Конан передал это всему племени. Бовену нахмурился. Ясно было, что болезнь Лизениуса — его рук дело. Говинду просто намекнул Бовену, что тому, по всей видимости, снова придется пройти процедуру принесения клятвы ему, Говинду, в том случае, если он не будет держать язык за зубами.

— ...А потом я просто без всякой клятвы его отвалтузю, — добавил Конан. — Бовену, ты знаешь, каков должен быть язык у настоящего воина? Твердый, как палка, и тяжелый. Язык настоящего воина не должен болтаться, как слоновьи яйца. Так что помни об этом, парень.

С тех пор в течение нескольких дней в лагере царило спокойствие. По крайней мере, Бовену был как шелковый.

Возможно, потому, что, как и прочие, он был слишком занят подгонкой новой одежды, оружия, а также поглощением пищи, полученной от колдуна. Все бамула были тогда очень голодны. Ясно, что Лизениус расщедрился и выдал им продовольствие и припасы не только из-за их красивых черных глаз.

Столь же ясно было, что Лизениус хотел использовать отряд для чего-то более серьезного, нежели защита от пиктов. В этом отношении его заверения не стоили и ломаного гроша. Что тут можно предположить? Магия, торговля или друзья за границей? Что до первого, то Конан в этом ничуть не сомневался. В противном случае какой же Лизениус колдун?

Торговля. Это возможно. Тут была одна комната, столь надежно запечатанная, что буквально ворила о том, что является сокровищницей. Наметанным взглядом старого вора и вместе с тем осторожного командира Конан наметил по меньшей мере три способа забраться внутрь. Но пока решил оставить сокровищницу в покое. Сейчас ему нужен был мир с Лизениусом и Скирой. Ему совершенно не улыбалось испытывать на своей шкуре магические щиты, которые колдун, конечно же, поставил для охраны своих сокровищ.

Друзья за границей. Тоже возможно. Для Конана не было секретом, что кое-кто из хайборийцев имеет дело с пиктами, наживая на этом целые состояния. Впрочем, в его родной Киммерии таких было мало, а те, кто имелись, не могли похвастаться долгожительством. Суровая северная земля обеспечивала суровое наказание для тех, кто не хотел следовать традициям, освещенным временем.

В других же краях, насколько Конан знал, подобная деятельность процветала. И почти все-

гда она была связана со шпионажем. Киммериец предполагал, что и в их собственном случае не обошлось без какой-нибудь пакости. Впрочем, Конан решил, что местные разборки должны касаться его меньше всего. Он постарается избежать их сам и уберечь от них своих бамула, если на то будет воля богов. Самому киммерийцу с лихвой хватит интриг, разводимых в Черных Королевствах. Особенно если ему вместе с его отрядом суждено когда-нибудь снова возвратиться на Черное Побережье.

Впрочем, жаловаться на скучность волшебника не приходилось. Кожаные и меховые одежды, кожаная обувь и шерстяные штаны, пиктские копья и боевые топоры, боссонские луки и гандерская броня — все было выдано с готовностью и в изобилии по первому требованию. То же касалось мяса, орехов и ягод, а также эля. Бамула нашли эль столь же хорошим, как и свое собственное пиво, и, не вмешайся Конан, не успокоились бы, пока не высосали весь запас.

— Не забудьте, что пикты все еще здесь. Те, что прикидываются друзьями, и те, что в открытую скалят зубы. Сейчас, конечно, мы куда лучше подготовлены для встречи с ними, но все-таки их сто человек на одного нашего. Кроме того, они, не в пример нам, хорошо знают эту местность.

Бамула обучались легко, будучи опытными воинами, которым к тому же не терпелось вернуться домой, хотя для этого и пришлось бы воевать

с врагами Лизениуса. Трижды Конан совершал с ними набег и трижды возвращался без потерь.

Как правило, в поход они отправлялись отдельно от дружественных Лизениусу пиктов, если не считать нескольких местных проводников. Это было хорошо. Конан знал пиктскую манеру ведения войны и не хотел, чтобы бамула переняли ее. Незачем здешние прихваты переносить на Черное Побережье, поскольку они означают кричащих девочек-подростков, насилиемых перед горящими домами, старииков с проломленными черепами, смотрящих мертвыми глазами в небо.

Но вот настал день, когда им приказано было перебраться через границу в район Топей вместе с пиктами.

Откуда-то с дерева донесся сигнал Говинду. Крик птицы Черного Побережья, отнюдь не здешней. Конан сомневался, что охрана каравана была столь глупа, что не заметила такой странности.

Сорок пиктов залегли в ожидании вдоль дороги. Бамула Конана лежали с другой стороны. Это позволяло атаковать одновременно, но держало оба отряда на большом расстоянии друг от друга.

Это было хорошо. Пикты не доверяли демонолюдям, равно как бамула не доверяли пиктам. Они то и дело искали ссоры друг с другом. Пока, правда, до большой крови дело не дошло,

хотя Конан и пиктский вождь не говорили на одном языке. И киммериец, и предводитель пиктов — оба были опытными воинами, что позволяло им понимать друг друга. О предстоящей битве они договорились с помощью жестов и рисунков на земле.

Караван уже приближался. Совершенно очевидно, что охранники плохо знали здешние леса. Кроме того, о пиктских набегах здесь еще не слышали. Предполагалось, что опасность ожидает дальше. Бамула еще не совершали набегов по эту сторону границы; что до пиктов, то они преимущественно пощипывали изолированные фермы, разбросанные вдоль границы. А леса здесь такие, что пятьдесят человек могли укрыться от глаз даже самого зоркого патруля.

Теперь главное — чтобы пикты с закрытыми глазами не начали осыпать все стрелами (а иногда они именно так и делали, во всяком случае такое создавалось впечатление). Да и бамула не плохо помнить о том, что убить может даже стрела союзника.

Военный клич пиктов послужил сигналом к атаке. Конан выскочил из своего укрытия, потрясая мечом. Он вымазал лицо и другие открытые части тела соком ягод и теперь по цвету кожи был похож на бамула. Конечно, противно сражаться бок о бок с пиктами, но еще противнее было бы, если бы легенды сохранили историю о черных воинах с белым вождем, которые боятся рядом с такими недоносками, как пикты.

Такая слава может в один прекрасный момент сослужить Конану дурную службу. Кроме того, киммериец сомневался, чтобы это понравилось Лизениусу. И уж совершенно очевидно, что это ни в коей мере не способствует возвращению бамула домой, в родные джунгли.

Киммериец выскочил на дорогу и схватил под уздцы лошадь предводителя охраны каравана. Другой рукой он отразил три рубящих удара всадника, у которого было больше скорости, чем умения, и уж явно не хватало силы пробить защиту Конана.

Лошадь попятилась. Конан нырнул под брюхо лошади и неожиданно для всадника выскочил с другой стороны. Он ударил мечом вперед, направив удар так, чтобы меч прошел сквозь шлем, вместо того чтобы раскалывать шлем вместе с черепом. Он схватил всадника за пояс, сорвал с седла, поднял над головой и бросил. Тот тяжело грохнулся о землю, расплескивая грязь. С запоздалым сожалением Конан понял, что бросил его нечаянно в ту сторону, где залегли пикты. Если всаднику повезет, он придет в себя прежде, чем те найдут его.

Киммериец схватил поводья и поставил ногу в стремя. Неожиданно из-под брюха лошади на Конана бросился еще один охрапник. Конец лезвия только оцарапал варвара, вместо того чтобы глубоко вонзиться в плоть. Конан выбил меч из рук нападавшего, повернулся в седле и обрушил на своего противника удар клинка. Че-

реп развалился вместе с кожаным шлемом. Нападавший рухнул, а копыта лошади закончили работу, начатую мечом киммерийца.

Со спины лошади Конан лучше видел поле боя и дорогу. Охранники в арьергарде отряда образовали стену, закрытую щитами. Те, что были в авангарде, медленно отступали в их сторону. Но маневр не удался. Пиктские стрелы и бамульские копья изрядно проредили ряды охранников. Киммериец даже заметил одного бамула, который, мастерски управляясь с луком, нашел себе жертву.

У Конана сложилось впечатление, что охранники решили спасти свою жизнь, пожертвовав телегами и выночными лошадьми. Либо же они замыслили еще какую-то каверзу. Затем варвар обнаружил, что вокруг одной из телег завязалась схватка. Ударив лошадь пятками по бокам, Конан поскакал туда. Стрела оцарапала киммерийцу шею, древко копья, брошенного чьей-то не-твёрдой рукой, скользнуло по боку лошади. И вот Конан уже возле телеги. Стрелы перестали лететь со стороны дороги. Либо боссонские лучники боялись попасть в своих, либо пикты перебили их всех. Три человека сражались против четырех пиков и одного бамула. На сражавшихся охранниках были кожаные лорики, кольчужные шлемы; по всей видимости, они недурно умели обращаться с мечами, раз все еще держались. Конан пнул одного из них в висок, другого плашмя стукнул по голове мечом. Оба упали.

Третий забрался в телегу, поискав там что-то и выскочил наружу с окованным железом сундучком. Сундучок был небольшой, но явно очень тяжелый. Спрыгивая на землю, человек пошатнулся. И вот пикт вогнал копье ему в бедро. Несмотря на рану, этот человек бросился бежать, причем столь быстро, что мгновенно оторвался от нападавших. Но не от Конана, который скакал верхом на лошади.

Прежде чем лучники за стеной щитов успели выпустить свои стрелы, киммериец нагнал убегавшего. Могучая рука описала дугу, будто зачернивая сачком, и вырвала драгоценную ношу.

Бегущий взвизгнул, как лесной кот во время гона, и в свою очередь ударил Конана стилетом причудливой формы. Сталь рассекла кожу, но была остановлена рукоятью двуручного меча. В следующее мгновение тяжелый кулак киммерийца превратил бойкого противника в неподвижную тушку.

Конан развернул лошадь и поскакал назад, в голову каравана, увидев, что Говинду стоит на дороге и размахивает руками.

Когда бамульских воинов всего двадцать, трудно разделить их на четыре отряда («Руки», «Спина», «Живот» и «Ноги»). Но здесь действовал молодой вождь с острыми глазами и холодной головой. Он сидел на дереве, и его не видели ни друзья-пикты, ни противники-боссониты.

— Всадники приближаются! — прокричал Говинду. На самом деле он употребил выражение

«шестиногие воины», поскольку лошади в бамульских землях встречались настолько редко, что далеко не всякий житель тех мест мог похвастаться тем, что видел одну из них.

Конан подумал, что либо это в самом деле ловушка, либо же каравану чертовски повезло. Впрочем, сейчас это различие не играло роли. Кровожадность пиктов при атаке охранников, скрывшихся за стеной щитов, заставила их забыть обо всем. А теперь, поскольку шла подмога, любой из защитников каравана, кто еще оставался в живых, мог надеяться увидеть завтрашний рассвет.

Конан махнул рукой бамула. Пикты также заметили этот жест. Но их вождь не подал им сигнала. Там, где они находились, стучали барабаны и гремели вопли. Конан выругался. Ему совершенно не улыбалось решать сложную задачу: либо бросить пиктов, либо торчать здесь и ждать, пока те заметят, что к боссонитам спешит подкрепление. Киммерийцу не хотелось терять драгоценное время. Тем более что бамула находились куда как ближе к врагам, нежели пикты, так что первый, самый сильный удар падет именно на чернокожих воинов.

Конан крикнул бамула, чтобы они возвращались и укрылись по обеим сторонам дороги. Это открывало новому отряду возможность атаковать пиктов. Но при этом бамула оставались бы живы и могли бы ударить боссонитам в тыл. И, возможно, тем самым спасти своих северных

свожу (это было бамульское слово, означающее союзников по набегу). Именно так бамула обычно и называли пиктов.

Темнокожие воины едва успели укрыться за деревьями, когда подлетели боссониты. То ли охрана каравана была сильнее, чем Конан себе представлял, и больше людей осталось в живых, то ли в ход пошли какие-то загадочные силы, но удар пришелся прямо по пиктам.

Дикари не любили сражаться врукопашную против закованных в латы противников. Они вступали в такой бой лишь в том случае, если превосходили врагов количеством, причем значительно. На этот раз их было мало. Но им была открыта дорога в леса. Лес был рядом. Лес, где ни один всадник не сможет их нагнать. Пикты так и поступили. Мгновение спустя ни одного дикаря поблизости уже не было, все они скрылись в непроходимой чащобе.

Поскольку бамула ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру, Конан спешился, хлопнул лошадь по крупу и послал ее вперед, к боссонитам. Затем вложил меч в ножны и обеими руками покрепче ухватил сундучок. Даже могучему киммерийцу было нелегко тащить тяжелый сундук одной рукой, да еще бежать с ним среди деревьев.

Лишь убедившись в том, что поблизости не видно пиктов и что они не скрываются рядом, Конан решился открыть сундучок. Он сделал

это, отыскав трухлявое дерево — последние останки великана, бывшего некогда размерами с добрый храм и более древнего, чем любое сооружение, возведенное руками человека.

Пока Кубванде держал кусок зажженного мха, привязанного к палке, Конан атаковал замки и петли сундука кинжалом. Замки поддались только тогда, когда кинжал едва не сломался. Кто бы ни запирал этот сундук, он явно стремился как можно лучше сохранить то, что находилось внутри.

Крышка откинулась со слабым, почти человеческим вскриком. Поначалу Конану показалось, что внутри ничего нет. Затем он увидел, что сундучок выстлан изнутри черным бархатом и закрыт черным шелком. Киммериец сорвал шелк, и в свете факела Кубванде заметил слабый отблеск. Засунув руку, он нашупал что-то твердое и гладкое.

Он извлек на поверхность содержимое сундучка. Квадратной формы кристалл, столь прозрачный, что его с трудом можно было рассмотреть на черном бархате. Конан подумал, что кристалл стал бы отличным украшением для рукояти меча или шлема. Но было в нем что-то неприятное, заставившее киммерийца насторожиться.

— Хм, — хмыкнул Бовену. — Золота, которое здесь спрятано, не хватит даже оплатить услуги носильщика, который допер эту тяжесть сюда.

— Как я погляжу, маловато у тебя в голове мозгов, чтобы судить о подобных вещах, — отозвался Кубванде. — Раз он нам не нужен, отдадим его Лизениусу. Тот небось найдет ему какое-нибудь применение.

— Это уж наверняка, судя по тому, как дрались за него охранники, — заметил Конан. — Тому, кто его потерял, теперь придется выплатить хозяину круглую сумму.

У Конана появилось желание выпустить кристалл из рук как можно быстрее. Вместе с тем у него мелькнула мысль о том, что вовсе не обязательно отдавать его Лизениусу. От кристалла прямо-таки смердело колдовством. Киммериец рассудил, что честному человеку он ни к чему, а Лизениусу в самый раз.

А как насчет честной женщины? Похоже, Скира имела сомнения относительно некоторых планов своего отца. Но молчала. Конан куда больше доверял бы ей, если бы она не была так скрыта во всем, что так или иначе касалось дел Лизениуса. Но даже и при его вполне закономерном недоверии к ней можно было сказать: ей он доверял куда больше, чем ее отцу, настолько, насколько золотая монета ценнее медного гроша. По доброй воле киммериец не доверился бы никому, кто имел хоть малейшее отношение к магии. Но ради спасения бамула ему приходилось положиться на добрую волю Скиры. По его мнению, она отчасти этого заслуживала.

— У меня на родине имеются такие кристаллы, — сказал Конан. — Они обладают колдовской силой. Но это бабская магия. Вуона тоже женщина, но не умеет обращаться с колдовскими силами. А вот Скира — и женщина, и кое-что понимает в волшебстве. Отдадим кристалл ей.

— А если это разозлит Лизениуса? — спросил Бовену.

— Тогда, — сказал Говинду таким тоном, будто поучал ребенка (хотя Бовену был по крайней мере на пять лет его старше), — тогда мы будем держать язык на запоре и никому не скажем насчет кристалла до тех пор, пока Скира сама не уладит это дело.

Глава тринадцатая

Лизениус мало походил на обычного волшебника. Впрочем, Конан знал многих колдунов, хотя и не любил это племя, и понимал, что они должны отличаться друг от друга, как и обычные люди.

Отец Скиры был почти одного роста с киммерийцем. Веди более здоровый образ жизни, он наверняка был бы так же силен, как Конан. Однако колдун слишком много времени проводил над свитками, согнувшись в своей пещере. Шелковое одеяние обтягивало его здоровенное брюхо. Одеждие было столь просторно, что могло бы послужить парусом для какой-нибудь барахской посудины. Явно, что Лизениус не отказывал себе ни в чем. Одевался он по последней аквилонской моде. С широких плеч свисал короткий боссонский плащ. Широкий кожаный пояс был явно пиктского происхождения. На поясе висел пиктский бронзовый кинжал.

Широкое лицо выглядело слишком молодым, так что трудно было поверить в то, что у колдуна взрослая дочь. Единственным, что указывало на зрелые годы, был широкий лоб с залысинами и роскошная борода, изрядно подернутая сединой. Глаза у него были такими же, как у Скиры, ярко-голубыми, похожими на глаза Конана. Но выражение этих глаз настораживало киммерийца.

— Вы хорошо послужили мне, — сказал Лизениус.

Конан немало путешествовал по свету, знал немало языков и сразу распознал аквилонский акцент. Лизениус повторил:

— Очень хорошо послужили.

Колдун произнес последнюю фразу еще раза три, прежде чем Конан начал переводить ее бамула. Киммериец решил передавать своим воинам все, о чем он говорит с колдуном. Но не было причин делиться со своими людьми одолевавшими его относительно Лизениуса сомнениями. Инстинкты вынуждали Конана быть настороже, а киммериец доверял своим инстинктам. Если бы он этого не делал, то давным-давно поконился бы в холодной земле.

Сомнения Конана прорастали медленно, как мох. Он смотрел на Лизениуса. Похоже было, что тот родился в Аквилонии, а не в Боссонии, откуда, в свою очередь, бежал в Дебри Пиктов. Видимо, он повсюду практиковал магическое Искусство. Причем это повсюду заканчивалось

именно тем, что его изгоняли. В Боссонии же ярость властей предержащих стоила жизни его жене, матери Скиры. Видимо, когда Лизениус появился здесь, в Дебрях Пиктов, его знание магии было достаточно заурядным и ничем не выделяло его из своры прочих колдунов. С другой стороны, все, что связано с магией, трудно назвать «обычным»!.. Конан раньше не верил в магию вовсе. Не верил до тех пор, пока не увидел корабли, плывущие по воздуху. Ясно было, что Лизениус прошел выучку у стигийских жрецов. У стигийцев длинные руки и много золота, с помощью которого они покупают друзей. Используя свою магию, Лизениус отыскал друзей даже среди пиктов. Причем его занятия Искусством подняли престиж местных шаманов.

Теперь, думал Лизениус, настало время отомстить тем, кто изгнал его из цивилизованного мира и лишил жены. Он нашел управу на пиктов. В дальней пещере находится статуя древнего воина. Оживленная магией Лизениуса, статуя должна стать непобедимым защитником колдуна. Отныне те, кто нарушит границу его владений, проклянут день, когда родились на свет, слушая вопли своих умерщвляемых родственников прежде, чем и их собственные глотки будут перерезаны...

С пиктами у Лизениуса были особые счеты. Конан чувствовал это. Обладая опытом участника стольких военных кампаний, что хватило бы на двух человек его возраста, Конан слушал сво-

его нанимателя с мрачным вниманием. Пусть Лизениус болтает красиво и складно, однако киммерийцу хорошо известны повадки чародеев. Он знал, как устроены их мозги и каким образом текут мысли в головах колдунов.

В настоящее время Конан склонялся к убеждению, что Лизениус безумен. Был ли маг безумен и прежде, кто знает? Со стигийской магией киммериец имел дела меньше, чем с другими, и предпочел бы не иметь вовсе. Но было ясно одно: в настоящий момент старый колдун полностью спятил. Возможно, он рехнулся от одиночества, хотя не исключены и другие причины. Но то, что он делал, было бессмысленным. Он хотел натравить пиктский народ на Боссонские Пределы.

Конан уже собирался спросить, какую роль он со своим отрядом должен сыграть в этих планах, когда Лизениус, казалось, вытащил все мысли киммерийца из его головы. Это было так неожиданно, что Конан не осмелился даже бросить взгляд на кошель, висевший у него на поясе, чтобы убедиться: не утащил ли Лизениус одной лишь силой мысли кристалл у него из кошеля?

— Я не могу предоставить какому-либо племени или клану пиктов честь войти в пещеру Статуи. Иначе другие почувствуют такую сильную зависть и обиду, что перережут мне глотку. Или, по крайней мере, вырежут то племя, которое было удостоено этой чести. Я уже нахожусь

в куда как менее дружественных отношениях с кланом Змеи, чем мне бы хотелось. И мне совершенно не улыбается поссориться еще и с остальными.

И снова Лизениус что-то сотворил. В голове Конана возникло видение клана Змеи, приведенного к покорности после того, как статуя прогулялась по их землям. На мгновение у Конана появилось острое желание, чтобы клан Змеи именно сейчас проявил свою гнусную сущность, ворвался в пещеру и разнес все к демонам. В конце концов, битва с пиктами куда приятнее, чем беседа с колдуном, у которого амбиции превышают здравый смысл (да и весь опыт общения Конана с колдунами говорил за то, что преувеличенные амбиции — самое обычное для магов дело).

— Тебе с твоими бамульскими воинами выпала честь отправиться в эту пещеру. У вас нет среди пиктов ни родственников, ни друзей. Вы доказали свое воинское умение. Самое главное — вам приходилось проходить сквозь Переместитель. То, что вы сделали один раз, вы сдлаете снова.

Киммерийцу потребовалось несколько секунд для того, чтобы понять: Лизениус имеет в виду Ворота Зла. Именно эти слова Конан и употребил, когда переводил слова колдуна бамула. Он услышал, как его воины со свистом втягивают в себя воздух. К счастью, Лизениус, похоже, истолковал это как признак готовности. Киммери-

ец возблагодарил богов за то, что колдун мало что понимает в бамульских обычаях.

— Воздадим честь Лизениусу, — сказал Конан.

Бамулы начали распевать:

— Охбе Лизениус. Охбе Лизениус. Охбе Лизениус.

Конан надеялся, что ему удастся вывести из себя колдуна, позволив бамула распевать это восхваление так долго, что тому надоест. Бамула были исключительно занудны в своих песнопениях. Однако похоже, что в этих пещерах лишь одному человеку позволялось быть занудным. Лизениус сделал жест, безошибочно свидетельствующий о том, что ему все это не нравится. После чего Конан построил своих людей, отдал поклон в хайборийской манере и вывел свой отряд. Они прошли по трем коридорам, свернули в четвертый, упирающийся в то помещение, которое они занимали. Киммериец сделал знак Кубванде.

— Да, Конан?

Варвар нашупал кошель. Он постоянно носил кристалл с собой, даже находясь в покоях Лизениуса, не желая никого подвергать опасности из-за обладания опасным сокровищем. Колдуны пытались убить Конана больше раз, чем пальцев на руках и ногах. У бамула же нет такого обширного опыта общения с чародеями.

— Эта штука будет оставаться у меня, пока мы не решим окончательно, кому ее отдать.

— Будь осторожен, Конан. Ты нужен нам больше, чем Скире. Я имею в виду не только бамула.

— У нас еще достаточно времени, прежде чем мы снова увидим кого-либо еще, — сказал Конан. Откровенная лесть его собеседника почему-то не разозлила его. Кубванде не дурак. Кроме того, он искусный воин. Но стремление плессти интриги у него в крови, равно как стремление мстить — в крови у Лизениуса.

Чтобы чернокожие наемники колдуна не бродили по пещере, Лизениус дал понять, что опасности таятся здесь на каждом шагу. Он никогда не говорил, что это за опасности, поэтому Конан толком не мог себе представить, что колдун имел в виду: магию ли, зверей, людей или просто колодцы в полу, готовые поглотить неосторожного.

Имея привычку бродить в темноте еще со времен своей воровской молодости, Конан мало обеспокоился невнятными угрозами Лизениуса, поэтому вскоре уже довольно ловко научился ориентироваться в темных туннелях.

Не прошло и десяти дней, как они наслаждались гостеприимством колдуна, а Конан уже обнаружил хитроумный ход, которым можно пробраться от места, где разместились бамула, к месту, где обитала Скира. Обнаружил он и удобный путь к складу. Последнее было особенно важно в те дни, когда его мучила жажда.

Впрочем, в комнату Скиры он не ходил. Дочь колдуна с самого начала четко обрисовала ему то, чего бы она не хотела. У Конана не было ни малейшего желания испытывать их отношения на прочность, прося ее о большем.

Кроме того, киммерийцу совершенно не хотелось вызывать ревность Вуоны. Она была отличной подругой в постели. Однако женщины, он знал, всегда найдут повод для ревности. Кроме того, ревность Вуоны могла быть опасной, если это чувство толкнет ее на путь предательства. Конан не хотел, чтобы глупая женщина отдала отряд в руки Лизениуса. Несомненно, кто-нибудь из бамула избавил бы киммерийца от необходимости проливать кровь девушки своими руками, но его больше устроило бы, если бы она осталась жива и здорова и вернулась в Черные Королевства вместе со своими сородичами.

Но настал день, когда Конан собрался все-таки забраться в покой Скиры и встретить ее там, дождавшись, когда она вернется домой. Несмотря на то что он сказал Кубванде, в планы Конана не входило отдавать кристалл, не выведав предварительно, что это за штука. Эта осторожность была вполне разумной: глупо было отдавать возможное магическое оружие человеку, которому ты не доверяешь. А здесь киммериец никому особенно не доверял.

Конан сказал Кубванде, что, если он не вернется перед закатом солнца, бамула должны будут сами заботиться о своей безопасности и на-

деяться только на себя. Правда, он не объяснил молодому вождю, как им это сделать. Кубванде, конечно, был менее щепетилен, чем киммериец, и с легкой душой предложил бы свои услуги Лизениусу. Вряд ли Говинду удалось бы одержать над ним верх.

Если бы не загадка, связанная с кристаллом, вряд ли Конан стал бы рисковать и искать встречи со Скирой в ее покоях. Но на карту была поставлена безопасность его людей. С другой стороны; его снедало любопытство. Любопытство перевесило даже осторожность.

Конан вскорости добрался до трещины в скале. С наружной стороны она была достаточно широка, чтобы вместить массивного киммерийца, если бы Конан вздумал по ней лезть. Кроме того, трещина давала какое-никакое убежище. Внутри она расширялась, напоминая камин, и Конан вполне мог упереться руками в одну стену, а спиной в другую. Он привязал к поясу фонарь — медную чашу, в которой плавал мох, пропитанный маслом, — и начал карабкаться наверх.

Киммериец лез, стараясь передвигаться еще тише, чем обычно. Его опыт говорил, что любые охранники замечают тебя именно в тот момент, когда тебе менее всего хочется привлечь их внимание. Конан двигался довольно быстро и скоро оказался в верхнем туннеле.

Туннель вывел его в коридор, образованный неглубоким подземным потоком. Киммериец ос-

становился в проеме, выводящем в коридор, и поморщился: там, где зрение и слух не работали, обоняние могло предостеречь его об опасности. Здесь Конан ощутил какой-то подозрительный неприятный запах, которого раньше не было.

Однако он ничего не слышал. Свет фонаря также не открыл ему ничего нового: только голый камень стен, изъеденных потоком, текшим здесь, наверное, миллионы лет, да холодная темная вода, струящаяся под ногами. Киммериец коснулся воды пальцем, облизал. Вроде ничего подозрительного. Вода, даже не затхлая. В принципе, до покоев Скиры можно было добраться несколькими путями. Через этот же туннель существовал только один путь. Но только в том случае, если умеешь проползать сквозь скалу с той же легкостью, с какой червь проползает сквозь свежую землю. Конан этой способностью не обладал, поэтому ему ничего не оставалось, как ступить в воду и двинуться вперед. В одной руке он держал высоко поднятый фонарь, в другой — меч. Глаза осторожно осматривали туннель, ноги тщательно ощупывали дно потока.

Хорошо, что он принял столько предосторожностей. С каждым шагом вонь становилась сильнее. Теперь киммериец услышал нечто похожее на дыхание. И это было не его дыхание, чтобы убедиться в этом, Конан перестал дышать, однако вздохи продолжались. Он медленно пошел вперед. То неведомое, что находилось впереди, тоже затаило дыхание. Наступила тишина.

Теперь киммериец чувствовал холод. И не только потому, что основательно вымок, блуждая по туннелю. Очевидно, то странное, что было впереди, чувствовало его приближение. У противника Конана было преимущество: он мог выбрать время и место атаки. Варвару пришлось бы встретить эту атаку, которая последует без предупреждения, и, возможно, здесь, в тесноте каменного коридора. Но это лучше, чем позволить неведомому гоняться за ним по пещерам или, того хуже, позволить страшной твари бродить в темноте в поисках легкой жертвы.

Конан миновал самую узкую часть коридора без всяких происшествий. Ему показалось, что впереди он слышит царапанье. Киммериец подумал, что, по всей видимости, потоком нанесло сухие сучья.

Варвар сделал еще один шаг вперед, и туннель огласился жутким воплем. В Конана ударила громадная масса. Вода брызнула во все стороны. Фонарь зашипел и потух. Наступила кромешная тьма.

Конан тотчас же понял, что на него нападают двое. Один из противников был посильнее. Он схватил киммерийца за левую руку и попытался вывернуть. Либо выдернуть! Дернувшись, Конан вырвался из захвата и с силой ударил противника о стену.

Это дало ему лишь мгновенную передышку. Большего ему, однако, и не требовалось. Он отвел свободную руку, сжал могучий кулак и уда-

рил в темноте туда, где, по его мнению, находилась голова противника. В тот же самый момент он рубанул. Правда, рискуя мечом и несколько неуклюже, поскольку был неудобный угол для удара. Аквилонская сталь полоснула по шее монстра. Тварь завыла, и гнилостное дыхание обдало Конана.

Первый нападающий теперь пытался схватить его сзади. Но и на этот раз атака противника не увенчалась успехом. Нападающий явно пытался сохранить свою жертву невредимой. Выбросив вперед обе ноги, Конан изо всей силы ударил того, кто находился перед ним, одновременно с тем придавив спиной того, кто подкрадывался сзади.

Он услышал хруст, когда череп первого из нападавших ударился о скалу, и почувствовал, как хватка ослабевает. У Конана теперь была свободна рука. Он не замедлил выхватить кинжал и нанести яростный удар в то неведомое, что находилось перед ним. Еще один вскрик — и струя зловонной крови смешалась с подземным потоком. Конан ударил снова. Новый фонтан крови; однако криков больше не было. Киммериец сделал шаг в сторону и обрушил на нападавших свой меч, сперва на одного, потом на другого. Он почувствовал, как сталь разрубает кости.

Затем осталось только эхо предсмертных стонов да журчание воды, обмывающей два волосатых тела и уносящей два потока крови. Конан

вложил в ножны оружие и выбрался из воды. Пожалуй, он не очень пострадал, хотя ощущение было такое, будто его измолотили дубинками. Не известно, с кем ему пришлось сражаться, но противник был силен, быстр и не слишком сообразителен, но все же слишком опасен, чтобы позволить ему просто так разгуливать по туннелю.

Вот и еще один вопрос, который он задаст Скире перед тем, как заговорит с ней о кристалле. Он коснулся пояса, чтобы убедиться, что кристалл на месте, в кошеле. После чего он двинулся дальше.

Возможности снова зажечь лампу Конан не видел. Да в лампе и не было нужды. Последний участок пути до покоев Скиры был таким простым, что даже начинающий воришко с легкостью проделал бы его без всякого света. Синяки и царапины Конана только-только начали саднить, когда он оказался возле дверей. Киммериец вытащил кинжал и постучал рукоятью. В ответ раздалось лишь шуршание, ибо дверь была сработана из толстых досок, окованных медью. Некоторые из медных украшений образовывали странные фигуры, которые могли быть рунами чужого языка, — Конану прежде не приходилось иметь с ними дела. Он услышал слабое звяканье. Несомненно, это открывался глазок. После чего с глухим стуком отодвинулся засов.

Со скрежетом петель, который был громче боевого клича целой армии, дверь отворилась.

На пороге стояла Скира. В одной руке у нее был кинжал. На плечи она наспех набросила кожаный плащ. Девушка была неплохо сложена, отметил Конан. Кроме того, киммериец мог бы поклясться, что под плащом на Скире ничего не было.

— Конан! Что привело тебя сюда?

— Любопытство.

— Любопытство касается меня? — У другой женщины подобный вопрос мог быть принят за флирт. Впрочем, мрачное выражение лица Скиры и ее ровный голос начисто отмечали такую возможность.

— Любопытство касается кое-какой штуки, которую мне удалось захватить в боссонском караване.

— Ну вот. Теперь и я тоже изнемогаю от любопытства. Да и не только из-за того, о чем ты говоришь. Но и из-за тебя. Как ты добрался сюда? Почему ты в таком виде? Ты выглядишь так, будто упал с утеса. Разве отец не говорил, что бродить по туннелям небезопасно?

Знаком она предложила ему войти, и он принял ее приглашение.

— Опасности здесь больше, чем предполагает твой отец. Если только он не собственноручно напустил гигантских обезьян в пещеру, — сказал Конан.

Глаза Скиры расширились. Конан попытался описать тех чудовищ, с которыми сражался во тьме.

Прежде чем он закончил, Скира смертельно побледнела и некоторое время молчала, а затем медленно произнесла:

— Ты встретился с хаканами. Пиктские колдуны приручают их, а затем используют для выслеживания... и убийства. Но в наших пещерах их быть не может.

— Это ты скажешь тому, кто их послал, — резко оборвал ее Конан. — А покамест держи дверь на запоре и забаррикадирай ее и будь настороже. Да приготовь заклятье, если у тебя есть подходящее против этих монстров. Любой из них с легкостью может вырвать тебе руки-ноги, и даже дыхание у него не участится.

На мгновение Конану показалось, что Скира вот-вот упадет в обморок. Плащ почти сполз у нее с плеч, и она, похоже, даже не заметила, когда Конан поправил на ней одежду. Она села, будто ноги отказались ей служить, и на мгновение бессильно свесила голову.

— Это можно так понимать, что ваш мир с пиктами нарушен? — спросил Конан, усаживаясь подле нее. У него было невыносимое желание заорать на чувствительную девицу, но приходилось говорить с ней спокойно, будто с ребенком. Скира, конечно, девушка смелая и сообразительная, но сегодня ночью на нее навалилось слишком много плохих известий.

— Если они спустили на нас хаканов, можно сказать и так, — отозвалась наконец она. — А что еще привело тебя сюда?

Конан пошарил в кошеле и вытащил кристалл. Глаза Скиры расширились, но голос остался ровным, когда она проговорила:

— Это тот самый, захваченный в караване?

— Да. Он был в чертовски крепком сундучке. Боссониты охраняли его, как дьяволы. Трое ребят, похоже, были готовы отдать свою жизнь, лишь бы сундучок не достался чужим.

— Я понимаю почему.

— В таком случае расскажи, чтобы я тоже понял. По-моему, сейчас неподходящее время загадывать друг другу загадки.

Скира вздрогнула:

— Нет. Время и в самом деле неподходящее. — Она протянула руку к кристаллу. Конан мгновение помедлил. А вдруг тут действительно не обошлось без колдовства, и кристалл придаст ей новые силы, когда окажется у нее в руках?..

Впрочем, у него, Конана, наготове меч и кинжал, которые он, в случае чего, тут же пустит в ход, чтобы расправиться со Скирой или тем чудовищем, в которое она могла превратиться. Он извлек из ножен кинжал и положил правую руку на рукоять меча.

На мгновение Скира была ослеплена блеском стали. Затем она снова протянула руку, и Конан положил в нее кристалл.

Возникшая вслед за этим пауза продолжалась так долго, что Конан невольно начал опасаться, как бы другие хаканы не обнаружили своих

мертвых сородичей и не отправились мстить. Скира, похоже, была в трансе. Киммериец надеялся, что, странствуя по другим мирам, она сможет найти ответы на кое-какие вопросы, поэтому имело смысл не беспокоить ее.

За секунду до того, как киммериец окончательно потерял терпение и открыл рот, чтобы окликнуть ее, Скира поднялась. Она казалась еще более спокойной, чем была до этого, хотя сжала кристалл с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели.

— Судя по всему, это кристалл Траза, — сказала она.

— Мне это ничего не говорит, — заявил Конан.

— Прости меня. Эти кристаллы очень старые. Говорят, они происходят из Атлантиды. Впрочем, все старое связывают с атлантами, даже если об этом нет упоминаний ни в одной из хроник...

— Скира, ты подражаешь худшим чертам своего отца. Что эта проклятая штука умеет делать?

— Она может увеличивать силу колдуна. Так же может очищать храмы и другие священные места с помощью Черной магии.

— Полезная штучка, а? Не сомневаюсь, ты смогла бы найти ей применение.

— Известно, что их существует всего шесть. Я и мечтать не могла о том, чтобы один из них когда-нибудь оказался в моих руках.

— Стало быть, ты намерена прикарманиТЬ его?

— Ты хочешь сказать: отдали я его отцу?

Конан что-то проворчал. Уж слишком быстрая она, эта Скира. У него появилось желание отнять у нее кристалл и разбить его о каменный пол. Киммериец сомневался в том, что эта вешица окажется прочнее горного хрусталия. А если что, то несколько хороших ударов мечом могут завершить дело.

— Тебе судить о своем отце и его честности. Этот кристалл может помочь ему воспользоваться Воротами Зла — Переместителем, как вы его называете, — чтобы отправить нас в пещеру, где находится статуя, которую он собирается оживить? Если это так, то лучше отдать кристалл ему. В конце концов, от этого зависит моя жизнь и жизнь моих бамула.

Глаза Скиры снова расширились. Конан решил, что у нее очень красивые глаза, и не стал бы возражать, предложи ему кто-нибудь увидеть, как эти глаза расширяются среди подушек скомканной постели. Но сейчас важнее было другое. Необходимо было узнать от этой женщины, что происходит.

— Он что, посыпает ТВОЙ отряд в пещеру?

— Так он сказал. Или его нужно понимать иначе?

— Нет, именно так. Ты слышал... ты услышал правду. Но только часть правды.

— А какова она вся целиком?

Скира глубоко вздохнула, и теперь речь ее полилась быстрым потоком. Все-таки, хвала богам, она была самой обычной женщиной:

— Статуя может быть оживлена с помощью кровавого жертвоприношения. Жертвой должен быть либо ближайший кровный родственник колдуна, либо кто угодно другой, но числом не менее двадцати. Поначалу отец подумывал привести в жертву меня. Но, к счастью, передумал и решил пожертвовать двадцатью пиктами.

— А как бы ему это удалось?

— Он собирался выдать меня замуж за вождя пиктов. Выкупом за невесту была бы жизнь двадцати его воинов.

— Вряд ли после этого вождь увидел бы следующий рассвет. Возможно, твой отец и разбирается в магии, но что до пиктов и их обычаев, то мой молодой вождь Говинду — и тот даст ему фору.

— У отца не было другого выхода. Кроме того, остальные пикты, скорее всего, простили бы его, после того как магия принесла бы свои плоды. Им ничего другого не оставалось бы. Если подумать — они даже в выигрыше.

— А в результате Боссонские Пределы превратились бы в край, где царит лишь смерть. Ты этого хочешь, да?

— Не забывай, что Лизениус — мой отец. Он любил мою мать. А в боссонитах видит ее убийц. Так проще. Если ты смотришь на мир глазами мстителя, легче осуществить мщение.

— Если только не спятишь раньше, чем добьешься желаемого. Я думаю, что именно это и произошло с твоим отцом. — Подозрение мелькнуло у Конана в голове. Подозрение росло, а теперь превратилось в холодную уверенность. — Мой отряд отправляется с помощью Переместителя в пещеру, после чего МЫ и оказываемся той самой кровавой жертвой? Пикты живы-здоровы, причин враждовать с вами у них нет, а по топям начинает разгуливать чудовищная статуя, так? Это и есть замысел твоего отца?

Скира кивнула:

— Мне он не говорил об этом прямо, но из того, что я слышала и знаю, похоже, что дело обстоит именно так.

— Я тоже так думаю, — сказал Конан. — Скира, если я отдаю тебе этот кристалл, ты сможешь спрятать его от отца? Я подозреваю, что тебе понадобится какая-то защита против него, даже если ты и не желаешь ему зла. Впрочем, я не стану от тебя ничего требовать. Клянусь, я уничтожу кристалл, если ты не дашь мне слова, что скроешь его от своего отца. Предав нас, ты и сама не долго проживешь.

Всегда имеет смысл найти друга в стане врага и вооружить его. Вопрос только в одном: останется ли этот друг другом и не перейдет ли данное ему оружие в другие руки. Конану не раз доводилось прибегать к этой уловке. Иногда срабатывало, а иногда и нет. В целом ему хотелось бы доверять Скире. Если ей действительно мож-

но было доверять, она могла бы принести ощущимую пользу. Если же нет... тогда смерть им всем. Не только Конану и его отряду. Боссонский край будет усеян трупами еще до того, как ударят пикты.

— Я поклянусь. А пока я обдумываю слова клятвы, я хотела бы заняться твоими ранами. Хаканы не кусали тебя, а?

— Нет. Впрочем, клыки и когти у них имелись. Да и мускулов было в достатке.

— Ты столь же удачлив, сколь и силен. Укус хакана ядовит, так что только заговоры способны исцелить рану. Теплая вода и травяной настой помогут излечить царапины. А наговор снимет боль...

— Никаких наговоров.

— Ты что, мне не доверяешь?

— Я вынужден доверять только себе самому. Все наговоры, с которыми я имел дело, только ослабляли мой ум и мою руку. Те, кто нападал, могли быть не просто хаканами.

— Очень хорошо. Повернись спиной.

Уверенный, что сейчас она не ударит его кинжалом в спину, Конан улегся на низкий диван. Под его тяжестью мебель затрещала. Киммериец услышал шлепанье босых ног по каменному полу, а затем что-то мягкое и холодное коснулось его спины. Конан догадался: так касаются голые груди женщины.

Он резко развернулся на диване, вскинув в воздух ноги в борцовском захвате. Этот маневр

сбил Скиру с ног. Конан подхватил ее и привлек к себе. На ней не было ничего, кроме пиктской набедренной повязки. То, что скрывалось под одеждой, было так же соблазнительно, как и то, что было представлено взору.

Она покачала головой. Свет заиграл в ее волосах.

— Этого достаточно для клятвы?

— Пока что да. Но я думал, что колдунья должна быть девственницей.

— Человек, у которого нет «голоса-призрака», не может ослабить женскую магию, — сказала она.

— Нет — чего? — спросил Конан.

Она объяснила. Объяснение было долгим. Но на этот раз киммериец не возражал против долгого объяснения. Она оставалась в его объятиях, целовала его, протирала его раны и вскоре, для лучшего исцеления Конана, сняла набедренную повязку. Не прошло и нескольких секунд, как они сплелись в объятиях. Конан не имел представления, как долго они лежали обнявшись. Он только знал, что, когда Скира в третий раз иступленно закричала, мощный толчок заставил помещение содрогнуться. «Землетрясение», — подумал Конан. Диван трещал и раскачивался. Ножки мебели подпрыгивали. Губки и сосуд с водой упали со стола на пол. Когда сотрясения прекратились, Конан услышал грохот падающих камней, а затем вопль, который явно не могла истогнуть человеческая глотка.

Конан вырвался из объятий женщины, схватил сталь, одежду и кристалл. Все лежало там, где он бросил. Ни Скира, ни какой-нибудь ее подручный не воспользовались этим моментом, чтобы украдь драгоценность. Надо было побольше расспросить эту женщину, НАДО БЫЛО БЫ, если бы только было время.

— Скира! Я верю, что ты не враг нам, даже если оставить в стороне то обстоятельство, что твой отец колдун. Кристалл твой. Будет лучше, если ты с кристаллом останешься здесь. Я уведу своих людей прочь. Мы будем сражаться с хаканами, пытками и боги еще знают с кем.

Она посмотрела на него. Глаза ее больше не были широко раскрыты. Напротив, они были прикрыты. В них сквозило сонное сытое удовлетворение.

— Конан, чтобы твое путешествие было более безопасным, загляни в тот сундук. Он не заперт.

В сундуке хранилось множество всякой всячины, но только три предмета представляли для Конана интерес. Новая лампа. Пачка промасленного пергамента, содержавшего карту здешних мест, завернутая в тончайший кхитайский шелк. Конан рассудил, что очень скоро ему это пригодится.

Третьим предметом был тяжелый кошелек. Конан быстро открыл его, обнаружил, что в нем полно золотых монет, после чего подвесил кошелек на пояс.

Скира не сделала даже попытки выбраться из постели и накинуть на себя одежду. Конан бросил на нее последний восхищенный взгляд, и она изогнулась от удовольствия, будто бы взгляд был лаской.

— Уходи быстрее. Если в ближайшее время ты уйдешь за пределы досягаемости моего отца, он, возможно, не накажет меня.

— Тебе, наверное, не приходилось видеть быстрое передвижение, Скира. Но ничего, скоро тебе представится возможность увидеть киммерийца с отрядом бамульских воинов, бегущих, чтобы спасти свои жизни!

Глава четырнадцатая

Говинду разбудил людей, когда услышал отдаленные звуки битвы. В этих каменных джунглях трудно было точно определить расстояние, но, судя по всему, сражение кипело как раз на пути отряда.

Люди были сонными, большинство пробуждалось неохотно. Вот и Кубванде был не слишком дружелюбным.

— Конан сказал, что мы должны ждать его до рассвета, — сказал иккако. — Стало быть, до этого времени мы можем отдыхать и копить силы.

— Может быть, наши силы нужны Конану, вдруг он в опасности? — тотчас же спросил Говинду.

Молодому вождю было приятно отметить, что даже самые заспанные кивнули при этих словах. Похоже все-таки, не он один имеет такие представления о чести. Все бамула обязаны Конану

жизнью, и не один раз. И Говинду был уверен, что не раз еще человек, называемый Амрой, спасет их, прежде чем они вновь увидят бамульские земли.

— Но ведь мы не знаем, куда он... — снова начал Кубванде.

Его прервал Бовену:

— Мы знаем, где происходит битва. Стало быть, и Конан там. Конан — великий вождь. Он повсюду находит врага.

На этот раз все с готовностью кивнули, даже Кубванде, хотя последний — с видимой неохотой. Говинду сделал Бовену жест ритуальной благодарности и дал себе клятву: когда он сможет вознаградить Бовену, тот будет более чем доволен.

— Тогда надо, чтобы кто-нибудь из нас пошел туда, — сказал Кубванде. — Я с удовольствием поведу людей.

Говинду покачал головой. Он был рад увидеть, что на лицах большинства отразилось недовольство предложением Кубванде.

— Мы не будем дробить наши силы перед лицом неизвестного противника. Наоборот, надо держаться вместе и выбраться поскорее из этого каменного мешка. Конана мы пойдем искать сообща.

— Мы были все вместе вплоть до настоящего момента. И именно благодаря этому мы и остались живы. И если теперь единение наше будет означать смерть, мы примем смерть. Значит, так

угодно богам. Мы встретим смерть так, как встречают ее бамульские воины. И даже местные дикари станут кричать: охбе бамула!

Никогда прежде Говинду не приходилось произносить таких длинных речей. Теперешняя была даже длиннее той, которую он произнес во время испытания на зрелость. Однако она подействовала на остальных сильнее, чем он мог надеяться, учитывая, что в отряде были воины — ровесники его отца.

Боги ставят свою печать на тех, кого хотят видеть вождем. Говинду надеялся, что был достоин их доверия, равно как и доверия своих людей.

Никаких речей больше не было, лишь осторожные передвижения мужчин, готовых выступить в поход.

Теперь Конан шел по туннелям открыто, не таясь. Сейчас главным оружием была быстрота. Нужно как можно скорее вернуться к своим, прежде чем с ними что-либо случится. Все было возможно: коварство Лизениуса, атака хаканов, еще одно землетрясение — одним словом, все что угодно.

Всё, кроме паники среди бамула. И не потому, что все они демонстрировали одинаковую неустранимость в битве. Каждый, кто входил в его отряд, последовал за ним сквозь Переместитель. Они были с ним и после. Не так-то просто напугать таких людей.

Туннель становился все уже, потолок все выше, и в конце концов переход превратился в трещину в скале, достаточно широкую, чтобы худой мальчишка мог провалиться в черные глубины. Конан мог поклясться, что стены туннеля тоже разошлись. Это было плохо. Узкие проходы и узкая щель, через которые он пробрался в покой Скиры, могли стать теперь слишком тесными для крупного киммерийца.

Киммериец неожиданно сообразил, что путь, которым он теперь следовал, проходил мимо сокровищницы. Кроме того, Конан отметил, что в воздухе появились дым и пыль, а также тяжелая вонь, которую он без труда узнал. Где-то впереди хаканы.

На этот раз он был готов. Киммериец положил на землю кошелек и карту и пошел дальше, неся с собой лишь лампу и оружие. За первым поворотом дым и пыль стали гуще. Клубы пыли вертелись в свете лампы, который едва пробивался сквозь густую завесу. Зайдя за второй поворот, Конан обнаружил рассыпанные по полу обломки камней. Огромный кусок скалы, упавший откуда-то сверху, наполовину перегородил проход.

Конан вжался в стену, прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся из-за обломков. Если хаканы поджидают его, то лучшего места для засады не придумать.

Однако стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь слабым отдаленным стуком падающих кам-

ней. Вонь от хаканов здесь была значительно слабее. Зато к ней присоединился другой запах. Этот новый запах был хорошо знаком Конану — зловоние смерти.

Чьей смерти? Единственный способ выяснить это — идти вперед. Конан вытащил меч и кинжал и двинулся мимо утеса, держась спиной к стене. Глаза его всматривались в темноту, выискивая друзей, противников или просто следы того, что произошло с сокровищницей.

Открылось более обширное помещение. Шагнув туда, Конан обнаружил нечто вроде поля битвы. Повсюду на полу валялись упавшие с потолка камни. Среди них виднелись обломки полурасплавленного металла и куски обугленного дерева. Все дымилось, делая воздух почти непригодным для дыхания.

Среди обломков виднелось несколько трупов. У мертвецов были почти человеческие очертания, но их руки и ноги чем-то отличались от конечностей людей. Кроме того, киммериец никогда не видел у человека столь заостренного черепа с выраженным гребнем. На тех трупах, что были не слишком обуглены, Конан заметил признаки волосяного покрова, также слишком густого для человеческого существа.

В противоположной стене чернела арка — вход в сокровищницу. Оттуда тянуло дымом. По обе стороны от входа были нагромождены обломки. За входом в сокровищницу дым и пыль

клубились столь густо, что свет лампы Конана не мог туда проникнуть.

Однако того, что он смог разглядеть, ему было достаточно. Очевидно, этим путем крался отряд хаканов, самым естественным образом наткнувшийся на сокровищницу. Даже их полуживотного рассудка хватило, чтобы понять, что это место интересное. Одним богам известна мысль, зародившаяся у них в головах, по поводу того, что это за комната и что здесь интересного. Было ясно, что они попытались вломиться внутрь достаточно энергично, чтобы сработали магические защиты, призванные оградить это помещение от посягательств. Это и вызвало небольшое землетрясение.

Впрочем, целиком ли были эти защиты магическими? Лизениус не производил впечатления великого мастера в механических искусствах, Скира — тем более. Но эти пещеры и туннели были слишком обширны и слишком хорошо спланированы, чтобы быть чисто природным явлением. Вопрос — какие силы сотворили их за тысячулетия до того, как Лизениус появился в Дебрях Пиктов. Что они оставили после себя? И где эти силы сейчас? Не скрываются ли поблизости?

Что до Конана, то он твердо знал одно: после себя он не оставит в сокровищнице ничего, что кто-нибудь другой тоже сможет утащить. Лизениусу все равно здесь, в глухи, драгоценности ни к чему, а бамульским воинам, чтобы ус-

корить свое возвращение домой, понадобится куда больше золота, чем то небольшое количество, что было у них теперь благодаря щедротам Скиры. Конечно, придется положиться на удачу, ибо ясно, что Конан еще будет иметь дело с оставшимися механическими или магическими защитами сокровищницы. Впрочем, в те времена, когда он был вором, ему приходилось рисковать большим ради вовсе уж пустяковой добычи.

Конан отправился назад, чтобы подобрать кошелек и карту, и как раз вернулся обратно, когда услышал шаги, приближающиеся из туннеля. Шаги были явно человеческими, причем двигалось сразу много людей. Причем быстро. Возможно, это были бамула, но может быть, и пикты, которые последовали за верными слугами своих шаманов.

Киммериец скользнул под арку входа в сокровищницу и притаился там. Прикрыв свою лампу, он стал почти невидим.

Те, кто приближался, несли с собой источники света. Хорошо. Он увидит их прежде, чем они увидят его. Затем, если это пикты, — быстрый бросок...

Еще шаги. Кто-то двигался по туннелю тем путем, каким только что прошел Конан. Эти шаги были медленнее, шагавших было меньше, и теперь киммериец различил стук когтей по камню. Хаканы или кто-нибудь еще. Было ясно лишь, что не люди. По крайней мере один из

идущих — не человек. Неужто у Лизениуса были собственные монстры, чтобы охранять сокровищницу?

Те, чьи шаги Конан услышал первыми, похоже, уловили звук идущих поблизости в тот же момент, что и Конан. Киммериец услышал, как люди остановились. Шепотом была дана команда поставить лампы перед собой. Конан вздохнул с облегчением. Язык был бамульский. Конан мог поклясться, что приказ отдал Говинду.

Вскоре в поле зрения Конана появились три хакана. Один из них шел на четырех лапах, принюхиваясь к воздуху. Судя по описанию Скиры, это был один из тех, кто обязан был следить за киммерийцем. Остальные, по всей видимости, должны были его охранять, в то время пока он шел по следу, и помогать ему, когда он доберется до своей жертвы.

Конан решил вмешаться в их планы. Слишком уж много этих шаманских ублюдков шастает сегодня ночью по пещере. Он надеялся, что к рассвету их останется значительно меньше.

Киммериец осторожно нагнулся, не издав ни звука. Зажав между большим и указательным пальцем небольшой камешек, Конан бросил его на усыпанный обломками пол.

Стук камешка прозвучал не тише боевого клича и, несомненно, привлек внимание хаканов. Неразборчиво заворчав, они остановились и

стали осматриваться. Отсюда им, несомненно, был виден свет бамульских фонарей, но видели ли они людей, которые скрывались за фонарями?

По крайней мере один из них увидел. С криком, который напоминал не то плач, не то рев, он бросился на фонари. Одним прыжком монстр достиг источников света и перевернул две лампы. Стало темнее. В воздухе зазвучали бамульские и киммерийские боевые кличи. Звериный рев хаканов перекрыл голоса людей.

Двое оставшихся чудовищ бросились помогать своему сородичу. Киммериец понял это именно так. При скучном освещении он с трудом мог судить об этом. Как бы то ни было, все три хакана оказались к нему, Конану, спиной.

Выскочив из укрытия, Конан бросился вперед, остановившись среди рассыпанных по полу обломков скалы, с трудом устояв на ногах. Где-то рядом треснула обугленная головешка. Но в туннеле стоял такой рев, что хаканы не обратили на это внимания и не заметили нового противника.

Одному из зверей практически сразу пришлось поплатиться за это невнимание жизнью. Зная их силу, скорость и живучесть, Конан ударил мечом, держа его в обеих руках. Позвоночник, череп и шея хакана разошлись под этим ударом. Увенчанная гребнем голова чудовища откинулась на плечо, а тело завалилось вперед. В этот момент в спину упавшей твари,

бьющейся в судорогах, вонзилось два копья. В тот же момент страшная вонь наполнила помещение.

— Не приближайтесь к ним! — закричал Конан. — Образуйте стену, выставите копья и не подпускайте их!

Бамула не были слабаками, но киммериец сомневался, что кому-либо удастся оставаться в живых, побывав в сверхъестественно сильных обьятиях хакана.

Вместо ответа кто-то бросил копье. Тяжелая пика пролетела мимо невредимых хаканов и чуть не попала в киммерийца. Конан тут же подхватил копье и готов был уже метнуть его назад в того болвана, который столь неосмотрительно разбрасывается копьями.

Но неосмотрительно ли? Варвар вспомнил отпечатки ног на берегу, где он обнаружил бегемота, и склонность Кубванде к интригам. «Неосмотрительно брошенное» копье запросто могла направить рука какого-нибудь гада, который в глаза величает себя «другом».

В следующее мгновение бамула покончили со вторым хаканом. Они забили его копьями, частично забросав с расстояния, частично вонзив непосредственно в жертву. Конан услышал боевой клич и вопль боли пополам с яростью, а затем предсмертный крик хакана. Третий хакан, вохоже, свихнулся. Он скорчился на полу и начал скрипеть, пока вперед не вышел Говинду и не покончил с ним ударом копья.

Молодой вождь вырвал из тела хакана копье и принялся отгибать погнувшийся наконечник, сделанный из мягкого железа. Конан подошел к нему. Они похлопали друг друга по плечу. Затем киммериец отвел Говинду в сторону и прошептал:

— Это копье пролетело совсем рядом и чуть не убило меня вместо хакана. Ты не видел, кто его бросил?

— У них есть имена? Мы думали, это обезьяны. Разве не так?

Конан рассказал ему о хаканах то немногое, что удалось узнать от Скиры. Говинду помрачнел.

— Плохо. Теперь против нас сразу две напасти.

— Либо говори то, чего я еще не знаю, либо придержи язык.

— Я знаю, кто бросил копье. Я должен его назвать?

— Ты думаешь, я стану проклинать этого идиота. Вот еще! Возможно, убью, но проклинать...

— Тогда имя тебе не нужно. Такие, как он, я думаю, прокляты от рождения.

— А может быть, и нет. — Конан возвысил голос: — Эй, бамула! Нас ждет сокровищница. Берите только то, что можете легко унести. Мы должны сматываться отсюда поскорее и несколько дней уносить свои задницы подальше от этой пещеры.

— Почему мы покидаем Лизениуса? — Это говорил не Бовену, как сперва показалось Конану. Он не узнал говорящего в темноте. Однако кто-то из воинов явно разглядел его:

— Скобун, тебе понравились здешние жилища или понравилось служить тому, кто здесь хозяинничает? Лучше попробуй удачи в битве с пиктами. По крайней мере, смерть будет более достойная.

— Да, — проговорил Конан. Он коротко рассказал о неслыханном злодеянии, которое замыслил Лизениус. Киммериец не стал тратить время на объяснение, откуда ему это известно. Однако Кубванде поспешил спросить, где теперь находится кристалл.

— Там, где он должен быть, как я и предполагал с самого начала, — ответил Конан. — Я был прав. Это женская магия, и нам она сильно пригодится. Скира не станет из-за нас ссориться со своим отцом, но злодейства и предательства она тоже не потерпит. А это, возможно, заставит ее, в свою очередь, помочь нам.

— Мудрые слова, — сказал Говинду. — Ну а теперь... Теперь — к сокровищнице. Заходите четверо зараз. Каждой четверке находиться там, пока я буду считать до ста. Если кто-нибудь будет жадничать и украдет что-нибудь у товарищей, ему не придется долго жить, страдая от страха перед Лизениусом и пиктами.

Голос юного вождя был лишь чуточку высоковат для голоса настоящего командира. По все-

му остальному было видно, что Говинду прирожденный вожак. Если ему и дальше будет сопутствовать благоволение богов и удача, то у него есть все шансы прославить свое имя.

Если, конечно, сегодня ночью он не сложит голову в пещерах Лизениуса.

Грабеж сокровищницы шел довольно споро. Сундуки и шкатулки были разбиты хаканами, а также магической защитой, которая начала действовать против них. Золотые и серебряные монеты, новенькие аквилонские кроны, монеты каких-то других царств, давным-давно канувших в глубинах времени, драгоценные камни, массивные ожерелья, кольца, украшения для рук и ног, изысканное оружие — все это в беспорядке валялось на полу.

Конан наблюдал за людьми, подбирающими драгоценности. Он подбадривал их, указывал, чтобы брали драгоценности, а не побрякушки. Кроме того, следил, чтобы не было драк, жульничества и мошенничества. Киммериец держал меч обнаженным, и люди, чувствуя на себе взгляд холодных голубых глаз, даже и помыслить не могли о том, чтобы что-то украсть или отнять у товарищней. Тем более что Конан словно читал их мысли.

Сам киммериец удовольствовался кинжалом, украшенным драгоценными камнями, который добавил к кошельку с золотом, полученным от Скиры. Сталь у клинка, конечно, неважная, ее

уже успели испоганить пятна ржавчины. Драгоценные камни тоже не самые отборные. Сам по себе кинжал едва ли был пригоден для того, чтобы нарезать вяленое мясо в осажденном городе, где мрут от голода.

Каждый, кто уходил из сокровищницы, таскал с собой до отказа набитый кошель. Этот линчний вес, похоже, никого не тяготил и не пугал. Впрочем, предстоящий марш-бросок, видимо, многих заставит расстаться с частью награбленного. Конан про себя решил, что любой, кто упадет под весом награбленного, должен будет отдать половину другим, более сдержанным товарищам. Если же у товарища тоже некуда будет класть драгоценности, то лишние сокровища будут оставлены пиктам или волкам.

Приняв это решение, киммериец построил людей и повел их наружу мимо той пещеры, где они жили. Как раз в тот момент, когда они вышли, на востоке уже занималась заря. Погони пока что не было.

Бамула заметно приободрились и теперь смотрели на свое бегство как на вполне удавшееся предприятие. Конана грызли сомнения, но он о них помалкивал. До границы было еще далеко. Неизвестно еще, что припас Лизениус. Может быть, их бегство также входило в его планы. И в любой момент можно было ожидать появления пиков.

Даже если удастся избегнуть всех этих опасностей, боссонская граница может быть для них

закрыта. Они так хорошо пошалили по ту сторону от границы, что, возможно, всего золота, что они несут с собой, будет недостаточно. Вряд ли боссониты простят людей, которые грабили их заодно с пиктами.

— Они исчезли! Исчезли! Исчезли! — бушевал Лизениус.

Скира надеялась, что он не станет прибегать ни к каким заклятиям, покуда не успокоится. Сейчас, когда он пытался согреться травяным чаем, он, по крайней мере, слегка успокоился и не пытался уже бросить свою одежду в огонь.

Ей уже приходилось видеть отца в подобном состоянии, когда они бежали сперва из Аквило-нии, а потом из Боссонии.

В Аквилонии люди платили большие деньги за использование Черной магии даже притом, что официально это было запрещено. В Боссонии магические заклятия в конце концов обернулись против Лизениуса и его семьи. Если бы сам колдун не похвалаился своим Искусством, то соседи, люди с твердыми кулаками и твердыми головами, вряд ли бы догадались, КТО живет среди них.

Но тигр, даже трижды промахнувшись, не становится менее опасен для четвертого человека, на которого он готовится прыгнуть.

— Мы должны поднять пиктов и погнаться за киммерийцем и его людьми! — проворчал Лизе-

ниус. — Ну где я теперь найду воинов, которые нужны мне для жертвоприношения? Чем я теперь заплачу за этих воинов?

Даже короткого взгляда на содержимое сокровищницы было достаточно Скире, чтобы понять: ее отцу не хватит золота для этих целей. Да, двадцать бамула перевернули там все вверх дном после того, как перебили хаканов и выломали дверь. Но при этом нельзя сказать, что они оставили сокровищницу совершенно пустой.

Однако предложить часть этого золота пиктам значило, среди прочего, навести их на мысль, что золота в пещере куры не клюют. Кроме того, дикари наверняка уже знают о сокровищнице от хаканов. А когда те видят золото, то ни богу, ни человеку, ни магу лучше не становиться между пиктами и вожделенным сокровищем.

В таком случае ее отцу придется убегать отсюда нищим, если ему вообще удастся уйти. Без золота, без магии. У него не останется ничего. Только она, Скира. Если ее брак с пиктским вождем не станет ценой бегства. Впрочем, должен существовать какой-то выход, который не потребует ни того, чтобы ее отец стал нищим, ни того, чтобы Конан и его люди были перебиты.

Если бы она могла спасти Конана (Скира пожилась при воспоминании о его сладостных объятиях) и предоставить бамула их участи...

Нет, Конан никогда с подобным не согласится. Он, скорее, умрет, проклиная ее. Его честь требует, чтобы он спас тех, кто последовал за ним через Переместитель в земли, которые, наверное, казались этим черным людям столь же странными и чужими, как, должно быть, Черные Королевства показались бы ей. Нет, киммериец умрет вместе со своими людьми.

Если бы она могла спасти отряд Конана, не погубив своего отца...

Скира отступила назад и вытащила из кошеля кристалл Траза. Когда она сделала это, глаза ее отца были бессмысленно уставлены на пол. Складывалось такое впечатление, что отец разговаривает с кем-то, кто прячется под полом, за толстым слоем камней. Колдун неожиданно поднял взгляд.

Внезапно он вскочил и издал такой рев, что Скира чуть не выронила кристалл. Она отступила еще на два шага, ибо у отца был такой вид, будто он вот-вот вырвет камень у нее из рук.

— Нет, отец! Это подарок от Конана! Он захватил его в боссонском караване, а затем подарил мне.

— Но... Ты хоть понимаешь, что это такое?

— Разве я не твоя дочь?

— Нет, пока ты будешь отвечать вопросом на вопрос, Скира. Я понимаю твою хитрость, но сейчас не время.

Здесь, подумала Скира, отец очень и очень ошибается. Сейчас самое время для хитростей.

Ей надо быть настолько хитрой, насколько она способна, иначе Конану конец.

— Подожди, отец, я знаю, что это такое. Я... Я... это уже попробовала... немного. Не великие, но достаточно малые духи, они смогли сказать мне, что эта штука для женщин и только для женщин.

Лизениус нахмурился. Скира надеялась, что в настоящий момент он не пытается вспомнить заклятие, которое и она могла бы сейчас произносить. Если он заберется в ее мозг, она волей-неволей предаст Конана. И тогда катастрофа будет неминуема.

— Это правда?

— Да.

— Хорошо. — Широкие плечи Лизениуса на мгновение опустились под тяжестью лет и воспоминаний.

Скира понимала, сколь много в этих воспоминаниях было ложным, ошибочным, неправильно понятым. Она хотела бы утешить отца, как часто делала, будучи еще ребенком. Тогда это его успокаивало. Успокоит ли теперь?

Возможно, что после этого она будет чувствовать себя еще худшим предателем, чем сейчас. В самом деле, почему она так уверена в том, что отец собирался продать ее пиктам ради исполнения своих планов. Однако сейчас она стоит перед ним, а он не решается назвать ее лгуньей. Все-таки в нем осталось больше человечности, чем она предполагала.

— Возможно, ей с помощью Конана удастся найти путь отсюда, из этого края. Наверняка киммериец знает дорогу куда-нибудь, где они с отцом могли бы жить спокойно на те средства, которые можно взять из сокровищницы, и на то, что она сможет заработать с помощью своего умения целительницы и знахарки. Скира страстно надеялась на железную честность северянина.

— И снова ей пришлось побороть желание обнять отца. Он, казалось, вот-вот расплачется. Девушка знала, что если это произойдет, то она расплачется вместе с ним. А со слезами выйдет наружу и истина, и тогда наступит то, чего она так боялась.

— Отец, у меня есть план.

— Не подвергай себя опасности. Это не твоё дело.

— Мы не должны бояться опасности, если хотим избежнуть смерти. Нам известно, что у Конана нет «голоса-призрака». И, значит, мы не можем прослушивать его на расстоянии. Но мы вполне можем слушать мой «голос-призрак», если я переброшу его Конану через кристалл Траза.

— Это очень могущественная магия.

— Тогда ты должен научить меня пользоваться ею. Я переговорю с Конаном и попробую направить его к Пещере Воина. Тем временем мы сможем последовать за ним с сильным отрядом никтов. Достаточно сильным, чтобы схватить ба-

мула, когда они доберутся до пещеры. Одного Конана будет достаточно. В нем довольно духа, чтобы оживить статую. Если мы решимся пожертвовать целым отрядом...

— Так это и есть мой план! — воскликнул Лизениус. Он умхыльнулся, глядя на дочь. — Ты и в самом деле моя дочь, не только по плоти, но и по духу.

Скире хотелось закричать, что это не так. Но она сдержалась и упрямо продолжала гнуть свое:

— Мы могли бы воспользоваться Переместителем, чтобы опередить отряд Конана.

Лизениус покачал головой:

— Пещера Воина находится на территории клана Змеи. Нам не протянуть там и дня, если только рядом с нами не будет дружественных нам Сов, готовых защитить нас. Стало быть, воинов клана Совы тоже надо перебрасывать через Переместителя. А я очень сомневаюсь, что пикты согласятся проходить через него. Все, что они видели от меня, их уже напугало до смерти. От Переместителя они вообще спятят. Нет, рисковать не стоит.

Лизениус выпрямился. На мгновение он показался своей дочери почти столь же величественным, как Конан. Он наклонился и поцеловал ее в лоб, легко взяв руками за плечи. Она стояла неподвижно, но сердце ее сжалось.

— Пусть будет так. Делай, как сказала. Ты поведешь Конана. Я доберусь до вождей клана

Совы и соберу воинов. Просить ли их нести с собой носилки?

— Да, если ты не считаешь, что мы способны сравняться по скорости с походным шагом пиктских воинов, — сказала Скира с сухой усмешкой. — Несомненно, если я смогу ходить наравне с воинами, я буду более достойной невестой их вождя. Но боюсь, что при всем желании нам не удастся походить на пиктов.

Не то что на них, но даже и на их друзей!

Глава пятнадцатая

Этот край казался Говинду куда более опасным, нежели его родные джунгли. Это было ясно даже без напоминаний со стороны Конана.

Ночи здесь были такие холодные, что даже странные, непривычные, закрывающие все тело одежды, сшитые из пушистых шкур животных, все равно не помогали и по ночам все тряслись от холода. Непривычными были скалистая почва, реки, где не водилось крокодилов, но которые могли в любой момент сильно разлиться после дождя. Бури и ураганов было здесь не меньше, чем в джунглях; они свирепствовали также страшно и так же часто. Здесь не было такого разнообразия животных, как в джунглях, но одиличь твари не менее опасные. Кроме того, Говинду совершенно ничего не знал об их повадках.

И еще пикты. Пикты всегда находились поблизости, Говинду чувствовал это, даже несмотря

на то что возле пещеры Лизениуса их было не слышно, не видно, если не считать того отряда, что состоял на службе у самого колдуна.

За каждым из этих зловещих колючих темно-зеленых деревьев мог скрываться пикт. Да и леса здесь были такие густые, что дикарям ничего не стоило в любой момент обрушиться на бамула в таком количестве, что у чернокожих воинов не было бы никакого шанса устоять. Говинду даже недоумевал: почему столь многочисленные пикты не могут разобраться с одним-единственным, пусть даже и могущественным колдуном?

Стоило лишь задуматься над тем, что ждет тебя в пиктском плену, как по спине пробегала дрожь даже у такого отважного воина, как Говинду. Бамула тоже имели обыкновение подвергать пленников ритуальным пыткам, но по сравнению с тем, что вытворяли с пленными воинами пикты, испытания бамула выглядели детской забавой.

Конан вскарабкался на кручу и встал на гребне холма рядом с молодым вождем. Прищурившись, он стал смотреть на восходящее солнце. Они выступили, когда небо было еще совершенно серым, и все это время безостановочно шли. День обещал быть ясным, поэтому можно было надеяться, что бамульский отряд сумеет уйти далеко — туда, где их ждет безопасность... или смерть.

— Смотри, ты невесел, молодой вождь, — сказал Конан.

— Таковы мои мысли, — сказал Говинду. — Но вождь должен уметь держать язык на замке, не так ли?

— Я думаю, ты и сам это прекрасно понимаешь. Не мне тебя учить, — отозвался Конан. — Умея так управляться с людьми в твоем возрасте, я бы наверняка был бы сейчас полководцем или принцем. Ну да ладно. Это дело богов — делать наши жизненные пути гладкими или тернистыми; нам же остается только шагать по ним. Хотя, как я погляжу, ты уже привыкходить в сандалиях и кожаной одежде.

Говинду усмехнулся:

— Все равно остается ощущение фальши. Нога не чувствует земли. Впрочем, в здешней каменистой местности ходьба босиком была бы еще хуже. Стоит походить без обуви, и быстро начинаешь это понимать.

— Вуона, похоже, это уже поняла. Как у нее с ногами, получше?

Говинду почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Конан искоса глянул на него, и на мгновение ему показалось, что молодой вождь вот-вот затеет драку.

— Я видел, как ты втират ей в ноги мази, а потом бинтовал их. Или мне не позволено было это видеть и не позволено об этом говорить?

— Я не спал с твоей женщиной, Амра. — В голосе Говинду слышалось напряжение.

— В этой земле я — Конан, знаешь ли, — послышался резкий ответ. Затем киммериец

широко улыбнулся, будто желая сгладить резкость своих слов. — Я знаю, честь не позволит тебе спать с моей женщиной. Но Вуона, похоже, не против, не так ли?

— Тебе виднее, — отозвался Говинду. — Я знаю только, что у нее изранены ноги, а мне не нужен человек, который задерживает отряд.

— Ты что, собрался бегать с ней наперегонки? Смотри, после твоих забот она ведь может и перегнать тебя.

Лицо Говинду продолжало гореть. Конан почувствовал, что перегнул палку. Смущать молодого вождя ему не хотелось.

— Пока Вуона не разводит ссор среди людей отряда, я не держу ее на привязи. Впрочем, если она начнет служить источником распри, я все равно не стану ее держать... Была — и нет. Ну а что касается будущего... Если нам в какой-то момент станет понятно, что нашим костям не уготована участь валяться обглоданными на пиктской помойке, то тебе наверняка придет мысль взять себе первую жену. В этом случае Вуона будет не самым плохим выбором. Не забудь, она дочь одного из трех вождей Рыбоедов. Ты помнишь об этом?

— Я этого не знал.

— Никогда не упускай возможности послушать женщину, которая хочет с тобой поговорить. Половина неприятностей, связанных с женщинами, происходит оттого, что ты не разговариваешь с ними. Впрочем, Вуона не болтли-

ва. Чего не скажешь о других. Что до меня, то я думаю, что брак между вождем долины Мертвого Слона и дочерью вождя Рыбоедов...

— Да, я понимаю. Поскольку я связан с тобой клятвой дружбы, это будет означать мир между тобой и Рыбоедами. Кроме того, поддержка с твоей стороны тоже будет много для меня значить.

— Не обольщайся. Если мне память не изменяет, я несколько попортил головной убор ее отца, когда он пытался напустить на меня своих людей, сочтя любимцем демонов.

— Любому понятно, что он не горит к тебе любовью. Но твое слово все равно много значит. Впрочем, как и твоя воля, Конан.

— Тебе не так много предстоит еще узнать, как тебе кажется, молодой вождь. Что до меня, то я не испытываю никакого желания поменять бегство от пиктов на бегство от Рыбоедов.

— Все, кто пришли сюда с тобой, будут стоять за тебя до конца.

— Да, и это повлечет за собой смерть многих Рыбоедов. А это, в свою очередь, означает войну между ними и бамула. Погибнет много хороших воинов. Развязать войну — дело нехитрое. Куда труднее избежать кровопролития. Особенно если оно никому не нужно.

Конан посмотрел на Говинду:

— Ладно, хватит об этом. Спускаемся вниз. Смотри, люди уже вплотную подошли к реке. А за теми валунами вполне могут скрываться пикты.

Отряд спустился с холма и нырнул под полог деревьев, растущих вокруг озера, где бамула пополнили свои запасы воды. Конан нигде не заметил признаков присутствия пиктов. Несмотря на то что лето было в разгаре, воды в лесу хватало. Впрочем, Конан был неприхотлив. Ему доводилось болтаться по пустыням, по сравнению с которыми сам Ад мог бы показаться райскими кущами. Киммериец никогда не упускал возможности пополнить запасы воды. Без воды им вряд ли удастся выстоять против пиктов, особенно если судьба занесет их на голые скалы, чего исключать было нельзя.

Кроме того, Конана уже начало разбирать любопытство: неужели им удастся выбраться из Дебрей Пиктов, не ввязавшись в войну с каким-либо из пиктских дикарских кланов? До границы с Боссонией оставалось несколько дней пути, а в лесу нет-нет да что-нибудь напоминало о присутствии пиктов: то выпавшее из головного убора перо, то раскисший от грязи мокасин. Правда, до сих пор пикты не показывались. Самое большее, что удавалось заметить, — кончик пера от головного убора. Да и то могло лишь показаться. Пикты, при всей своей привычке к лесной жизни, вряд ли умели столь искусно прятаться, чтобы оставаться невидимыми в течение такого долгого времени, особенно если учесть, что их пытались отыскать острые глаза киммерийца. Не говоря уж о том, что пиктам, по мнению Конана, не раз и не два предоставлялась

возможность перебить бамульский отряд, причем с наименьшими потерями для себя.

Конан вел отряд, полагаясь на карту, подаренную ему Скирой, и на свой многолетний опыт, что позволяло бамула избегать наиболее опасных мест. Но от всех опасностей отряд мог бы избавить только лишь какой-нибудь бог, который поднял бы их в воздух и плавно перенес на родину. Наверное, с полдюжины раз у Конана возникало ощущение, что вот-вот в спину ему вонзится стрела. Однако ничего не происходило.

Все это было более чем загадочно, а киммериец загадок не любил. Тем более здесь, в этих краях, населенных народом, известным своей свирепостью и коварством.

Многое, конечно, могла бы разъяснить Скира. У Конана накопилось много вопросов, которые он хотел бы ей задать. Он так и поступит, когда она в следующий раз коснется его разума. Она уже связывалась с ним мысленно. В первый раз это произошло ночью, когда он уже начал засыпать после изнурительного карабкания по склонам холмов. Сперва он подумал было, что магия исходит от Лизениуса, и вознамерился уже броситься на меч, прежде чем колдун овладеет его телом и обратит мошь Конана против его же людей.

Но это была лишь дочь колдуна. Ее мысли облекались в ее собственный голос, который он хорошо помнил. (Членораздельные слова, а не

только сладостные вздохи.) Кроме того, было еще одно доказательство, что это она. К Конану пришли воспоминания о вещах, которые, кроме нее, не мог знать никто другой.

Скира дала ему совет. Он решил последовать ему. Киммерийцу уже не раз предоставлялась возможность оценить помочь девушки и мысленно послать ей благодарность. Однако она не отвечала. В конце концов до Конана дошло, что только она может посыпать ему мысли, но не наоборот, разве что он обратится к колдовству, — а обращение к колдовству привлекало его не больше, чем перспектива стать евнухом.

Впрочем, возможно, ничего зловещего в отсутствии пиктов и не кроется. Не исключено, что Скире удалось отговорить отца от того, чтобы напустить на отряд Конана клан Совы. Теперь отряд бамула был уже за пределами территории этого клана и находился на землях, которые оспаривали друг у друга кланы Волка и Змей. Что до Змей, тот, по крайней мере, враждебен Лизениусу. С Волками обстояло сложнее. Клан Волка слишком занят борьбой с кланом Змей, чтобы вдаваться в длительные размышления — как, отчего и почему здесь могли оказаться северянин с чернокожими воинами. Наверняка воины клана Волка попытаются сделать все, чтобы уничтожить их.

Спустившись с холма, Конан догнал свой отряд и пошел в арьергарде рядом с Вуоной. Как раз в этот момент они покидали опушку. Конан

заметил, что Вуона бросает недовольные взгляды на Кубванде.

— У тебя что, неприятности с ним? — Конан чуть было не сказал: «онять неприятности». Впрочем, не стоит рассуждать с ней о копье, чуть не поразившем его во тьме пещеры во время сражения с хаканами.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать, — отозвалась Вуона. — Я с ним нессорилась.

— Не думаю, чтобы он был таким глупцом, чтобы начатьссориться со мной до тех пор, пока мы не выберемся отсюда, — сказал Конан. Он нарочито произнес это достаточно громко, чтобы расслышали и другие. Вполне возможно, у Кубванде имеется уйма друзей, которые помогут ему осуществить коварные планы в отношении Конана, если таковые имеются. Но вряд ли Кубванде предпримет что-либо, пока все они находятся в незнакомых для бамула землях.

— Да, он не дурак, — согласилась Вуона. — И похоже, имеет куда большую власть, чем кажется на первый взгляд. Впрочем, я думаю, ты станешь значительно более великим вождем бамула, чем он.

— Это уж как боги захотят, — сказал Конан.

— Интересно, не захотят ли боги указать нам какое-нибудь безопасное место поближе, нежели Боссонские Пределы? — спросила Вуона почти жалобно.

Конан видел, что всякий раз, когда она делает шаг, лицо ее искается. На повязках, кото-

рыми были обмотаны ноги девушки, выступили темные пятна:

— Может быть, найдутся безопасные места. Но только не от пиктов, — заявил Конан. — Я тебе вот что скажу. Стертые ноги все же лучше, чем перерезанная глотка или разможженный череп. Кроме того, в Пределах, у тамошних жителей, теплые дома, а на полах лежат меховые шкуры.

— Тёплые? Неужто в этих землях есть что-то теплое?

Конан не стал говорить, что, если бы Вуона надела на себя побольше одежд, вместо того чтобы щеголять своими соблазнительными формами, ей было бы теплее. Возможно, в шкурах она будет не так привлекательна для Говинду.

— Они строят свои хижины из камня и тяжелых бревен. А внутри разводят огонь в каменных коробках.

— Стало быть, в этих хижинах можно задохнуться от дыма и жара!

— Не зимой.

— Зимой?

— Ну, это время, когда здесь намного холоднее, чем теперь. Когда здесь лежит снег — это замерзшая вода. Снега так много, что он покрывает землю слоем толщиной в рост человека. А все реки покрываются льдом, так что можно ходить по воде, будто посуху. В это время года, если нет убежища, можно просто умереть от холода.

Вуона подняла глаза к небу. На лице у нее застыло выражение испуга. Видно было, что она боится закричать. Конан осторожно положил руку ей на плечо:

— Сегодня снег не пойдет. И еще много дней не пойдет. Так что не бойся.

— А кто боится? — высокомерно сказала она. А затем более мягким тоном добавила: — Я надеюсь, мы выберемся из этого края прежде, чем наступит ЗИМА.

— Женщина, а я-то о чем толкую! — сказал ей Конан.

Воины, шедшие в авангарде вытянувшегося цепочкой отряда, услышали уханье филина, которое у клана Совы служило сигналом к выступлению. Носильщики остановились. Скира встала с носилок, с отвращением отвергнув руки, которые протянули несколько воинов, предлагая ей помочь.

Возможно, что в другой ситуации это могло быть истолковано как оскорбление людям, имеющим добрые намерения. Хотя Скире и казалось, что пикты настроены дружелюбно, но она все же не могла побороть отвращения и заставить себя прикоснуться к дикарю. Выбравшись из носилок, она огляделась. Солнце стояло высоко в небе.

Всю дорогу от пещеры она не могла отдельться от навязчивых кошмарных видений, в которых пикты вытворяли с ее телом такое, что

заставило бы отвернуться в ужасе даже стигийца. Проснувшись, она обнаружила, что вспотела от страха, и с удовольствием сменила бы одежду как можно быстрее. Ее остановило лишь то, что в этом случае отец заподозрит, что она подхватила лихорадку — она вся дрожала, — и захочет немного ее полечить. А при магическом лечении Скира могла бы вольно или невольно выдать все свои тайны.

Впрочем, девушка склонялась к мысли, что именно эта самая тайна и мучила ее больше всего. Однако даже это беспокойство не могло помешать ей продолжать постижение искусства работы с кристаллом Траза. Периодически она связывалась с Конаном, направляя путь бамульского отряда.

Однако Скира начала подозревать, что, в конце концов, придет время, когда вся ее ложь выйдет на поверхность и ей придется беззастенчиво лгать в глаза. Да и кристалл некуда деть. Разве что передать какой-нибудь женщине, которой можно доверять. А ведь отец мог попытаться завладеть кристаллом, заподозрив ложь с ее стороны. Единственное обстоятельство, удерживавшее Лизениуса от подозрений, становившихся все более назойливыми, — это то, что Скира — его дочь — все, что осталось от его погибшей жены. Колдун отказывался верить, что дочь может предать его и нарушить его планы.

Планы отца всегда беспокоили Скиру. Здесь находился Сутаро, один из величайших военных

вождей клана Соры. Лизениус часто называл его как наиболее вероятного претендента на звание мужа своей дочери. Сейчас у молодой женщины создавалось впечатление, что пикт хорошо знает об этом. Хотя, конечно же, его обхождение с ней свидетельствовало только о добрых намерениях... Скира сильно сомневалась, что эта гротескная пародия на куртуазность переживет свадебную церемонию и не исчезнет после того, как будет погашен свадебный факел. Впрочем, сейчас Сутаро был настолько вежлив с ней, насколько это можно ожидать от пикта по отношению к женщине-чужеземке.

Сутаро щеголял в одежде из оленьей кожи, обильно расшитой яркими ракушками и обломками человеческих костей. На плечи вождь небрежно набросил шкуру здоровенного волчара. Вооружился Сутаро, что называется, до зубов: лук, полный колчан стрел, копье с бронзовым наконечником, укращенное пучком лебединых перьев; на поясе висел топор и гандерский короткий меч — явный трофей с какого-то поля битвы.

Остановившись возле Скиры, он сделал движение, которое можно было бы принять за поклон. — Надеюсь, с тобой все хорошо, достойная дама, — сказал он. Как почти все чистокровные пикты, он не говорил на хайборийском языке. Впрочем, в языке дикарей были сходные формы обращения, употребляемые по отношению к вождям и шаманам. Сейчас Сутаро густо сдобр-

рил свою речь именно этими вежливыми формами. Если учесть обычную манеру обращения пиктов с женщинами, то нынешняя изысканность Сутаро для хайборийца была равнозначна стоянию на коленях.

— Я чувствую себя хорошо. Поход не утомителен, а надежда на победу укрепляет дух любого воина. — Говоря с Сутаро, она употребила то же вежливое наклонение, лишь в последний момент вспомнив, что в языке пиктов нет женской формы для слова «воин».

— Да. И пусть эта будущая победа сделает добрым твой взгляд на того, кто поведет воинов к этой победе.

Благодарение богам и за то, что в языке пиктов было слово «добрь». В противном случае пришлось бы употреблять слово, означающее «похать».

Скира сомневалась, что у нее найдется для Сутаро хотя бы одно теплое слово, даже если бы он завоевал и бросил к ее ногам весь мир. Впрочем, от ее истинного отношения к Сутаро ничего не изменится. Единственное облегчение — она не чувствовала угрызений совести, откровенно обманывая Сутаро, — угрызений, которые терзали ее, когда она вынуждена была лгать отцу.

— Мы с отцом всегда глубоко уважали воинов клана Соры. Ваша дружба безмерно ценна для нас.

— Это наполняет меня радостью.

Слово «радость» в языке пиктов имело еще одно, далеко не столь вежливое значение. Скира ни на мгновение не сомневалась, что коварный пикт намеренно проявил двусмысленность. Типичный пиктский вождь вряд ли блистал бы при дворе в Тарантии. С другой стороны, искушенный в интригах аквилонский придворный хлебнул бы горя, окажись он среди интриг пиктского клана (если бы ему вообще удалось остаться в живых, чтобы принять участие в оных).

Скира сделала несколько шагов, разминая затекшие ноги. Сейчас она была готова отдать даже кристалл Траза за горячую ванну (а может быть, даже и за букетик пахучих трав, чтобы только отбить вонь тысячи пиктских воинов, особенно теперь, когда солнце стоит высоко).

Вместо этого она мысленно отвернулась от неудобств, которые претерпевало ее тело, и начала припомнить, где находился Конан в последний раз, когда она вступала с ним в мысленную связь. Киммериец как будто привык к этой мысленной связи. По крайней мере, всякий раз, когда она касалась его сознания, он уже не взвивался на дыбы, как лошадь, которую задели факелом. Кроме того, ее мысленные беседы с Конаном оставались вне ведения ее отца.

Может быть, у киммерийца и не было «голоса-призрака», но глаз у него был очень острый. Это, в частности, касалось тех мест, где он сейчас находился. Множество сражений и охот, а также бегств, когда надо было спасать свою

шкуру, до предела заострили его слух и зрение. Глядя на дерево глазами Конана, Скира могла пересчитать почти все иголки на ветвях в пятидесяти шагах над землей.

Скира не стала возвращаться к носилкам, чтобы развернуть карту, точно такую же, как была у Конана. Дело в том, что пикты понятия не имели о картах и, хоть они и уважали и боялись колдовства белого шамана и его дочери, тем не менее чувствовали себя не очень хорошо, когда прямо среди бела дня перед их глазами творилась «магия».

Вместо этого Скира уселась на ствол упавшего дуба, ощущив под собой мягкость и влажность гнилого дерева и вдыхая густой запах. Она слышала только чириканье птиц и жужжение насекомых над головой. Мир людей со всеми их неудобствами постепенно стал уходить куда-то вдаль. Осталась только природа, окружающая молодую аквилонку в тот момент, когда она собиралась с силами, чтобы отослать свой «голос-призрак» Конану...

Она вернулась из своего мысленного путешествия как раз вовремя, чтобы опять услышать уханье филина. Теперь оно означало конец привала. Разведчики доложили, что дорога впереди свободна, охотники вернулись, бурдюки с водой были наполнены. Воины, поклоняющиеся тотему Соры, были готовы снова выступить в поход.

Итак, Скира теперь знала, где находятся Конан и его люди. Они направлялись по тому

пути, который выбрали. И пойдут по нему остаток дня. Это соответствовало планам Скиры. Будь она среди них и веди сама бамульский отряд, вряд ли она могла бы указать людям Конана лучшее направление, нежели то, каким они двигаются сейчас.

С наступлением ночи им понадобится свернуть еще дальше на восток, чтобы выйти вовремя к пещере. Кроме того, им также, возможно, понадобится защита против клана Змеи, к чьей земле они сейчас приближаются.

Сейчас у клана Змеи с кланом Волка было нечто вроде мира. До открытой войны дело не дошло, хотя она была готова вот-вот разразиться. Поэтому основная часть воинов клана Змеи была занята тем, что следила за перемещениями воинов клана Волка. Какое-то количество их, впрочем, должно было остаться вблизи пещеры. И их явно слишком много для двадцати бамула, киммерийца и женщины, что сопровождает отряд.

Можно было попросить у отца о магической защите, но Скира ему не доверяла. Он стал бы задавать вопросы. А если бы она стала отвечать на эти вопросы, ложь могла бы всплыть и ее маскараду пришел бы конец.

Оставался клан Совы. Стоит ли полагаться на него? Можно ли доверять Совам? Даже если они ограничиваются борьбой с воинами клана Змеи...

Сутаро! Если дать ему какие-нибудь обещания, с него можно взять клятву подержать своих

воннов от нападения на Конана или даже на воинов клана Змеи, разве что Змеи атакуют первыми. Клан Змеи и клан Совы издревле были врагами, но в настоящий момент войны между ними объявлено не было. Кроме того, клан Змеи сейчас по горло занят соперничеством с кланом Волка.

Можно, конечно, дать Сутаро кое-какие авансы, уверившись, что он не потребует остального прежде, чем битва не будет позади. Можно было бы придумать какой-нибудь предлог и удерживать Сутаро на расстоянии. Пикты очень подвержены вере в сверхъестественное, даже больше, чем другие дикари.

Конечно, потом пришлось бы спасаться от ярости Сутаро, ну да его руки вряд ли протянутся за пределы пиктских земель. А если ей, Скире, и ее отцу удастся выжить, о крае пиктов можно будет забыть, как о дурном сне.

Глава шестнадцатая

Направление, предложенное Скирой, уже второй день кряду вынуждало отряд Конана взбираться вверх по холмам и спускаться в ложбины. Конечно, киммерийцу не составляло труда избирать для своего отряда такой путь, чтобы оставаться незамеченными для глаз врага. Но он начал уже сомневаться, что Скира знает, что делает.

Она говорила, что вынуждает бамульский отряд лазить по высотам с одной лишь целью — чтобы у тех постоянно был хороший обзор. Тем более что здесь, на высотах, меньше шансов встретить воинов клана Змеи. Все пикты были лесными жителями, и клан Змеи не составлял исключения. Дикари неуменно чувствовали себя в открытой местности — на голых скалах, так что, следуя этим маршрутом, можно было пройти через территорию клана Змеи почти незамеченными.

По мнению Конана, сама по себе эта холодная каменистая земля была достаточным испытанием для бамульских воинов и без пиктов, которые могли таиться за каждым камнем. Ночью было так холодно, что Конан приказал разжечь костры. Если их отряд обнаружат, то все же это будет лучше, чем найти утром половину воинов замерзшими.

Впрочем, заявлять, что Скира творит глупости, возможно, было слишком самоуверенно. В конце концов, она жила среди пиктов и неплохо знала их страну. А вот нравы бамула и как сохранить их доверие, этого она не знала. То, что она предлагала, — двигаться по голым склонам, когда между отрядом и небом нет ничего, кроме облаков и кружящихся орлов, — было как раз то, что разрушало всякое доверие воинов бамула.

Конан не раз и не два пытался отправить Скире мысленное послание, но, увы, как и прежде, эти попытки были тщетными. В конце концов он махнул на это рукой. Если по какой-то причуде судьбы у него прорежется «голос-призрак», то Лизениус сможет услышать этот голос так же легко, как и его дочь. До границы оставалось еще три дня пути, а для магии столь могущественного колдуна, каким был Лизениус, это не расстояние. Он был способен и на большее.

К вечеру второго дня Конан забрался на дерево, которое было выше, нежели гребень ближай-

шего холма, и давало более надежное укрытие. Когда он спустился, на его и без того мрачном и суровом лице было такое угрюмое выражение, что даже Вуона заметила неладное.

— Пикты. — Вот и все, что сказал киммериец.

— Далеко? — спросил Говинду.

— Достаточно близко, чтобы перехватить нас прежде, чем мы успеем добраться до границы. Если они этого захотят, в чем я не сомневаюсь.

— Тогда наша задача сделать так, чтобы они этого не захотели, — сказал Говинду.

— И как ты собираешься это сделать? — буркнул Кубванде. — Затуманить головы их вождей магическим пивом, перелетев через холмы в их лагерь с помощью своей собственной магии?

— Пусть Конан пошлет несколько человек в другом направлении, чтобы те показались пиктам, а затем скрылись. Маленькому отряду скрыться легче. Пока пикты будут соображать, что к чему, основной отряд успеет дойти до границы.

— Спасибо, Бовену, — сказал Конан, — но ты не знаешь пиктов. Они способны выследить человека, если после него на тропе останутся лишь две сломанные иголки на ветке. Они способны и окружить небольшой отряд, послав для этого всего лишь несколько воинов, а остальных кинуть на поиски основного отряда. Я воздаю

честь твоему мужеству и надеюсь, что и все остальные столь же мужественны. Но это неудачный план.

Мы перейдем через границу все вместе или же вместе погибнем. И если нам суждено здесь погибнуть, то мы навалим вокруг столько дохлых пиктов, что клану придется менять название, превратившись в клан Вдов и Сирот.

Воины заметно повеселились. Однако Конан призвал их к молчанию и разослал по постам приказ держать стражу, а также отрядил несколько человек за водой, после чего уселся на камень передохнуть. Через пару минут перед киммерийцем появился Говинду.

— Настала моя очередь спросить: тебя что-то беспокоит, Конан? Ты ведь знаешь, стоит тебе только попросить, и я...

Конан посмотрел на молодого вождя. Даже самая маленькая ложь может оказаться большим предательством.

— Я видел огни от костров двух отрядов пиктов. Один из отрядов, о котором я говорил, — это, несомненно, отряд клана Змеи. Они следят за кланом Волка и могут наткнуться на нас лишь случайно. Другие огни находятся к западу и ближе к нам. Я не могу с уверенностью определить, кто это и идут ли эти люди по нашему следу. Но вместе с тем я не могу и отрицать этого.

— Ты думаешь... Скира нас предала?

— По крайней мере, если и предала, то не своему отцу. В этом я уверен. В противном слу-

чае его заклятия ударили бы по нам, будто сокол, улавший на добычу. Однако сейчас ситуацию определяют не Лизениус и не Скира. Возможно, пикты пытались вызнать у отца и дочери о наших планах, а затем насадили их головы на шесты в деревне клана Соры, после чего пошли в погоню за нами, чтобы и с нами проделать то же самое.

— Мы споем по Скире посмертную песнь, — обещал Говинду. — Даже по ее отцу споем, если ты считаешь, что его дух тоже надо умиротворить.

— Мне не довелось знавать слишком уж много колдунов, но в любом случае хочу тебе сказать: ты можешь хоть до конца дней своих петь по ним погребальные песни, но вряд ли успокоишь их дух. Мой тебе совет: побереги глотку, она тебе еще пригодится, чтобы влиять туда пиво. А Лизениуса предоставь богам. Тем более что у богов куда больше времени, чем у нас, смертных. По крайней мере, так говорят жрецы.

Сутаро, сын Йагана, военный вождь клана Соры, еле сдерживал нетерпение, ожидая, когда разведчик слезет с дерева. Конечно, разведчику проще прокричать сверху, однако здесь нужно сохранять тишину. Они уже не на землях клана Соры.

— Ты видел людей клана Змеи? Далеко ли они?

— Я видел много людей клана Змеи. Судя по кострам, я думаю, их в три раза больше, чем пальцев на руке. Не очень близко. И они в стороне от дороги, что ведет нас к холму, о котором говорил белый шаман.

— Ты все сделал хорошо. Позволяю тебе напиться первым, когда мы в следующий раз обнаружим воду.

— Благодарю тебя, вождь.

Сутаро надеялся, что они обнаружат воду в самое ближайшее время. Он и его воины уже два дня шли стремительным шагом. Однако им не удалось догнать и обогнать демонолюдей и их гиганта-вождя. Демонолюди, вопреки ожиданиям, оказались столь же быстрыми на ногу, как и люди клана Совы, даже на этой пересеченной местности.

Однако трудности, которые приходится испытывать, будут оправданы, если воины прибудут на место вовремя, чтобы защитить демонолюдей от клана Змеи. Если они поступят так, дочь белого шамана ляжет в постель Сутаро. Сын от такого союза будет одновременно и военным вождем, и шаманом.

Такой сын сможет взять власть не только над одним кланом. Тогда все люди будут знать, где находится могила его отца. Сын позаботится об отце, и в свое время отец воссядет у костра высших богов.

А воинам вовсе незачем знать, что они обивают ноги о камни и терпят жажду лишь для того,

чтобы защитить людей, которые впоследствии будут умерщвлены. Скажи им Сутаро правду, и он посеет среди них сомнения. Возможно, ему даже не поверят. Может быть, даже плонут в лицо.

А некоторые, может быть, бросят ему вызов. Возможно, это произойдет потом, когда станет ясно, что демонолюди убиты. Но сейчас они вряд ли захотят с ним ссориться. Надо быть безумцем и поступить так теперь, когда они находятся на землях клана Змеи. Тем более что белый шаман с легкостью разглядит ссору среди воинов клана Соры. Впрочем, глупцы находятся всегда. Глупцы — те, кто не согласен следовать за вождем, который лжет им лишь потому, что хочет возлечь со Скирой. Глупцы потому, что вождь — он, Сутаро.

Долго, долго не представится Сутаро следующей возможности повоевать с кланом Змеи. Может быть, никогда. Или в те годы, когда он будет уже слишком старым, чтобы водить воинов в поход. Сутаро подумал, что все-таки нет на свете ничего лучше, чем водить кого-то в поход. Даже если впереди и не светит такая награда, как Скира.

Последние указания, которые Скира мысленно передала Конану, заключались в том, что киммериец должен свернуть на юг, обогнув холм, виднеющийся впереди. Все это было бы совсем хорошо, если бы этот маршрут не при-

ближал бамульских воинов к воинам клана Змей. Будь Конан один, он, несомненно, избрал бы путь по вершине холма. Однако наметанный глаз говорил ему, что с той стороны дорога будет слишком трудна для бамула.

Ладно. Они поступят по-другому. Они пойдут на СЕВЕР. Настало время выяснить, к чему может привести неповиновение Скире. Если от этого вреда не будет, то очень хорошо. Ну а если выяснится, что женщина была права... что ж, человек умирает лишь один раз.

Если это вызовет ярость Лизениуса, колдуна, опять-таки утешением может служить то, что человек умирает всего один раз. Впрочем, Конан мог признаться, что умер бы с легким сердцем, если бы был уверен, что Скира его не предала: Женщины предавали Конана столько раз, сколько, наверное, не предавали никого. Однако киммериец все так же доверял им. И вовсе не обязательно, чтобы та, которой он доверится, была Бэлит. Конан всегда сожалел, когда ему приходилось расставаться с женщинами.

Киммериец выхватил меч и показал на север:

— Пойдем туда. Будьте еще более внимательными, чем обычно. С каждым шагом мы все дальше заходим на территорию клана Змеи.

— Если воины клана Змей нанесут удар, у них будет ощущение, будто они ударили по камню! — крикнул Кубванде. Это утверждение было самым определенным из всего, что Кубванде говорил за все время знакомства с Конаном.

Скира тихо выругалась по-пиктски, используя такие слова, что ее отец, наверное, удивился бы, проведав, что дочь их знает. Проклятье было адресовано Конану и содержало перечисление таких частей его тела, что отец опять-таки был бы удивлен.

Однако Скира не проклинала кристалл Траза. Вряд ли без кристалла ей вообще удалось бы что-либо сделать. Сейчас, ради того чтобы сохранить свой план, она согласилась бы даже шпионить за пиктским обменом душ, когда душа человека входит в тело змеи, а душа змеи — в тело человека.

Скире казалось, будто она чувствует, как Конан все дальше и дальше уходит от правильного пути. Впрочем, возможно, это кристалл делает ее такой амбициозной. Она пыталась направлять и даже заставлять человека, который создан для подчинения не больше, чем тигры вендинских джунглей или волки из родных лесов Скиры. Еще прежде, чем она встретилась с Конаном, она знала, что киммерийцы не подчиняются никому. Теперь же, когда она познакомилась с одним из них, она больше не удивлялась тому, что Киммерия яростно отстаивает свою независимость и что все аквилонские походы на восток заканчиваются бессмысленными кровавыми побоищами.

Сзади к ней приблизился отец. Скира почувствовала на затылке его дыхание и ощутила запах пиктского пива. Слова упрека почти готовы

были сорваться с ее туб, но она заставила себя промолчать.

— Конан подчиняется твоей воле?

— Не совсем. Он пошел в другую сторону.

— А... Ты можешь послать за ним воина Сутаро?

— Не смогла бы, даже если бы сумела войти в мозг Сутаро. Он почувствует, что это колдовство, и станет меня бояться.

— Любой разумный человек в какой-то момент начнет тебя бояться, Скира. Точно так же, как боялись твою мать. Ты очень похожа на нее в этом смысле.

Ну вот, началось. Сейчас он будет вспоминать мать, после станет рыдать, затем пойдет и еще больше надерется пиктским пивом и завалится спать. Скира в душе надеялась, что, когда они доберутся до пещеры, в нем останется достаточно здравого смысла, чтобы он не произнес заклинания.

Увы. Теперь она видела, что он произнесет эти заклинания. Если в последний момент его магия изменит ему, то он никогда не сможет узнатъ о ее измене. Тогда ей не придется идти на крайние меры, противопоставляя его магии свою. Но если он не сможет свершить свою месть, сможет ли он вспомнить о том, что в мире есть другие вещи, помимо мести?

Скира зажмурилась, так что глазам стало больно. Едва ли. Месть — единственное, что поддерживало жизнь Лизениуса. Это длилось

уже так много лет, что он, наверное, позабыл, какова была жизнь до того, как он вступил на этот путь.

Кроме того, если магические силы покинут Лизениуса, он умрет. Если повезет, то быстро, если не повезет, медленно. А она, его дочь, умрет вместе с ним. Сейчас ее план обмануть пиктов, когда они были вокруг, выглядел сущим бэзумием. План не выглядел совершенно сумасшедшшим лишь потому, что она надеялась скрывать свою измену достаточно долго, дабы она и ее отец успели добраться до тех мест, где до них не дотянулись бы руки ни одного пикта.

Отец бы ее простил. А вот пикты не простят. И Конан бы не простил. Хотя, если бы для него дело обернулось плохо, вряд ли пикты стали бы дожидаться, пока он отомстит Скире. Они убьют его раньше.

Жизнь представлялась сплошной изменой, вытекающей из другой измены. Сейчас Скире не очень хотелось держаться за такую жизнь.

Бамула пришлось научиться искусству карабкаться по кручам, а также стрельбе из лука. Несколько человек стали даже настоящими мастерами. Большинство же можно было назвать «знакомыми» с этими искусствами. Конан не очень удивился, когда Говинду оказался среди тех, кто лучше всех освоил лазание по скалам. По-настоящему удивило Конана, когда большие способности к этому выказала Вуона. Правда,

он начал подозревать, что она просто пытается произвести впечатление своей силой и ловкостью. Только вот на кого? На него или на Гонвинду?

Так уж получилось, что молодой вождь и эта женщина были самыми близкими Конану людьми в тот момент, когда он повел свой отряд на восток. Затем он свернул на юг, когда земля перед ним стала скалистой и безлесной. Они двигались по этой голой местности, а с обеих сторон их окружали густые леса. У подножия холма деревьев росло больше. Это были ели и сосны. Конан подумал, что здесь может скрыться столько пиктов, что хватило бы опустошить целую провинцию, не говоря уж о том, чтобы уничтожить небольшой отряд чужаков.

Киммериец лег на землю и знаком приказал остальным сделать то же самое. Сигнал был передан прочим воинам. Никто после этого не осмелился стоять во весь рост.

Отряд должен идти своим собственным путем, а не тем путем, который навязывала им Скира. Хотя пока ничего дурного не произошло.

У Конана было время два или три раза глубоко вздохнуть, обдумывая их дальнейшие действия. Было еще время махнуть рукой тем, кто был за ним, приказывая двигаться на север, под прикрытие деревьев.

Затем воздух наполнился стрелами. Стрел было достаточно много, чтобы предупредить возможные жертвы, но недостаточно много, чтобы

причинить серьезный ущерб. Яростно стреляя, но не осмеливаясь подойти поближе, пикты только кое-кого слегка ранили. Большего им сделать не удалось.

Конан понимал, что то лишь чистой воды удача или благодеяние богов. Такое долго не продлится. По направлению полета стрел Конан определил, что пущены они были как раз из-за тех самых деревьев, к которым он предложил двигаться отряду.

Это ему очень не понравилось. На мгновение мелькнула мысль, что Скира была права. Может быть, стоит извиниться перед ней? Если он, конечно, доживет до того момента, когда сможет снова ее увидеть. Для двадцатилетней колдуньи у Скиры была смышлена голова, хоть и посаженная на круглые девичьи плечики...

— Бегом! — рявкнул Конан, указывая вниз, в сторону деревьев на востоке.

— Пикты?.. — крикнул кто-то.

— Есть там пикты, есть, и уже стреляют, только они далеко. Если мы побежим, им тоже придется бежать, чтобы держать нас на расстоянии досягаемости стрел. А от стрельбы на бегу толку мало. Так, лучшим лучникам — в арьергард! Прикрывайте отступление. Если найдете подходящее место спрятаться и увидите пиктов на открытой местности, сделайте им небольшой подарок. Но не отставайте слишком далеко. Мы не можем останавливаться, если хотим унести свои задницы.

Что-что, а бегать и уносить задницы бамула умели. Даже карабкаясь по склонам и время от времени падая, они все равно быстро вставали. За все это время не было ни одной сломанной кости, ни одного растянутого сухожилия. Кроме того, для людей, чьи царапины и порезы оставляли в пыли кровавую дорожку, бамула бежали очень даже неплохо.

Конан старался держаться в самой гуще бегущих воинов. Здесь ему были видны все, и со всеми он мог говорить. Кроме того, в каждый момент он был готов присоединиться к арьергарду, где находились лучники. В руке у Конана был длинный прочный боссонский лук, с дальностью, превосходившей дальность любого из пиктских луков, и колчан с двумя дюжинами стрел. Помимо этого, у Конана было и другое оружие.

Для того, кто привык к тугому турецкому луку, боссонское оружие казалось довольно неуклюжим. Однако не в привычках Конана было пренебрегать любым оружием, из которого можно прикончить врага.

Если пикты предоставлят ему хоть малейшую возможность, он, в свою очередь, тут же предоставит многим из пиктов возможность немедленно встретиться с предками, даже не прибегая к стали.

Взору Конана как раз представили пикты, выбегающие на прогалину. Он начал было натягивать лук, когда Вуона издала вопль, будто бы под но-

тами у нее разверзлись две́ри Ада. Конан стремительно обернулся к женщине и обнаружил, что у нее были основания для этого жуткого крика, ибо пикты повыскакивали из-за деревьев впереди. Кое-кто из пиктов уже сделал выстрел. Самая первая стрела вонзилась в землю как раз у ног Вуоны. С удивленным вскриком она отпрыгнула в сторону.

Конан понимал, что если его люди перестанут двигаться, то тотчас же погибнут на том самом месте, где остановятся. А если они будут продолжать бежать, то попадут из огня да в полымя. Единственный безопасный путь, похоже, вел вдоль склона холма на юг. Как раз тот путь, который предлагала им дочь колдуна.

Да, несомненно, Скира все понимала правильно. Киммериец пообещал себе укротить свою гордость и сказать ей об этом, если только когда-нибудь ему удастся увидеть эту маленькую ведьмочку.

Рука богов продолжала прикрывать отряд, пока бамула бежали на юг. Некоторые из бамульских воинов уже пошатывались и спотыкались, но все еще продолжали бежать. Конан слышал, как дыхание, будто воздух из мехов в кузнице, вырывается из чьей-то груди. Киммериец знал, что со своей выносливостью и скоростью он очень скоро оставит позади весь отряд.

Однако отрываться далеко нельзя. Любой из чернокожих мог запросто вырубиться от усталости

ти. Не бросать же воина на произвол судьбы! У киммерийцев это не принято... Конан чаще оглядывался по сторонам, отыскивая подходящее место для отдыха. Сейчас главное дожить до темноты, а там будет видно.

Впрочем... Вверх и вперед по склону была тень. Что-то очень похожее на вход в пещеру. Вокруг валялись камни, которые не могли так развалиться естественным образом. По крайней мере, пещера по нынешним временам была не самым худшим убежищем. Все равно ничего другого не оставалось.

— Туда! — крикнул Конан, указывая вперед.

Потребовалось некоторое время, прежде чем каждый увидел, куда он показывает; еще несколько мгновений — чтобы до людей дошло и они повернули. Эта заминка дала обоим отрядам пиктов время приблизиться. Бамульские лучники и Конан выстрелили. Расстояние было большое, но бамула и киммериец стреляли вниз по склону. Два пикта упали, еще двое остановились. Большинство стрел, полетевших в ответ, даже близко не достигло цели, те же, что упали среди бамульских воинов, никому не причинили вреда.

Именно этот момент, и никакой другой, Вуона выбрала, чтобы отступиться. Место было не ровное, немудрено споткнуться. Девушка поднялась. Кровь хлестала из раны на ноге. Вуона рыдала и ругалась одновременно. Через несколько шагов Конану стало ясно, что ей не добежать до камней, разбросанных у входа в пещеру. Он

закинул лук за плечи и приготовился подхватить ее. Но первым до молодой женщины добежал Говинду. Он вскинул ее на плечо, будто та была не тяжелее корзины с зерном, а он столь же сильным, как киммериец. Остаток пути вверх по склону Говинду пробежал с этой ношей. Конан был не последним, кто добежал до камней, но юноша намного опередил его.

Последняя туча стрел, посланная пиктами, ударила о камни. Конан высунулся, чтобы подобрать их. В сложившейся ситуации никаким оружием пренебрегать было нельзя.

Он как раз подбирал последнюю стрелу, когда услышал сдавленный крик Вуоны, а затем ругательства остальных.

Только Говинду, казалось, сохранил самообладание.

— Конан, я думаю, тебе стоит на это поглядеть.

Киммериец скользнул за камень, который, похоже, почернел от огня, куда более горячего, чем обычное пламя костра, и бросил взгляд за две других глыбы. Все было правильно — за камнями открывался вход в пещеру.

Теперь это было не просто темное отверстие. Внутри мерцало какое-то голубое сияние. По мере того как Конан глядел, свет разгорался. Приблизившись на два шага, киммериец сумел разглядеть, что сияние исходит из ниш, вырезанных в стене пещеры, уходящей куда-то в глубь холма.

«Еще два шага — и колдовской свет упал на его кожу. Конан остановился, чтобы посмотреть, не пробудило ли присутствие человека еще что-нибудь помимо света. Позади себя киммериец услышал невнятное бормотание бамула. В их голосах явно звучали сомнение и неуверенность.

— Спокойно, — сказал он не оборачиваясь. — Такого рода свет редко бывает опасен. А если и так, то теперь уже поздно. Но, может быть, вы предпочитаете пиктов там, внизу?

— С одной стороны пикты, с другой — магия, — задумчиво пробормотал Бовену. — Что тут предпочтеть?

— Мы войдем в эту пещеру, если нынешнее положение ухудшится, — сказал Конан. В его голосе зазвучал металл.

— Здесь один человек может удерживать вход против пятидесяти противников.

— Несколько человек смогут удерживать в этой пещере сколь угодно много противников, — заметил Кубванде.

У киммерийца зачесались кулаки, а с губ готовы были сорваться резкие слова, но он сдержался и пожал плечами:

— Если мы решим выходить именно этим путем, то да. Впрочем, я никогда не бывал в пещере, у которой не было бы по меньшей мере двух выходов.

Большинство это, похоже, успокоило. Но не Кубванде. Конан не стал говорить своим воинам,

что пиктам, может быть, известны другие входы в пещеру и они охраняются.

Воспользоваться этим местом в качестве укрытия, возможно, означало отдаться во власть магии, которая жила там. Не исключено, что это только отсрочит их гибель от рук пиктов. Но киммериец никогда не сдавался без боя. Не раз и не два ему удавалось выжить только потому, что он умел пользоваться такими временными укрытиями.

Глава семнадцатая

Скира так устала, будто шла пешком целый день, однако не могла уснуть. Не только от того, что в другом конце палатки хранил отец, но и от вони, исходящей от множества немытых пиктов, спящих снаружи. Некоторые из них тоже хранили.

Скира решила не раздеваться и ограничилась тем, что сняла обувь, но поставила ее так, чтобы можно было легко и бесшумно обуться снова, если возникнет такая необходимость. Она хотела оставить при себе лук и стрелы, равно как и кинжал, но потом передумала. Лучник из нее был плохой. Кроме того, оружие могло вызвать у воинов подозрения, если бы она захотела покинуть лагерь. Они и так беспокоились. Не стоило раздражать их еще больше.

А беспокойство среди воинов клана Соры росло по мере того, как они все больше приближались к землям кланов Змеи и Волка. На дру-

желобие со стороны клана Змеи вряд ли приходилось рассчитывать. Пикты клана Волка не воевали уже несколько лет, но если стычка с кланом Змеи хоть сколько-нибудь ослабит силу воинов клана Совы, то стоит выпасть снегам, и на этих землях разразится очередное грандиозное сражение.

Пятьсот пиктов — это было слишком много, чтобы кто-либо, кроме главного военного вождя, мог удержать их в повиновении. Единственным таким вождем в походе был Сутаро, ушедший вперед со старшинами клана, чтобы предупредить попытку Конана уйти к границе. Скира обнаружила, что большинство воинов спит. Несколько человек несли стражу, а те, кто не спали (их было немного), сгрудились у костра, что-то тихо напевая. Девушка надеялась, что охранительная магия отца, по крайней мере, разбудит его, если лагерь будет угрожать какая-нибудь опасность.

Дочь колдуна прислонилась к дереву и прислушивалась к пению у костра, пока кто-то, кто был вне круга поющих, не заметил ее. Его грубое приветствие вызвало у Скиры раздражение. Другие засмеялись, а кто-то еще попросил, чтобы она отошла, дабы ее тень не падала на них.

Она ответила жестами. Возможно, воины были заняты военной магией. Женщине здесь находиться нельзя, ведь ее голос может запросто разрушить мужскую магию, равно как и ее тень. Когда Скира повернулась и пошла прочь от ко-

стра, кто-то крикнул ей вслед слова благодарности.

Даже прожив в этих краях несколько лет, Скира так и не научилась любить пиктов. Но девушка понимала, что ненавидеть их после того, как она поняла, что образ жизни этих людей не слишком отличается от быта любых других известных ей народов, она уже не может. Земля здесь была скудная, и Скира за все время ни разу не видела тучного скота или ломящихся от изобилия амбаров.

Но что-то уйдет из ее жизни, когда она больше не будет просыпаться от грохота барабанов и криков охотников. И что-то уйдет из мира, когда новые дороги пересекут эту дикую местность, а пикты, которые еще будут живы в то время, превратятся в мирных фермеров и скотоводов.

Дочь колдуна слишком поздно услышала, как слева от нее хрустнули ветки у кого-то под ногами. Она выхватила кинжал и уже повернулась, чтобы вонзить его в темный силуэт, когда тяжелая рука, будто молот, обрушилась ей на голову. Удар сбил ее с ног, и, падая, Скира ударилась еще и о дерево. Из глаз посыпались искры. Все вокруг закружилось.

Другая нечеловечески сильная рука схватила ее за лодыжку. Свободной ногой она начала яростно отбиваться и почувствовала, что угодила в твердую, как камень, кость. Нога Скиры наполнилась болью, медленно раскатившейся по всему телу.

Она выронила оружие и теперь беспомощно и безнадежно шарила вокруг. Враги были ей теперь не по силам. Оставался еще последний шанс — отыскать кинжал и вонзить себе клинок в грудь...

Волосатая нога ударила Скиру в живот. Она откинула назад голову и снова стукнулась о корень дерева. Все вокруг мгновенно утонуло в беспроглядной тьме. Лишь на краткий миг сквозь черную завесу простирали некие слабые отблески, а потом ледяная бездна беспамятства потопила последние крохи света.

У пиктов, похоже, не было табу касательно этой пещеры, равно как не боялись они и здешней магии. Теперь дикари подобрались так близко, что несколько удачно пущенных стрел могли представлять очень серьезную опасность.

Пиктская настойчивость, должно быть, удивила воинов бамула. Но Конан снова успокоил их, возвав скорее к их надеждам, нежели к страхам.

— Возможно, пикты рассчитывают, что здешняя магия покончит с нами. Возможно, они боятся, что мы попытаемся использовать эту магию против них, и хотят нас убить до того, как мы сможем сделать это.

Это была полнейшая чушь, но бамула проглотили ее. Конану оставалось лишь надеяться на то, что он хотя бы в малой степени прав или что по крайней мере в ближайшее время не

произойдет ничего, что опровергло бы его слова. Если мужество изменит бамульским воинам, то можно будет рас прощаться с последней надеждой.

Казалось, все кончено. Но Конан продолжал хранить уверенность, что каждая секунда, вырванная у смерти, — это победа. Если он мертв, то уже ничего не изменишь; пока человек жив, жива и надежда.

Тем временем надо было позаботиться о раненых и вспомнить о скучных запасах пищи (сухари и соленое мясо, которые нужно было раздать людям), а также выставить стражу. Конан хотел, чтобы часовые были поставлены у входа в пещеру и в ее глубине, но насчет последнего решил пока что не настаивать. Он чувствовал, что его воинам явно не по себе. Оно и понятно: они находились в малоприятном месте. Да что уж там, ему и самому было не очень-то весело. Кроме того, если он поставит часовых в глубине пещеры, это недвусмысленно даст понять остальным, что он боится атаки с тыла. Еще двойная стража означала бы, что людские резервы, и без того скучные, будут разделены, к тому же будет необходимо держать бодрствующими больше людей. Часовые только успели занять свои посты, когда внезапно чудовищный рев пиктского боевого клича отнял последнюю надежду на отдых и сон. Конан бросил взгляд в темноту и пополз к выходу из пещеры, рискуя встретиться с затаившимися там дикарями. Он должен был узнать,

что происходит. Киммериец уже шагов на десять удалился от камней у входа в пещеру. Все его чувства были до предела напряжены. И вот Конан ощутил слева от себя какое-то движение. Он замер, пытаясь на слух определить расстояние. Если это пикт и если даже он производит звуки, то рев от основания холма заглушал их.

Мгновение спустя кто-то всей тяжестью обрушился на Конана откуда-то сверху. В следующий миг мелькнула еще одна темная фигура, обладатель которой, в свою очередь, упал на первого обидчика киммерийца. Конан выбрался из-под двух тел и вскочил на ноги. Схватив одного неприятеля за волосы, а другого за шею, он с размаху ударил их друг о друга головами. Похоже, у этих ребят железные головы, решил киммериец, — удар не произвел никакого впечатления на вновь сцепившихся пиков. Конан покрепче схватил дикарей за головы и вторично столкнул их лбами — на этот раз изо всех сил.

Он почувствовал, как затрещали кости. Оба замертво обвисли в руках у могучего киммерийца. Конан потащил их назад, к камням, и наконец выволок на свет костра.

Теперь кое-что стало понятно. На одном из пиков была военная раскраска, перья и татуировка клана Совы. На другом — военная раскраска, перья и татуировка клана Змеи.

— Друзья Лизениуса пришли к холму, — констатировал Конан.

— Ты хочешь сказать «наши друзья», — заметил Кубванде. Это не было вопросом. А если и так, то Конан не стал бы отвечать. Киммериец решил, что он и его воины окажутся только в выигрыше. Пиктские разборки им даже на руку: меньше дикарей будет околачиваться вокруг холма. Кто бы ни победил, им в любом случае понадобится время залечить раны и собрать убитых. А Конан со своим отрядом будет в это время отдыхать и набираться сил в безопасности пещеры.

Впрочем, ждать Конану не хотелось. Они могли бы попытаться воспользоваться предоставившейся возможностью и скрыться, избежав сражения. Но киммериец знал, что в этом случае придется оставить тех, кто не сможет идти. И потом, вряд ли маленький отряд имел шансы спастись, пытаясь ускользнуть от преследования ночью, окруженный со всех сторон враждебными дикарями.

А сегодня ночью самое малое четверо воинов и Вуона идти не смогут. Конан никого не повел бы на верную смерть. Он мог попытаться спастись в одиночку, но, пока сохранялась хоть какая-то надежда, поступить так — означало предать друзей. А предателем Конан никогда не был.

Злясь на все и вся, включая самого себя, за то, что потащился за Вуоной сквозь Ворота Зла, злясь на рассвет, который никак не может на-

ступить, киммериец мерил шагами пещеру, будто лев в клетке. Голубые колдовские огни иногда так отсвечивали в его глазах, что кое-кто из северных бамула делал знаки, отвращающие злые силы.

Однажды Конану показалось, что он слышит неестественные звуки, доносящиеся снаружи. В другой раз ему почудилось журчание воды, там, в глубине пещеры, где до этого все было тихо. Он уже собрался пойти посмотреть, что там происходит, когда заметил, что Кубванде бодрствует, а Говинду и Вуона спят. И спят хоть и не в объятиях друг друга, но соприкасаясь головами.

Киммериец не мог уйти, оставив отряд под командованием этого интригана. Ясное дело, что Кубванде за это время не успел бы снести с пиктами, но тем не менее... Слишком далеко зашли Конан и его отряд, слишком много вокруг подстерегало опасностей, чтобы рисковать, оставляя воинов на произвол судьбы.

Воины клана Змеи дрались хорошо, как всегда. Кроме того, они знали местность лучше, чем их теперешние противники. Сутаро трижды приходилось водить своих людей против воинов клана Змеи. Вот и на этот раз, как и прежде, им удалось отеснить неприятеля, но чересчур много воинов клана Соры погибли или были слишком тяжело ранены, чтобы продолжать сражаться.

отд. Кроме того, это была чужая земля. Если хотя бы один из тех, кому они сегодня противостояли, донесет своим вождям весть о том, что явились Совы, противник вскорости получит подкрепление. Тогда Сутаро с оставшимися воинами окажется между молотом и наковальней — сверху дыбится кругой гребень холма, снизу подпирают свежие силы врагов.

Несмотря на это, он не собирался уходить с холма до прихода Лизениуса, не желая оставлять чужаков клану Змеи. Уступчивость никогда не отличала Сутаро. Кроме того, именно ему прекрасная женщина обещала свою любовь (о том, что она не из рода пиктов можно забыть). И он ее получит, если сдержит данное слово. Сутаро надеялся, что не потеряет слишком много воинов, потому что в этом случае дела его сильно ухудшатся. Как военный вождь он перестанет что-либо значить к тому времени, когда возьмет Скиру в жены. А сейчас стоило подумать о том, как вообще остаться в живых.

Сутаро, скрестив ноги, сидел на стволе упавшего дерева, когда услышал, как хакан издал предупреждающий крик. В ответ послышались сигналы часовых. Поспешно встав, он пошел в лес, туда, откуда донесся сигнал хакана.

Хаканов оказалось трое. И они несли на носилках...

— Скира?

Ответа не последовало; но это, несомненно, была она. Сутаро заметил на лице девушки не-

сколько кровоподтеков. А одежда в некоторых местах была порвана.

Оставшиеся хаканы выступили вперед и приблизились к Сутаро. Вождь попытился было, но вовремя вспомнил, что шаманы используют этик животных не только для того, чтобы следить за врагами, но и для того, чтобы передавать сообщения. Он сделал над собой усилие и остановился. Хакан положил волосатую лапу ему на голову.

В мозг Сутаро перетекло послание, вложенное в хакана Вурог Йаном, главным шаманом клана Совы. Оно было доставлено таким способом, чтобы Лизениус, как это за ним водится, не попытался его перехватить. Похоже, Йан был очень сердит. По мере того как Сутаро вникал в смысл послания, ему становилось ясно, что вызвало гнев шамана.

Белые шаманы, отец и дочь, решили покинуть пиктов. Не будет кровавого жертвоприношения киммерийца Конана и демонолюдей. Даже пиктов не принесут в жертву, чтобы оживить непобедимую статую. По мнению Йана, Скира вместе с отцом хотела удрачить, оставив демонолюдей и два пиктских клана в состоянии войны.

Демонолюдей было не много, но за ними могли стоять силы, о которых Сутаро ничего не знал. Кроме того, ему было известно, что киммериец был страшнее, чем любой воин из народа пиктов.

— Так каков будет твой приказ, Вурог Йан? — спросил Сутаро.

Сутаро не знал, может ли хакан переслать послание шаману так же, как доставлял слова шамана. Но вождь решил, что лучше выяснить это самому.

Мгновение спустя в мозг Сутаро пришел ответ шамана:

— Проследи, чтобы в жертву принесли Конана и его отряд. С такой сильной кровью даже я смогу оживить статую и управлять ею.

Первый раз Сутаро доводилось слышать от шамана выражение скромности. Сутаро подавил смех. Однако шаман, несомненно, был прав. Сделка, что ни говори, ловкая. Да все равно ничего другого предложить было невозможно.

Скира останется со мной.

— Ты все еще хочешь взять ее в жены? Цвет кожи ваших сыновей...

— У меня будут и другие сыновья, более чистокровные. Более чистые, чем ты когда-либо мог себе представить, старый пень! Держа ее при себе, я смогу управлять ее отцом и этим великаником. До тех пор пока она со мной, любая опасность для меня будет означать опасность для нее. Или ты, болван, можешь защитить меня одновременно от Лизениуса, Конана и клана Змеи?

— Речи твои дерзки, Сутаро.

— Я командую воинами, которые здесь, со мной. Без них тебе не осуществить твоего же-

лания. Я нужен тебе так же, как ты нужен мне, Вурог Йан.

Хакан застонал от боли. Очевидно, чудовище так отреагировало на ярость шамана, выразившуюся в его последней реплике. Сутаро подождал, но больше от шамана посланий не было.

Сутаро посмотрел вверх по склону холма. Нелегко будет ворваться в пещеру, охраняемую киммерийцем и демонолюдьми. Это будет стоить жизни многим воинам. Вождь страстно надеялся, что потери будут не слишком велики. Иначе внезапное нападение воинов клана Змеи похоронит все его планы, прежде чем придет помочь от Вурог Йана или тех воинов, что идут следом.

Впрочем, если даже случится худшее... Молитвы и песнопения будут вечно звучать по воинам, которые позволили осуществить месть, одним разом поставив клан Совы в главенствующее положение над другими племенами и кланами. Вурог Йан, несомненно, попытается захапать себе всю славу. Но в клане будет слишком много воинов, которые будут знать правду о Сутаро и его подвиге. Одно это заставит шамана замолчать.

Он, Сутаро, пошлет гонцов и призовет своих младших вождей. И лучше им прийти как можно быстрее, прежде чем враг накопит силы или, что еще хуже, магия ударит из пещеры.

Пленный воин из клана Змеи был уже мертв, когда Конан втащил его в пещеру. Пикт из кла-

на Соры был без сознания, но так и не пришел в себя, чтобы заговорить. Вскоре он тоже умер. Бамула начали бормотать заклинания, боясь, чтобы духи мертвых не навредили им, коль скоро тела убитых остаются в пещере.

Что до Конана, то после того, как отряду удалось продержаться столь долго, духи умерших пиктов, по его мнению, можно было вообще не брать в расчет. Впрочем, он не стал говорить об этом бамула а только кивнул:

— Давайте затащим их поглубже в пещеру. Магия подавит действие призраков.

— А вдруг она сделает их сильнее? — спросил Кубванде. Надо отдать ему должное, сейчас он тоже боялся. Сейчас в нем говорил скорее страх, а не расчет. Конан не мог винить бамула за этот страх. Здесь его воины столкнулись с силами, понять которые не могли. В свое время Конан давал Бэлит клятву с терпением относиться к человеческим слабостям.

Киммериец не мог приказывать: одно дело решить что-то для себя, а другое — принимать решение за тех, кто следует за тобой, решение, от которого, возможно, зависит жизнь и которое каждый должен принять сам.

— Если бы магия пещеры была нам враждебна, она давно поразила бы нас. Нет, магия пещеры будет враждебна к духам умерших пиктов. Но если кто-нибудь хочет произнести над ними свои бамульские заклинания, пусть идет со мной. Тогда эти мертвые ребята получат такую

головную боль, что у нас больше не будет с ними проблем.

Бовену вышел первый, даже прежде Говинду. Конан менее всего предполагал увидеть его среди добровольцев. Впрочем, тем лучше. Кубванде и Говинду не будут спускать друг с друга глаз, а Бовену совершенно очевидно не представляет для киммерийца никакой опасности. Конан и Бовену каждый взвалили себе на плечи по трупу и пошли в глубь пещеры.

Некоторое время, примерно шагов пятьдесят, коридор шел горизонтально. Затем дорога пошла под уклон, все более расширяясь. Киммерийцу показалось, что он видит полуустертые, изъеденные временем лики каких-то змееподобных существ на стене. Они были похожи на украшения храмов Сэта в Стигии, хотя и не в точности такие же. А может быть, это были естественные натеки. Возможно, ему они вообще пригрезились. Что ни говори, слишком много магии и слишком мало света. Тут любому начнет мерещиться все что угодно.

Наконец они с Бовену оказались в таком месте, где туннель расширялся, а потолок поднимался, образуя своды. Камень стен пещеры в свете голубого колдовского сияния был серовато-пурпурным. Его поверхность казалась слишком гладкой, чтобы быть естественной, и на стенах теперь совершенно отсутствовали какие-либо барельефы. Повсюду толстым слоем лежала пыль, за исключением круга в середине помещения,

диаметром в длину копья. Создавалось впечатление, что круг вытерли лишь несколько секунд назад.

В середине возвышалась статуя. Высотой в человеческий рост, но куда более широкая в плечах. Даже гигант-киммериец выглядел мальчишкой рядом с ней. Статуя была совершенно чистой. Конану лишь показалось, что камень покрыт чем-то напоминающим чешую.

Да и глаза статуи странным образом напомнили киммерийцу рептилию. Страшные воспоминания холдом пронзили Конана. Неужели это один из легендарных валузийских человекозмей? Они были такими древними, что воевали еще с атлантами, и исчезли еще до того, как поднялась в своем черном величии давным-давно исчезнувшая в тумане времен Ахеронская империя. Но кое-что из магии человекозмей дошло до нынешних времен. Говорят, что именно эта магия лежит в основе культа Сэта, великой змеи.

Конан подошел поближе, стараясь не наступать на круг. Должно быть, здесь действовало волшебство, образующее его, и Конан не хотел испытывать судьбу. Киммериец обошел статую, усилием воли подавляя леденящие сомнения. Ему хотелось, чтобы Бовену собрал свою волю, чтобы он не трясясь и, упаси боже, не упал в обморок от ужаса. Древнее колдовство пахло страхом, подобно хищникам. По крайней мере, в течение своей жизни киммериец не однажды убеждался в этом.

Был ли это человекозмей из Валузии? И чешуя и глаза — все говорило за то, что Конан не ошибся. Но были и свидетельства обратного. Статуя напоминала старого наемника, уставшего от долгой неблагодарной службы под командованием тех, чьи кулаки были скоры на расправу. Однако человек, служивший скульптору моделью, был из тех, кто верил своему командиру и всегда был готов следовать за ним. Если это человекозмей-валузиец, то у парня, по всему видно, гордости и достоинства хоть отбавляй. Хотя это и сам скульптор мог постараться! (Однажды в Аргосе Конан заказал себе портрет. Когда он увидел, что сотворил художник, он вышвырнул рисунок в окно, а следом полетел и сам художник.)

Более всего Конана беспокоило не то, что являла собой статуя. Его беспокоило само ее существование. Неужели Скира оказалась столь коварной, что воспользовалась разговорами на расстоянии только для того, чтобы отправить его и его отряд в пещеру, где находился этот каменный истукан, которого ее отец собирался оживить? Оживить и сделать непобедимым воином пиктов. Оживить ценою жизни Конана и его отряда.

При этой мысли пещера показалась Конану даже холоднее, чем ночь снаружи, а колдовской свет — еще более зловещим. Конан поборол в себе желание вступить в круг и сбросить статую с постамента. Если бы та разбилась, вряд ли

всей магии Лизениуса хватило бы, чтобы оживить...

Конан прыгнул в круг и изо всей силы долбанил статую. С таким же успехом киммериец мог бы бросаться на стены пещеры. Три раза Конан накидывался на статую, и три раза статуя встречала его удар, даже не дрогнув. Единственное, чего добился киммериец, — посадил себе новые царапины и синяки.

— Конан! — сказал наконец Бовену. — Долго ты еще собираешься испытывать терпение богов?

— До тех пор, пока им это все не осточертит и они не поразят меня гневом. Либо не помогут мне обрушить эту проклятую статую, — прорвичал киммериец. Однако больше наседать на каменного истукана он не стал.

Он находился внутри круга, но не заметил там ничего подозрительного. Однако в воздухе явно чувствовалась сила — сила великая и древняя. А если она, как надеялся варвар, и ослабела за бесконечную вереницу лет, то все еще была смертоносной.

Конан угрюмо глянул на статую. И тут ему почудилось... Проклятье! Следы, оставленные на камне пыльными подошвами киммерийца вдруг вспыхнули мертвенным пламенем и в мгновение ока исчезли. Что за бред? Наверное почудилось... Но тут варвар заметил, как ошарашенно пялится на каменного исполина Бовену, и понял — нет, колдовство произошло на самом

деле. Они оставили лежать трупы там, где бросили их, и пошли назад.

— Пусть теперь статуя препирается с духами упрямых пиктских парней, — заметил Конан.

Они были уже на полпути к наружной пещере, когда киммериец услышал пиктские барабаны и боевые кличи, а затем значительно более громкие и близкие, возбужденные голоса бамула. Конан с Бовену переглянулись и со всех ног бросились вперед.

Лизениус возблагодарил богов, которым не возносил молитвы в течение уже многих лет, за то, что два заговора, в которых он сейчас более всего нуждался, можно было сотворить внешне совершенно неприметно.

Займись он магией открыто, это встревожило бы пиктских охранников. Тут они вспомнили бы о его репутации, и в дело пошли бы кулаки, копья, стрелы и ножи. А на хакана, посланного Вурог Йаном, заклятия вообще не оказывали никакого действия. Лизениус увидел это существо сидящим на корточках на противоположной стороне костра. Глаза чудовища горели, как адские угли. Стоит прийти команде от его хозяина, как чудовище тут же бросится через костер и в мгновение ока вонзит клыки в горло Лизениуса.

В тот момент, когда он осмелится пошевелиться или произнести слово, решил Лизениус, с этим чудовищем и всеми его сородичами будет

покончено. Без этих тварей шаман настолько потеряет свои колдовские силы, что превратится в простого мошенника.

Лизениус собрался с мыслями. На этот раз, несмотря на тревогу, ему удалось полностью сосредоточиться на статуе, что находилась в пещере, и вместе с тем не утратить контроль над окружающим.

— Клянусь Силой Семи Вод и Пяти Гор, клянусь Ибисом, Митрой, Кромом и Сэтом, клянусь Проклятием Нерожденного Феникса!

Слова страшного заклятия гулко отдавались у него в мозгу, будто голова волшебника стала пещерой, где герольд зычно выкрикивает послание. Лицо Лизениуса оставалось неподвижным — маска, способная скрыть за собой всю магию мира; дыхание его было ровным, руки неподвижно лежали на коленях, будто спящие младенцы, которых он как-то показывал Скире, когда той было пять лет.

Тем уголком сознания, который еще не был поглощен магией, Лизениус вновь, с новой силой, вознес молитву. Но на этот раз не кому-то конкретно. Он просто молил всех богов, чтобы его ночная работа удалась и чтобы сам он остался таким, как был, и смог еще раз, в который уже раз, удивить свою дочь. Ему не хотелось изменяться. Да и много ли ему надо? Всего-то один день, наполненный прежней любовью дочери, — этого было бы более чем достаточно.

О большем он просить не мог. Слишком многое лежало теперь между ними. Скира перестала быть девочкой, если, конечно, верить ее «голосу призраку».

И хотя многое и прежде разделяло их, Лизениус ясно видел: он еще найдет способ отомстить за смерть жены. Он обязан сделать это: его прекрасная супруга заслуживала и большего. Но сделает он это так, чтобы больше не подвергать Скиру риску. Он не имел права причинить ей какой-либо вред. Сперва нужно оградить от опасностей дочь, а после этого Лизениус начнет свою последнюю битву, не рискуя в ней уже ничем, кроме собственной жизни и рассудка.

А не воспользоваться ли кристаллом Траза?! Возможно, это тоже было опасно. Но это сильно облегчит его задачу: в этом случае статую можно будет оживить одной лишь силой воли, не принося кровавой жертвы.

Лизениус знал, что драгоценность находится в палатке. Мысленно он прикоснулся к ней. Колдун не осмелился силой своей воли перенести сокровище сюда. Нельзя давать пиктам ни малейшего повода заподозрить, что под носом у них нынче ночью творится магия.

Кроме того, эти дикари, скорее всего, и не представляют, для чего нужны кристаллы Траза. Их собственная магия ничего не знает о таких вещах. Чем дольше Лизениус сохраняет тайну кристалла, тем лучше для его начинания.

— Клянусь Пятой Стихией, подвластной воинским богам, имя которой Муд. Клянусь Иштар и Семирамис...

Лизениус слегка пошевелился, облизал сухие губы и глубоко вздохнул. Что-то очень далекое коснулось его сознания. Колдун открылся.

В далекой пещере, что находилась на земле клана Змеи, статуя пошевелилась на своем постаменте.

Глава восемнадцатая

Даже острый слух киммерийца не предупредил его о том, что статуя начинает оживать. Пикты вопили так, что их вой заглушал все прочие звуки: крики раненых и умирающих, боевые кличи бамула и даже собственные боевые барабаны.

Пока ни один из бамула еще не был убит. Продолжали сражаться даже воины, раненные во время стычки на склоне холма. Нелегко сражаться в сидячем положении. Впрочем, те, кто не мог ходить, все равно вынуждены были драться. Однако стрелять из короткого пиктского лука сидя можно было ничуть не хуже, чем стоя. Пикты пытались ворваться в пещеру, полностью заполонив собой проход, так что попасть в них мог бы и слепой. Куда ни ткни, хоть целись, хоть наугад, все равно попадешь во врага.

Конан бросился в бой со страшным киммерийским кличем, от которого эхо заметалось

меж стен пещеры. На мгновение этот рев заглушил все, даже многоголосый вой пиктов. Взбадривая себя перед боем, Конан выхватил меч и кинжал, отшвырнув прочь лук и колчан со стрелами.

Один пикт прорвался сквозь переднюю линию обороны бамула, удачно избежал копий второй линии и ринулся прямиком на Конана. Киммериец, не раздумывая слишком долго, пнул его между ног. Его противник согнулся пополам, издав хриплый стон. Зажав кинжал в кулаке, Конан нанес ему удар по затылку. Киммериец убивал пиктов с такой же легкостью, с какой мастиф убивает крыс, испытывая при этом столько же сожаления.

Еще два пикта попытались повторить подвиг своего товарища, но нашли смерть на бамульских копьях, и скала под ногами сражающихся стала еще более скользкой от крови.

Конан сражался все более и более ожесточенно. Теперь он бился и вовсе как дьявол. Пикты ринулись вперед, пытаясь смять первую линию обороны, заставить бамула смешаться и направить беспорядочную толпу прямиком на Конана. Сейчас бамула держались исключительно благодаря нечеловеческой силе варвара. Конан стоял, широко расставив ноги. Держа кинжал в левой руке, он колол им, вспарывал животы, пронзал легкие, перерезал глотки. Правой рукой с зажатым в ней мечом он рубил головы, рассекал руки и ноги.

— Держитесь, болваны! — ревел киммериец. — Смотрите внимательнее! Не позволяйте им пробивать бреши! Не расходитесь в стороны! Не позволяйте им наваливаться на вас всем скопом!

Справа к Конану приблизился Бовену, слева Говинду. Оба яростно сражались. Копья плясали в их руках, выискивая малейшие изъяны в защите противников. Бросив взгляд в сторону, киммериец увидел, что Вуона тоже дерется, но положение у нее было не самое удобное — пикты прижали ее к стене. Только что один из них, похоже, был поражен ее копьем в живот. Не успел Конан перевести взгляд, как она уже нанесла смертельный удар второму. Умирающий бросил на Вуону взгляд, исполненный священного ужаса.

Наконец пикты начали подаваться под напором шеренги копий. Прежде чем началась вторая атака неприятеля, Конан поспешил перебраться сперва в первую линию бамула, а затем и вовсе встал перед строем своих воинов. Пикты как раз бросились в новую атаку, когда перед ними возникла гигантская фигура киммерийца. Прошло несколько секунд, и сталь меча Конана стала красной от крови врагов. Он рубил, рассекал плоть, бил ногами, подбадривая себя воинственными кличами. Не прошло и нескольких минут, как вокруг киммерийца громоздились лишь трупы. Человек двадцать пиктов полегли в схватке с непобедимым варваром. Некоторые из

поверженных стонали, пока Вуона не перерезала им глотки. Были и такие, что поползли к выходу из пещеры. Там они становились хорошей мишенью для лучников.

Весь пол пещеры был завален изрубленными, исколотыми телами, стал мокрым и скользким от крови. По счастью, это пролилась в основном вражеская кровь. Всего лишь несколько бамула получили незначительные ранения, что никак не повлияло на их готовность сражаться дальше. Стрелы больше не летели в пещеру. Но это ничего не значило. Киммериец на своем веку повидал немало битв, чтобы понимать, что такие сражения выигрывают не лучники.

Конану казалось весьма сомнительным, что бамула выйдут из этого боя победителями. Слишком уж неравны силы. Оставалось надеяться лишь на одно. Клан Совы потерял столько воинов, что наверняка обратит свою ярость на Лизениуса и Скиру, дабы отомстить за поражение. Но тешить себя несбыточными иллюзиями — значит становиться еще слабее...

Снова послышался какой-то царапающий звук, теперь ближе. Конан бросил взгляд в туннель, ведущий в глубь пещеры, и увидел, что вдоль стены крадется темная фигура. Деталей киммериец разглядеть не смог: с того места, где он стоял, можно было различить лишь черное пятно на фоне чуть менее черной стены. Всякий раз, когда раздавался этот скрежет, пятно двигалось.

Внезапно все звуки стихли и донесся долгий хриплый вой. Из туннеля показалось что-то более основательное и массивное, чем тень. Неизвестное качнулось к стене и на мгновение прижалось к ней, затем оттолкнулось и сделало еще один скрежещущий шаг.

На сражающихся шла статуя! Ее шатало, как пьяного пирата, но ни один пират не был столь велик ростом. Теперь Конан ясно видел: то, что он принял за чешую, оказалось плотно облегающей, закрывающей все тело кольчугой. Лицо каменного истукана оставалось, как и прежде, бесстрастным и лишённым выражения, а глаза... Такие глаза могли принадлежать разве что статуе: на человеческом лице они производили бы странное впечатление.

Конан опомнился и быстро оценил ситуацию. Относительно статуи он находился в самых задних рядах бамульских воинов. Сила человеческих мышц и стали бы была столь же бесполезна против двигающегося каменного монстра, как и против неподвижного, — там, в глубине пещеры, киммериец уже убедился в этом. Впрочем, хороший толчок мог бы, пожалуй, уронить статую. Сможет ли она после этого подняться самостоятельно?.. Кто знает.

Конан увидел испуганные глаза бамула. Большинство из них теперь было обращено назад, в сторону туннеля, а не на выход из пещеры, за которым были враги. Если бы каким-то чудом лежащие на полу трупы пиктов вдруг ожили, им

бы не составило сейчас никакого труда разделаться с Конаном и его отрядом. То же можно было сказать и о живых дикарях, тех, что были снаружи. Они наверняка победят, если бамула сейчас лишатся мужества и предпочтут смерть или рабство встрече с чудовищным созданием Черной магии.

Если бамула побегут, их будет уже не остановить. Конан понимал это и не спешил с упреками: можно ли вообразить что-либо более ужасное, чем смерть от колдовства. Разве что гибель от рук пиктов.

Статуя все приближалась. Глаза бамульских воинов раскрылись уже так широко, что шире раскрыть их было просто невозможно. Некоторые покрылись потом, несмотря на холод ночи и сырость, царящую в пещере. Говинду, похоже, был единственным, кто следил за входом, держа копье в руке. Единственному из всех, ему не изменила выдержка в этих ужасных обстоятельствах.

Один из лучников послал стрелу. Статуя находилась на таком расстоянии, что в нее попал бы любой: и слепой, и увечный, и ребенок. Стрела угодила в грудь, и наконечник исчез с внезапным треском, сопровождающимся ослепительно-голубой вспышкой. Несколько мгновений по всей поверхности каменного исполина танцевало голубоватое пламя, а затем и оно исчезло.

На Конана и его отряд пахнуло запахом серы, заставившим всех закашляться. Глаза за-

слезились. Древко злополучной стрелы с глухим стуком упало на пол, обгоревшее на треть. Дымок от него поднимался до тех пор, пока на остатки стрелы не опустилась ступня статуи, оставив за собой лишь растертые в порошок угли.

Даже мужество киммерийца не помогло ему. Он содрогнулся при мысли о том, что может случиться с любым человеком, коснись он статуи обнаженной сталью. Возможно, сталь истает или с ней случится что-нибудь еще. А что будет, если коснуться этой статуи голой рукой? Что произойдет с руками? И что будет с руками, держащими меч?

Похоже, одновременно с Конаном эта же мысль пришла в голову еще одному бамула. Этот воин побежал вперед, а когда достиг статуи, подпрыгнул, выставив вперед руки и пытаясь схватить ее за руку. Видимо, он хотел использовать момент, когда статуя делала шаг, и сбить ее с ног. Будь на месте статуи человек, этот номер прошел бы, но с каменным истуканом подобные штуки проделывать бесполезно.

Это стало ясно в следующее мгновение. Бамульский воин прыгнул и вцепился статуе в руку. Рука поднялась, увлекая за собой бамула, пока ноги его не повисли в воздухе. Казалось, будто сынок-хлюпик уцепился за руку здоровяка-папаши.

— Отпусти ее, ты, идиот несчастный! — заревел Конан.

Слишком поздно! Другая рука статуи совершила движение, столь стремительное, что даже глаз киммерийца не успел за ним проследить. Каменный кулак ударил бамула по затылку. Чепреп воина раскололся, как орех. Кровь, мозги и кости полетели во все стороны.

Теперь статуя держала несчастного обеими руками. Конан увидел, что убившая воина рука была вся покрыта красным. Кровь! Но красная краска исчезала, будто кровь впиталась в камень, точно вода в песок пустыни. Другая рука сжалась так сильно, что пальцы исчезли в теле несчастного воина. Но удивительно — крови не было.

Мгновение спустя Конан увидел, что мертвый бамула СЪЕЖИВАЕТСЯ. Кожа его сморщилась, будто виноградина, которая слишком долго пролежала на солнце. Товарищи несчастного смотрели на него, от ужаса не в силах издать ни звука, наблюдая, как мертвый бамула все усыхает и усыхает, пока то, что некогда было человеком, не превратилось в мешочек высохшей кожи, бессильно висящий в руках статуи.

Не то Конану почудилось, не то это было на самом деле, но статуя стала немного больше, а в глазах у нее появился свет, которого прежде не было.

Нет, ему не показалось! Более того, этому имелось объяснение. Оно могло бы выглядеть безумным. Но речь шла о колдовстве, а все, что связано с колдовством, всегда безумно, и потому

даже нелепой догадкой не следовало пренебречь. Каменный монстр был приведен в движение каким-то заклятием, без жертвоприношения. Видимо, Лизениусу каким-то образом удалось обойти это условие и не пролить крови. Но это не означало, что крови не будет вообще. Статуе нужны были жертвы, без этого она не могла обходиться. И поскольку жертв ей принесено не было, статуя вознамерилась добыть необходимое сама.

В настоящий момент каменный истукан не был занят поисками жертвы. Еще один воин бросился к статуе, и, прежде чем Конан успел ей предостерегающе крикнуть, бамула поднырнула под протянувшиеся к нему руки и выпрямился, невредимый, за спиной у монстра во весь рост. Непонятно, зачем ему это понадобилось, если считать, что попытка взять статую голыми руками столь же тщетна, как и стремление убить ее сталью.

Однако пример бамульского воина показал, что от статуи вполне можно увернуться, очистив ей тем самым путь к выходу из пещеры на склон холма, где ее уже ждали пикты. Похоже, Лизениус контролировал статую ничуть не больше, чем контролировал клан Змеи. Оказавшись на свободе, каменный монстр будет истреблять пиктов и гиперборейцев с одинаковой яростью. Статуе все равно. Ей просто нужна была плоть. Рано или поздно она, следя своим кровавым путем, удалится подальше от пещеры. У Конана и

его людей появляется, по крайней мере, надежда.

Как бы то ни было, один бамульский воин уже погиб. В сердцах Конан обложил страшными проклятиями всех стигийцев. Подумать только, терять людей, когда он и его отряд уже на половину выбрались из пиктских краев! И как потерять!

Ладно, теперь пусть страдают пикты. А пока статуя будет гоняться за дикарями по лесам, Конан со своим отрядом может возобновить свой путь на юг, к границе. А Лизениус со Скирой пусть сами расхлебывают кашу, которую заварили.

Складывалось такое впечатление, что сейчас статую заботит лишь одно — выбраться из пещеры. Теперь она, похоже, не собиралась предпринимать какие-либо усилия и выискивать себе новые жертвы. Один за другим Конан со своими людьми проскакивали мимо каменного монстра. Одному, правда, не слишком повезло. Рука статуи молниеносным движением успела схватить его за волосы. Впрочем, этим дело и ограничилось: чудовище не делало никаких попыток притянуть человека ближе к себе или схватить его другой рукой. Рыча от боли и осыпая все проклятиями, бедолага вырвался, пожертвовав прядью волос.

Вуоне удалось миновать опасность, затем проскочили еще трое. В конце концов между статуей и входом в пещеру остался один Конан.

Монстр стоял так близко от него, что киммериец мог бы коснуться его кинжалом, потрудившись он вытянуть руку. Однако Конану и не пришла в голову мысль заниматься такими глупостями. Он собрался, будто пантера перед прыжком, и бросился вперед.

Прокатившись по земле, Конан нанес удар обеими ногами статуе под колени. Каменный монстр покачнулся. Удар пронизал киммерийца кинжалной болью. Конана отбросило назад, и он ударился головой о камень. Сделав невероятный кульбит, киммериец все-таки умудрился вскочить на ноги, проверив сперва одну ступню, а потом другую, чтобы убедиться, что все в порядке.

Он был невредим, если не считать нескольких царапин, на которые сейчас можно было не обращать внимания. Впрочем, и статуя ничуть не пострадала. Неуязвимая и непобедимая, она прошла по телам павших пиктов, небрежно раскидав баррикаду из трупов врагов, которую бамула нагромоздили у входа. Конан наблюдал. Ему было интересно, будет ли статуя впитывать кровь, плоть и кости мертвых пиктов. Но увы! Каменный монстр только отбрасывал тела в сторону или топтал их. Кости трупов трещали под неимоверным весом.

— Нелегко будет убить ее, я думаю! — проговорил Говинду.

Конан вздрогнул при звуке человеческого голоса. Он понял: это оттого, что за все это время

никто не произнес ни слова. Последним звуком был страшный крик киммерийца, пытавшегося предупредить безрассудного бамула.

— Пригответься, мы выбираемся из пещеры, как только эта дьявольская игрушка набросится на пиктов! — сказал ему киммериец. — Я пойду первым! Вы за мной! Вряд ли у нас будет шанс лучше! Сейчас пикты будут слишком заняты статуей.

Судя по лицам бамула, они сильно сомневались в том, что у них есть какие-то шансы на успех. Впрочем, Конан не собирался препираться. Судя по страху, который статуя нагнала на него и храбрых чернокожих воинов, пикты, должно быть, сейчас улепетывают, не помня себя от ужаса. У дикарей явно не будет никакого желания возиться с теми, загнанными в угол, кто уже почти распроштался с жизнью. А Конан понимал, что ему и его бамула действительно терять больше нечего.

Шаги статуи начали затихать, когда та скрылась за камнями, нагроможденными у входа в пещеру. Сейчас призрачный голубой колдовской свет, что пытал в пещере, уже не освещал статую, но Конан мог бы поклясться, что монстр светился и сам. Очень скоро чудовище выйдет из-за валунов и предстанет перед пиктами.

— Пригответься бежать так, как никогда не бегали прежде! Если кто споткнется, мы не брошим в беде, но просто так останавливаться не будем.

Даже те, кто едва мог ходить из-за ран, кивнули. Кром свидетель, для последней битвы лучшей компании, чем эти чернокожие воины, придумать трудно. Будь их не двадцать человек, а двадцать тысяч, Конан с удовольствием взялся бы за задачу извести под корень пиктское племя, сделав тем самым неоценимый подарок боссонитам.

Вряд ли Лизениус мог описать, отчего, в конце концов, статуя ожила, да к тому же вышла из-под контроля. Ни на одном из человеческих языков не было слов, которые могли бы передать его ощущения. Что до статуи, то она действительно, похоже, неуправляема. По крайней мере, ему, находящемуся в лагере на расстоянии в полдня пути от пещеры, она не подчинялась. Если так, то, несомненно, каменное чудовище представляет собой угрозу. Если статуя угрожает пиктам, то, без всякого сомнения, угрожает она и его дочери Скире, по крайней мере до тех пор, пока хаканы Вурог Йана будут держать ее в лагере клана Совы...

Настала пора отправляться туда, где он нужен. Лизениусу ни разу не приходилось использовать заклинание Переместителя, находясь в столь неподготовленном состоянии и в такой неудобной обстановке, будучи на виду у множества свидетелей. Впрочем, ему ни разу еще не приходилось пользоваться Переместителем самому. И никогда не доводилось осуществлять переброску

на такое короткое расстояние. Опасностей было две. Первая. Его могут схватить в тот самый момент, когда он сотворит заклятие. В этом случае, если его не попытаются прикончить на месте, то могут выследить и отправиться за ним сквозь Ворота Переместителя. Хуже всего быть обнаруженным, творя заклинания. В этот момент он беспомощен. Так что сейчас оставалось лишь молиться, чтобы этого не произошло.

Что касается второй опасности, то Лизениус сомневался, что статуя уничтожит Конана или большую часть бамула, до тех пор пока отряд возглавляет киммериец. У Лизениуса мелькнула мысль, что если уж выдавать дочь замуж за военного вождя, то этот варвар на голову выше всех пиктов. И не только благодаря своему росту. Если отряд Конана до сих пор еще жив и способен сражаться, любой пикт, который сможет последовать за Лизениусом сквозь Ворота Переместителя, вряд ли проживет дольше нескольких секунд, появившись в пещере.

Для медитации Лизениус выбрал такую позу, какая, как ему казалось, не вызовет у пиктов особого подозрения. Хотя время от времени дики и бросали на него косые взгляды, но после снова возвращались к своим занятиям (точнее, к своему обычному безделью). Один из них недолго отошел от своих товарищей и вернулся с несколькими бурдюками пива. Лизениус заставил себя отвернуться — от кислой пивной вони его чуть не вытошило.

Имена богов, которые редко произносят вслух и никогда не призывают в открытых храмах и которые со временем падения Ахеронской империи находятся под запретом, вертелись в голове Лизениуса, не срываясь, однако, с его губ. Никто не заметил, как пространство вокруг начало окрашиваться золотым, до тех пор пока спиральное свечение не стало внезапно столь плотным, что Лизениус практически изчез за его завесой.

Один дикарь в неистовстве бросился в глубь золотой спирали, в то время как его товарищи метали туда копья и уже накладывали стрелы на тетиву. Со сдавленным криком пикт исчез. Когда отголоски его вопля стихли, в небе прокатился удар грома, заставив затанцевать пламя костров, сорвав листья с деревьев и повалив палатку мага.

Затем мрак и тишина вернулись туда, где полукругом стояли потерявшее дар речи дикари, глядя на место, где только что сидел белый шаман.

В тесном пространстве пещеры удар грома был невыносимо оглушительным. Конан, стоявший снаружи, увидел, как бамула схватились за уши и закричали. Киммериец поспешил оглянуться, пытаясь определить, с какой стороны до несся этот звук. На мгновение Конан испугался было, что статуя столкнулась с какой-то магией — либо Лизениуса, либо пиктских шама-

нов — и встретила свой конец как раз в тот самый момент, когда они и отряд бамула уже готовы были выскользнуть из пещеры.

Затем шаги, звон металла по камню и боевой клич пиктов заглушили затихающее эхо грома. Клич исходил ИЗНУТРИ, из тех помещений, где прежде находилась статуя. Киммериец выхватил меч из ножен и помчался туда.

Он ожидал увидеть целый пиктский отряд, приведенный Лизениусом, чтобы ударить в тыл ему и верным бамула. Вместо этого Конан увидел лишь одинокого пикта и — что было уж совершенно поразительным — Лизениуса собственной персоной, сцепившегося с дикарем. Когда киммериец подоспел, пикт уже заносил ржавый бронзовый кинжал, чтобы вонзить его Лизениусу меж ребер.

— Убери в ножны этот меч! — сказал колдун с такой величавостью, на какую только способен человек, оказавшийся в столь неудобном положении. Он посмотрел на умирающего пикта и вытер кровь, струйкой вытекавшую из носа. — Думаю, за мной сюда прошел лишь один сквозь...

— Я думаю, твоя туша будет самыми подходящими ножнами для моего меча! — прорычал Конан. — Разве что мы прямо сейчас быстро разрешим все недоразумения. Слишком уж много их накопилось. Что ты здесь делаешь? Измена твоей дочери — разве этого мало?!
— Моей дочери? ЧТО?

Интересно. В самом ли деле колдун был изумлен, или же он искусно притворялся? Киммериец привык ожидать от этого человека всего, что угодно.

По-прежнему с мечом в руке, Конан отступил на шаг, так чтобы Лизениус не мог истолковать его позу как угрожающую.

— Ладно. Если во всем этом есть что-то, что я должен узнать, для тебя же лучше будет, если ты расскажешь мне все прямо сейчас. Эта проклятая статуя удрала из пещеры и поперлась на пиктов...

— О боги! Этого я и боялся. Она не остановится до тех пор, пока Скира не погибнет. Может быть, пикты расправятся с ней прежде, чем мы подоспевем на помощь. Хотя где уж пиктам...

— Кром! Я уже собрался выслушать тебя, но ты несешь всякую чушь. Что, и дальше собираешься кормить меня загад...

— Прошу тебя, дай мне договорить!

Киммериец видел, что колдуну стоило значительных усилий успокоиться и взять себя в руки. Он решил дать чародею шанс. Пусть договаривает до конца все, что хочет сказать. Колдунов Конан не любил и, случалось, даже убивал их. Он вообще плохо переносил людей, которые бормочут заклятия и плетут интриги, вместо того чтобы, как и подобает мужчине, встретиться с противником в честном бою, если уж не хотят встать на его сторону. Похоже, что сегодняшнее

ночное происшествие вряд ли можно разрешить оружием. Если Лизениус решил затеять новую игру...

А он, кажется, и в самом деле затеял! Или, по крайней мере, решил пожертвовать дочерью ради мести. Трудно было понять, что же ему нужно было от него, Конана. У киммерийца прямо-таки чесались руки так ударить Лизениуса, чтобы рукоять кинжала зазвенела о ребра, а кровь брызнула фонтаном, испятнав все вокруг.

Но усилием воли Конан сдержался. В конце концов, никакой женщине не пожелаешь участи пиктской рабыни. Или того хуже — быть принесенной в жертву. Даже если она предала тебя тысячу раз. В данном же случае вообще было не ясно, предала ли его Скира. Конан, кроме того, понимал, что ходячая статуя предоставляет ему и его отряду единственный реальный шанс выбраться из этих гибельных мест. Шанс был, что ни говори, невелик, но лучше уж что-то, чем вообще ничего.

Так что участие Лизениуса вряд ли могло изменить что-то к худшему. Как, впрочем, и к лучшему.

— Ты меня убедил, — сказал Конан. — Но я и мои люди будем настороже. Еще одна шуточка с твоей стороны, вроде этого грома, — и следующим звуком, который ты породишь, будет грохот вырывающихся из твоего раздувшегося брюха газов, когда тебя ненароком пнет какой-

нибудь трупоед, забредший сюда в поисках вкусненького.

— Это было бы только справедливо, — согласился, отдуваясь, Лизениус. Его пустой, невыразительный голос заставил Конана подумать: а не снедает ли этого колдуна стыд за все то, что натворил он со своим бесконтрольным колдовством? В любом случае, за этим человеком нужен глаз да глаз. Как и за всяkim чародеем, особенно если он изо всех сил набивается тебе в друзья.

— Ладно, пусть будет так, — сказал Конан. — Пора расхлебывать эту кашу. Делай, что сочтешь нужным, а я проберусь наружу и посмотрю, что там поделяет наша каменноголовая подружка. И не удивляйся, если увидишь, что я со своими людьми начну делать что-нибудь странное.

По губам Лизениуса проскользнула ледяная улыбка.

— Ты тоже.

Прия в чувство, Скира увидела Сутаро, стоявшего подле нее. На лице у него была только усталость от битвы. Похоже, Скира его в настоящий момент интересовала меньше всего. В конце концов, он вождь, под его началом воины, о которых необходимо заботиться. Думать о женщинах ему было недосуг. Он не обронил ни единого слова, которое могло бы объяснить ей, что же произошло. Но теперь девушка внимательно

тельно прислушивалась к репликам, которые раздавались вокруг. Она старалась слушать не реальные голоса людей, а их «голоса-призраки». Скира отовсюду собирала информацию о происходящем. Ей давали сведения все, кроме хаканов, которые не умели говорить и которых понимал только их повелитель — шаман.

Ясно, что пока пикты держат ее заложницей, они могут не опасаться ее отца. Впрочем, и ей бояться особенно нечего. Она не может ни умереть, ни убежать. Пока Скира у них, пикты контролируют действия Лизениуса, а это самое важное.

Дочь колдуна не знала, удастся ли ей убежать или придется погибнуть у пиктов в плёну. Но она произнесла клятву, обращая ее ко всем богам, какие только могли услышать: «Сутаро не доживет до завтрашнего рассвета!»

Удивительно, как эта клятва облегчила ей душу! Не в силах покинуть носилок, к которым она была привязана, Скира тем не менее сумела забыться беспокойным сном.

Ее разбудили крики пиктов, в которых слышался скорее ужас, нежели воинственность. Вокруг царила кромешная тьма. Первая мысль, пришедшая Скире в голову, была о том, что воины клана Змей вернулись и нанесли новый удар и что силы Змей настолько превосходят силы Соб, что еще немного — и с отрядом клана Собы будет покончено. Мысль о том, что пикты забьют ее, как лосося, бросив на плоский

камень и выбив мозги из головы, заставила сердце сжаться.

Она прикладывала героические усилия, пытаясь освободиться, пользуясь тем, что пока на нее не обращали внимания ни охранники, ни хаканы. Впрочем, хаканов сейчас нигде видно не было. Возможно, они затаились где-то поблизости, в лесу. Скире удалось высвободить руку и ногу из-под ремней, удерживающих ее на носилках. После этого она смогла повернуть голову и посмотреть вверх на склон холма.

Из отверстия пещеры изливалось голубое сияние. В отблесках колдовского огня маячила высоченная черная фигура. На мгновение Скире подумалось, что это Конан. Но затем она заметила, что фигура движется слишком медленно и скованно. Ни одно живое существо так не ходит. Стало быть, статуя все-таки была оживлена и теперь выбралась из пещеры, очевидно действуя бесконтрольно.

Внезапно ночь показалась ей более холодной и темной, чем минуту назад, а ветки нависших над носилками деревьев будто бы ожили и теперь тянули свои сучья, как когтистые лапы, дабы схватить ее с носилок, вознести вверх и разорвать на части, как глупый ребенок, рассердившийся, рвет тряпичную куклу...

Скира закусила губу, чтобы удержать готовый было вырваться у нее крик безнадежного отчаяния. В уме она лихорадочно перебирала заклинания, которыми могла бы сейчас воспользоваться.

ся. Что можно применить, не прибегая к кристаллу Траза, волшебным травам или ритуальным предметам?

Но ее размышления были прерваны. Пикты наконец набрались мужества и приблизились к статуе. По крайней мере один из них — точно. Скира заметила его фигуру возле гигантской черной тени. Оба силуэта четко вырисовывались на фоне голубого сияния, льющегося из пещеры. Скира увидела, как маленькая фигурка человека взметнула копье — непонятно, в знак приветствия или бросая вызов.

Затем статуя пошевелилась. Теперь ее движения не были медленными и неуклюжими. Наоборот, они были стремительными и ловкими, как движения киммерийца. Одна рука встретила копье, ухватив его за наконечник. Шар голубого света поглотил и наконечник копья, и руку. Пламя охватило древко. Пиктский воин взмыл и попытался отскочить назад.

Но не тут-то было! Другая рука статуи ухватила пикта за плечо. Дикарь снова испустил отчаянный вопль. На этот раз это был крик агонии. Статуя рывком подняла человека в воздух. Скира видела, как пикт яростно бьет ногами. Затем силуэт жертвы начал менять форму, он скручивался и съеживался причудливым образом. В ужасе Скира смотрела, как пиктский воин превращается в высохший кожаный мешок. Затем статуя отбросила его, словно жухлую фруктовую кожуру.

Неописуемый ужас слышался теперь в криках остальных дикарей. Они подались назад и начали метать копья и стрелы с расстояния, которое они, несомненно, считали безопасным. По всей каменной фигуре прокатились и запылали голубые вспышки. В дьявольском синеватом пламени без следа исчезали наконечники копий и стрел. Вокруг статуи начало распространяться облако удущившего дыма.

Дождь копий и стрел, похоже, не причинил каменному монстру ни малейшего вреда. Он замер, не двигаясь ни вперед, ни назад, потом внезапно поднял вверх обе руки. По рукам пробежали голубые искорки, а из обоих глаз ударили молнии. Впрочем, удар молний был неточен. Некоторые оставили после себя лишь дымящиеся проплешины на склоне холма.

Другие же нашли себе жертв. Ими стали удирающие пикты! Молния неслась вдогон убегающим воинам, разливая вокруг потоки магического света. Пикты спотыкались, падали, корчились в страшных конвульсиях, будто их душили невидимые удавки. Из глоток несчастных вырывались нечеловеческие вопли, которые достигали ушей Скиры, на какое-то время заглушая треск разрядов. Казалось, в пиктах вспыхивало пламя, зарожденное внутри их утробы той яростью и свирепостью, которая в них кипела. Затем молнии исчезли. Остался лишь дым, расползающийся по земле. Дым и обугленные трупы, разбросанные по склону холма.

Наконец Скира нашла подходящее заклинание. Если ей удастся мысленно выйти за пределы тела и если пикты не ворвутся в ее палатку...

Вот. Получилось. Мысль Скиры протянулась сквозь мили и коснулась кристалла Траза. Она мысленно взяла кристалл, делая это с предельной осторожностью. Это было такой же трудной работой, как взять яд у змеи (змеиный яд был необходим для некоторых заклятий, как правило, Черной магии, запрещенной повсюду, кроме Стигии).

Дочь колдуна сейчас так сосредоточилась на кристалле, что не заметила темной фигуры, появившейся у входа в пещеру за спиной у статуи.

Конан повел свой отряд вниз по склону в молчании, хотя голубые молнии, исторгаемые статуей, разрывали ночную тьму куда чаще, чем ему бы хотелось. Пока что, на свое счастье, они никого не встретили. Оставалось только надеяться, что все увеличивающаяся активность статуи отвлечет внимание пиктов, но вместе с тем не обратит дикарей в паническое бегство.

Этого Конан и боялся. Кроме того, опасался он также измены со стороны Лизениуса. У киммерийца слишком мало людей, чтобы броситься в погоню за Скирой и ее хаканами через ночной лес. И без того воинам бамула пришлось бы разделиться на отряд, спасающий Скиру, и вспомогательный отряд, которому надлежит охранять

Лизениуса от пиков и заодно приглядывать за колдуном, ибо Конан не был уверен, что тот не совершил какой-нибудь каверзы, окажись у него такая возможность.

Бамула уже научились ходить по каменистым склонам так же бесшумно, как и по своим родным джунглям. Ни кашля, ни каких-либо иных звуков не доносилось от чернокожих воинов, крадущихся по склону. Лишь изредка камешек выкатывался из-под ноги кого-нибудь из бамула. Впрочем, бамульские воины могли двигаться более шумно и все равно оставаться незамеченными за грохотом волшебной статуи и криками пиков.

За пределами смертельного круга, созданного статуей, снова навалилась темнота, и к Конану вернулось его ночное зрение. И киммериец сразу заметил одинокую фигуру, стоящую возле дерева, а за фигурой — тени, силуэты которых не были похожи на человеческие. Был ли это обман зрения или действовала какая-то магия? Здесь нельзя быть уверенным ни в чем.

Впрочем, начинать надо было с фигуры того, кто стоял под деревом. По крайней мере, внешне он напоминал человека. Судя по головному убору, это был к тому же и вождь. Обстоятельства складывались как нельзя лучше. Появлялась реальная возможность убить вождя пиков, обезглавив отряд дикарей, и так уже находящийся почти в состоянии паники из-за действия Черной магии.

Знаками и шепотом Конан приказал бамула следовать за ним. Местность, куда он направился, давала больше возможностей для укрытия, так что можно было подобраться почти вплотную к стоящему вождю.

К несчастью, это же укрытие выбрали для себя и пикты. И было их там немало. Конан внезапно обнаружил, что находится на расстоянии вытянутой руки от скорчившегося дикаря. Киммериец отпрянул. Рука его непроизвольно зацепила какой-то сучок. Как раз в это мгновение наступила внезапная тишина. Треск сломанного сучка долетел до ушей пикта.

Дикарь вскочил на ноги. Киммериец сделал то же самое. Кинжал Конана описал смертоносную дугу, завершив полет в груди дикаря. Брызнула кровь. Пикт беззвучно упал. Но на беду, рядом с пиктом находился его сотоварищ. Этот вскакивать не стал, а только заорал во всю глотку, пока бамульское копье не успокоило его на века.

Мгновенно весь склон ожил. Повсюду возникли пикты, будто грибы после дождя. Каждый из них обладал хитростью и военным опытом и был вооружен до зубов всем возможным оружием, какое только можно себе представить. И все они находились между Конаном и пиктским вождем, что стоял у дерева.

Киммерийский боевой клич остановил кое-кого из пиктов на мгновение. Но Конану и этого было достаточно. Он оценил самое уязвимое

место в их линии. Туда он и бросился. Меч и кинжал отсвечивали колдовской голубизной — статуя продолжала метать молнии. За Конаном помчались с обеих сторон верные бамула, оглашая ночь боевыми кличами и орудуя обагренными кровью противника копьями с силой и яростью безумцев.

Похоже, неистовая атака Конана и его отряда сильно поубавила у пиков мужества. Двоих противников Конан поверг оземь, столкнувшись с ними на бегу. Перепрыгнув через поверженных дикарей, Конан ударил кинжалом налево, а мечом рубанул направо, где как раз, на свою беду, возникли из темноты два пикта.

Кинжал вонзился меж ребер. Меч отсек занесенную руку и снес верхушку черепа. Пикт с отрубленной рукой умер через несколько секунд, когда подбежавшая Вуона размозжила ему череп пиктской боевой дубиной.

— Что ты здесь делаешь? — рявкнул на нее Конан.

— Вряд ли мне удастся когда-либо еще по быть воином.

— Впрочем, как и кем-либо другим, если мы с тобой будем тут стоять и трепать языками, когда на нас, того и гляди, навалятся пикты, — пробормотал Конан.

Похоже, на женщину его слова не произвели никакого впечатления. Мгновение спустя несколько пиктских воинов набросились на них обоих, и стало уже не до разговоров.

Один бамула упал. Насколько Конан мог судить, взглянув на раны, вряд ли ему удастся когда-либо подняться. Но вокруг него мертвыми лежали четыре сраженных пикта. А пятый уполз, бессильно волоча за собой ногу. Меч киммерийца навсегда исцелил его отувечья.

Теперь между Конаном и вождем пиктов никого не было. Тот и другой поняли это одновременно. Вождь повернулся. И вовремя. Конан уже приготовился не только убить вождя, но убить позорно, обесславив раз и навсегда в глазах воинов-пиктов, нанеся неглубокую рану пониже спины.

В последний момент вождю удалось увернуться и сделать выпад в сторону Конана коротким гандерским мечом. Киммерийцу понадобилась вся его ловкость, чтобы избежать смертельного удара. В следующее мгновение Конан уже вплотную подобрался к пиктскому вождю.

Кулак Конана с зажатым мечом врезался в лицо вождя. Оружие утяжелило удар, будто касетт. Голова пикта дернулась назад. Вождь снова попытался провести атаку. Киммериец почувствовал, как вражеский клинок вскользь полоснул по ребрам. И в этот момент пиктский вождь занес меч для нового выпада.

На этот раз Конан увернулся. Кинжал он сжимал в левой руке. Лезвие вонзилось пикту в горло. Третья попытка лишить киммерийца жизни закончилась булькающим хрипом его врага. Короткий гандерский меч зазвенел о камни.

Пикт машинально потянулся за ним. Тут Конан нанес противнику могучий удар ногой в лицо, достаточно сильный для того, чтобы сломать тому шею.

С противником-человеком было покончено. Перед Конаном стояли три хакана, а позади них к носилкам была привязана Скира. Еще дальше статуя, вся освещаемая вспышками молний, истребляла пиков. А в пещере, откуда лилось голубое сияние, трудился Лизениус.

Даже хаканов мог напугать киммерийский боевой клич. Этот клич послужил для уцелевших бамула сигналом сгрудиться вокруг вождя. Подобный сжатому кулаку, спасательный отряд Конана ринулся к Скире.

Глава девятнадцатая

Лизениус знал, ЧТО нужно сделать. Равно как и знал, КАК это сделать. При условии, что Скира не находится больше среди пиктов. Единственное, чего он не знал, — какую цену ему придется заплатить. Впрочем, до момента расплаты он и не ожидал ее узнать. В магии всегда так. Цену узнаешь лишь в тот миг, когда настает пора платить.

Ему нужно было лишь изгнать из своего сознания мысль о том, что Скира может быть мертва. Если бы она умерла, то колдун обязательно получил бы ее последнее предсмертное послание.

При условии, конечно, что дочка поняла замысел отца. Если же не поняла или же умерла слишком быстро, не успев произнести ни одного заклинания...

А у Конана, увы, нет «голоса-призрака», который мог бы сообщить Лизениусу правду...

Колдун застонал. Грохот, производимый статуей где-то снаружи, казалось, послужил эхом к этому стону.

У Скиры к тому времени были свободны обе руки и одна нога. Освободиться полностью она могла в любой момент, но сохраняла ремни, чтобы не вызывать подозрения. Возможно, ей не удастся освободиться достаточно быстро, чтобы убежать от хаканов, если они будут предупреждены. В противном случае магия, темнота, грохот, производимый статуей, — все это создаст необходимую суматоху, чтобы тугодумные хаканы не заметили ее передвижения.

В свободной руке она сжимала кристалл Тра-за. До сего времени никто не видел у нее этого кристалла и тем более не подозревал о его природе. Но в любой момент обстоятельства могут измениться. Скира лежала неподвижно, сосредоточившись на своем дыхании и мускулах, дыша тихо и спокойно, стараясь расслабиться, чтобы из тела ушла предательская дрожь. Никогда девушка не ведала такого страха, какой овладел ею сейчас. Однако сейчас Скира чувствовала, что в ней есть сила, которая МОЖЕТ победить этот страх.

Между ней и склоном холма пиктов больше не было. Они будто испарились. Однако дочь колдуна старалась не смотреть на статую. Все внимание Скиры было сосредоточено на гигантской живой фигуре, неуклонно движущейся впе-

ред. Вот он сразил Сутаро (она не осмелилась порицать Конана, лишившего ее удовольствия сделать это своими руками)... Вот он подходит ближе...

Двое хаканов наклонились, чтобы поднять носилки. Скира приготовилась резким рывком освободиться от ремней. Имея в своем распоряжении кристалл, она торопилась вступить в схватку. Внезапно два наклонившихся над ней хакана замерли. Казалось, они к чему-то прислушиваются.

Затем два чудовища бросились на Конана, а третий склонился над Скирой, вцепившись в ремни, удерживающие ее запястья и лодыжки. Он распускал ремни. Страх и надежда боролись в Скире. Она поняла: Вурог Йан управлял хаканами, послав двоих в бой, а третьему приказав унести ее, Скиру, прочь. Она обругала себя за то, что упустила момент, когда монстры прислушивались к голосу шамана...

Необъяснимым образом это прибавило ей сил. Скира змеиным движением метнулась к хакану и шлепнула рукой с зажатым в кулаке кристаллом Траза по волосатой ручице чудовища. В то же самое мгновение она вложила всю силу воли, какой обладала (а она даже не представляла, какие силы в ней таятся!), чтобы вогнать в скудный умишко хакана одно-единственное послание.

СМЕРТЬ!

Хакан взревел и распрымился. Он вскинул руки и обхватил ими голову, глядя невидящими

глазами на звезды. Кровь брызнула из пасти, из глаз, из ушей. Чудовище задрожало всем телом.

Затем волосы на теле хакана начали дымиться. Густой жирный дым поднялся от тела. Хакан зашатался, упал. Дым стал гуще. Скира заметила, как волосы монстра чернеют и завиваются от жара, опадая пеплом. Ветер, который, казалось, исходил из внутренностей хакана, сдувал прочь этот пепел. Вонь усиливалась, в конце концов вынудив Скиру отвернуться. Запах был столь омерзителен, что девушка стала опасаться за свой желудок.

Издав горлом последний хриплый звук, хакан упал и замер. Дым продолжал подниматься над его телом. В этот момент Конан оказался возле носилок. Встав на колени, он рывком поднял Скиру на ноги. Она прижалась головой к его могучей груди, наслаждаясь этим счастьем: она больше не одна! При этом она благоразумно держала руку с кристаллом подальше от тела киммерийца.

Отступив от Конана, Скира увидела, что два других хакана тоже мертвы. Тела их были так истыканы копьями и стрелами, что напоминали гигантских ежей. Между чудовищами лежал бамульский воин. Голова его была повернута под неестественным углом, а одна рука вырвана из сустава.

— Я... благодарю тебя.

— Отца своего тоже поблагодари, — сказал Конан.

— Мой...

— Он проделал какую-то колдовскую штуку с этой проклятой статуей. А теперь, когда мы вырвали тебя из рук пиктов, он сделает что-нибудь еще, будь спокойна. — Конан схватил ее за руку, а затем резко отпрянул, коснувшись кристалла Траза.

— Прости, — сказала она. — Это... По-моему, я его разбудила.

— Для чего еще ты использовала этот кристалл, кроме как против хаканов?

— Навела злые чары на их хозяина, шамана Вурог Йана. Не знаю, удалось ли мне достать шамана через мозг хакана.

Осторожно, стараясь не прикасаться к кристаллу, Конан поднял Скиру и усадил ее на плечо.

— Расскажешь мне обо всем подробнее, когда поблизости не будет пиктов.

— Учи, ты сам попросил.

— Да. Хотя не слишком-то умно задавать много вопросов колдунье, особенно когда заранее знаешь, что ответ может тебе не понравиться.

В следующее мгновение Конан уже мчался по склону. За ним еле поспевали оставшиеся в живых бамула. На плече киммериец нес Скиру.

Конан пронес ее почти все расстояние до камней, прикрывающих вход в пещеру. Оказавшись вне опасности, он поставил ее на ноги и помчался назад, помогая остальным отступать.

Это было достаточно просто, ибо ни один пикт не осмеливался пробежать мимо статуи, чтобы приблизиться к пещере. Несколько упрямых лучников все еще продолжали пускать стрелы, но с ослепительными молниями, посыпаемыми статуей, им было не справиться.

Запах пота, прибавившийся к стоявшей вокруг удушливой серной вони и запаху паленого мяса, засвидетельствовал о приближении бамульского отряда. Если было темно, Конан ориентировался по обонянию. Киммериец как раз пропускал в пещеру последнего человека, когда новый взрыв пиктских воплей расколол наступившую тишину.

— Они что, так никогда и не отступятся от статуи? — поинтересовалась Вуона, пытаясь обхватить рукой Конана за талию. Киммериец заметил, что другую руку она обвила вокруг талии Говинду, который, впрочем, не протестовал.

— Нет, просто так они не сдадутся, — заметил Конан, мягко снимая руку женщины. — Лучше всего, если мы не будем стоять тут втроем, так близко друг к другу. Мы представляем отличную цель для пиктских лучников. Вполне возможно, что они не все стрелы выпустили в каменного болвана.

Судя по словам Скиры, пиктам вряд ли приходилось рассчитывать на собственную магию (по крайней мере, этой ночью). Прислушавшись к очередному взрыву пиктских воплей, Конан решил, что к противнику подошло свежее по-

полнение, так что магия, возможно, была им никаким.

Скира подобралась поближе к камням и прислушалась:

— Снова подошел клан Змеи. На этот раз со значительными силами. Хотя они и не атакуют. Я думаю... А вот. Слушайте сами.

Конан услышал какой-то особенный, странный, неравномерный барабанный бой. Пять или шесть инструментов били одновременно. Крики смолкли. Теперь ночь наполнял лишь грохот, испускаемый барабанами и статуей, продолжающей свой кровавый путь там, внизу.

— Это призыв к переговорам, — сказала Скира. — Думаю, что клан Змеи пообещает воинам клана Соры безопасный отход с этой территории в обмен на союз против нас.

Конан сплюнул:

— Гром бы разразил все эти пиктские интриги! И как ты думаешь, сумеют ли они договориться объединить усилия против нас, а возможно, и против статуи?

Скира ничего не ответила, только придвинулась ближе к киммерийцу. Однако в свете вспыхнувшей молнии он прочитал ответ на ее лице.

— Кром! Чтоб я в следующий раз полез через Ворота Зла за бабой! Да пропади они все пропадом! — Он посмотрел на Скиру: — Надеюсь, твой папаша понимает, что сейчас он наша единственная надежда?

— Он сделает все, что боги позволят ему сделать.

— Тогда нам остается надеяться на то, чтобы боги сегодня ночью явили ему и нам воистину божественную щедрость в этом попустительстве.

У Скиры сложилось впечатление, что в ее отсутствие Лизениус не сотворил никаких новых заклинаний, за исключением разве что заклинания, касающегося себя самого. Девушку не беспокоили сейчас ни чужие глаза, ни длинные языки. Ей не было дела до того, что станут болтать, когда она встретится с отцом. При ее появлении отец собрал остатки разума, какие еще сохранились в его мозгу, затуманенном магией, чтобы приветствовать дочь. Он нежно обнял Скиру, но она почувствовала, что тело его холодно, а руки и ноги дрожат.

— Я рассчитываю освободить нас от пиктов, — сказал Лизениус, — с помощью кристалла Траза...

— Если это поможет нам, я согласна. Но кристаллом должна воспользоваться я, — ответила Скира.

— Так ты продолжаешь утверждать, что это женская магия?

— Я соврала тебе в первый раз, когда сказала, что уверена в этом, — ответила она, с трудом глядя отцу в глаза. — Но теперь я и в самом деле уверена, что это правда. Если ты сам попытаешься воспользоваться кристаллом, ты можешь

умереть. А если и останешься в живых, то вряд ли заклинание сработает.

— Скира! Когда ты лжешь мне ради моего собственного блага, почему меня это не удивляет?

— Возможно, потому, что это не в первый раз. Правда, раньше это случалось по мелочам, — ответила Скира. Она подняла глаза, и сердце ее звонило. Она увидела скромную улыбку на лице отца.

— Если я не могу воспользоваться кристаллом, то мне придется найти какой-то другой способ подчинить себе статую. Но для этого мне понадобится кровь. И не просто кровь, а кровь воина.

Конан нахмурился. Это придало его и без того суровому лицу не просто угрожающее выражение. Оно стало страшным. Скира положила руку на плечо отца, как бы упрашивая еще больше не ухудшать ситуацию. Скира знала Лизениуса и знала Конана. Кроме того, мрачное выражение на лице гиганта киммерийца не сулило ничего хорошего.

— Так почему бы тебе попросту не попросить, скажем, моей крови? — произнес Конан удивительно ровным голосом. — Я думал, что чего-чего, а крови статуя получила предостаточно.

— Но не крови человека, у которого нет «голоса-призрака», — отозвался Лизениус. — Как бы то ни было, Конан, но я должен попросить у тебя

крови, а заодно взмолиться: не проливай в ответ мою кровь. Это не принесет тебе вреда. Разве что случайно.

— Похоже, колдовство всегда остается грязным делом. Что-то не приходилось мне встречать колдуна или колдунью, которые не лгали бы с удивительной легкостью, лишь бы спасти собственную задницу или добиться того, что им нужно. Скира, а ты что скажешь?

— Я не знаю, что на это сказать.

— Я не об этом. Своего отца ты знаешь лучше, чем я.

— Да, Скира, говори свободно.

— На твоем месте, Конан, я бы дала кровь.

Он кивнул, и Скира поняла, что этот кивок равнозначен торжественной клятве.

— Сколько?

Лизениус вытащил маленький серебряный кинжал:

— Столько, чтобы покрыть лезвие этого ножа. Но кровь должна быть из свежего пореза.

— Давай, Скира, валяй! Режь! — сказал Конан. — Но поторапливайся. Не забудь про пиктов. Эти дети греха могут сговориться в любой момент и напасть прежде, чем мы покончим со всем этим колдовским дерьямом.

Скира вытащила свой кинжал, проверила на ногте остроту, а затем полоснула киммерийца по руке, поверх царапин и мелких, уже заживших порезов, пересекая с полдюжины старых шрамов. Этот человек, вдруг поняла Скира, повидал

в жизни столько войн, участвовал в стольких битвах, сколько с лихвой хватит двоим, если не десятерым.

Потекла кровь, обычная человеческая кровь. Почему-то Скире думалось, что она должна быть зеленой или игристой, подобно некоторым немедийским винам. Или вообще какой-то необычной. Слишком уж странным, непохожим на обычных людей был гигант киммериец.

В тот краткий промежуток времени, что прошел между дачей крови колдунам для их колдовских фокусов и очередной стычкой с пиктами, Конан маялся. Все на свете он, наверное, отдал бы сейчас, чтобы упиться насмерть самым дрянным винищем в самой грязной таверне Аграпура. Но поскольку — увы! — это счастье было для него недоступно, Конан от нечего делать решил помочь колдуну. Трое из его людей уже умерли сегодня ночью. Если Соры со Змеями договорятся, то можно будет счесть большой удачей, коли посчастливится уйти, потеряв еще двух-трех человек.

Потеря толики крови, достаточной, чтобы покрыть лезвие кинжала, вряд ли могла считаться серьезной. В юности Конану приходилось терять примерно столько же всякий раз, когда кнут гулял по его спине.

Однако назвать свое истинное имя или отдать частицу своего тела колдунам означает дать им безраздельную власть над тобой. Остается наде-

яться, что Лизениусу не удастся обрести над ним эту власть. А может быть, если и удастся, он не станет ею пользоваться. Но здесь ни в чем нельзя быть уверенным.

В одном Конан не сомневался — в том, что сможет сразить и Лизениуса, и его ненаглядную доченьку, прежде чем эта парочка начнет превращать его в кого-нибудь. Его или кого-нибудь из бамула. Смерти от руки колдуна он, конечно же, предпочтет более чистую смерть от руки пиктов. Те, по крайней мере, были воинами.

Грохот пиктских барабанов донесся до пещеры. Прибежал Бовену сообщить, что пикты не отступают, но и не идут вперед. Похоже, они собрались в великом количестве в лесу у подножия холма.

— Восхитительно! — сказал Лизениус. — Чем больше их здесь сейчас, тем меньше их останется, когда мы отсюда выйдем.

Бовену перевел взгляд с Лизениуса на Конана, а затем сделал специально для киммерийца знак, принятый у бамула и указывающий на безумие. Конан пожал плечами и вернулся в ответ другой бамульский жест: «а, пущай!» Похоже, этот беззвучный диалог не способствовал поднятию боевого духа Бовену.

Скира наблюдала за этим представлением, изо всех сил сдерживая улыбку. Конан мрачно посмотрел на нее:

— Чему ты радуешься, женщина?

— Да уж, Скира, — встярал Лизениус, — храни величавость, пожалуйста. Тем, кому грозит скорая гибель, пристала величавость.

Конан не стал спрашивать, кому это надлежит вот-вот умереть. Ничего, скоро все выяснится.

Но не в его характере было сидеть и дожидаться, пока колдуны, называющие себя его друзьями, выиграют битву за него, Конана. Сама мысль сидеть и ждать неведомо чего была ненавистна киммерийцу. Эта последняя победа должна быть достигнута им самим. Во всяком случае, он должен приложить к ней руку. С его доброго аквилонского меча будет ручьями стекать пиктская кровь. С ЕГО меча, а не с кинжала колдуна.

Но командир прежде всего должен думать о тех, кто следует за ним. Часто нужды твоих подчиненных оказываютсяозвучны твоим собственным нуждам. И коль скоро эти люди доверились Конану, то он должен в первую очередь думать именно об их безопасности и об исполнении их желаний. Эту мудрость киммериец постигал в жестокой и грубой школе войны, равно как преподавали ему ее и другие, более цивилизованные учителя. И не последней среди них была Бэлит. Поэтому Конан решил: он будет сидеть и ждать, смиряя свой неистовый гнев. Пусть это и не доставит ему удовольствия.

Прошло много времени. Ничего не происходило — ни естественного, ни магического. Разве что барабаны пиков загрохотали еще громче.

Конан выпрямился. Это уже не было похоже на призыв к переговорам. Нет! Барабаны, похоже, подстегивали мужество воинов, готовя их к последней отчаянной атаке. Снаружи по-прежнему гремел гром и темноту равномерно освещали вспышки молний. И в пещере все так же струился колдовской свет. Статуя, похоже, не собиралась останавливаться. Достаточно пиктам обойти ее, и...

Воздух подернулся знакомой золотистой дымкой, и у входа образовалась золотая воронка, будто какой-то гигант высасывал воздух из пещеры. Поднялся страшный ветер, подхвативший Конана и понесший его к выходу. Киммериец отдался его воле — у него не было выбора. Гигантская сила варвара по сравнению с мощью этого потока была все равно что сила беспомощного младенца против взрослого мужчины.

Конан сильно ударился о камень, что был подле входа. На мгновение он испугался, что не сможет удержаться и ветер понесет его на открытый склон холма, навстречу пиктам. Но он сумел сесть, прислонясь спиной к камню, и стал смотреть, как из пещеры выносит бамульских воинов. Один за другим они вылетали из устья пещеры и либо находили, подобно Конану, укрытия и ниши, где и оставались, либо попадали в какие-то ямы и выбоины, где воздушный поток не мог их достать.

Киммериец не осмеливался пошевелиться, чтобы взглянуть, что происходит за камнями. Он

видел только, что золотой свет, казалось, поглотил колдовской голубой огонь, что даже ослепительные молнии, бьющие из статуи, потускнели в этом новом свете. Вход в пещеру напоминал теперь зев гигантского горна с расплавленным золотом.

Каждый из бамула почувствовал то мгновение, когда золотой ветер достиг пиктов. Никто и представить не мог, даже они сами, что подобные вопли могут исходить из человеческих глоток. А тут разом закричали сотни людей. Конан представил себе, как ветер рвет пиктов на части, разрывая их тела в клочья об острые камни, вырывая у них внутренности, волоча по земле, либо давит их, обрушивая на них деревья и булыжники. Но даже и в этом случае вряд ли бы они так вопили.

Впоследствии киммериец так и не смог сказать, сколь долго продолжался этот страшный крик. Мало-помалу золотой ветер стих и мрак вернулся ко входу в пещеру. Было даже темнее, чем прежде. Со стороны статуи не доносилось ни звука. Осторожно, будто кот, пробирающийся мимо свирепого цепного пса, Конан прокраляся дальше за камни, а затем выбрался на склон холма.

Небо посветлело. Близилось время рассвета. Когда глаза киммерийца привыкли к темноте, он обнаружил, что живых пиктов на склоне нет. Жертвы статуи по-прежнему лежали там, где упали. Теперь это были уже остывшие угли или

кучи пепла. Лишь брошенное оружие отмечало места, где находились живые дикари в тот момент, когда ударил золотой ветер. Сами пикты исчезли.

Исчезли, как исчез и здоровенный участок леса у подножия холма. Земля была взрыта, будто там прошел гигантский плуг. Острые глаза киммерийца различили зияющие дыры. Такие дыры могли остаться, если бы деревья толщиной в два обхвата и возрастом лет под сто были выдернуты из земли, будто морковки.

Если воины кланов Соры или Змеи были еще живы, то они либо бежали, либо... впрочем, это было маловероятно — залегли на новой кромке леса в ожидании. В последнем Конан сомневался. Сам он на их месте за все богатства мира не вернулся бы туда, где царил подобный кошмар. Но даже если там, на новой кромке леса, и были пикты, в любом случае вход в пещеру находился вне досягаемости их луков. Статуя осталась, но теперь она была неподвижна, как и подобает каменной статуе. О пикте, который отважится приблизиться к ней ночью, можно будет сказать только одно: чертовски отважный и настырный парень.

Конан оставил Говинду наблюдать за холмом, а сам пошел назад, в пещеру. Что-то удивительно тихо у Лизениуса со Скирой. Конан больше не опасался какого-нибудь коварства с их стороны. Напротив, теперь он боялся как раз обратного. Вдруг они мертвы и он так и не смо-

жет поблагодарить их? Если бы не колдун, не видать бы ни ему, ни бамула сегодняшнего рассвета.

Лизениус снова закашлялся. Скира смочила чистую тряпочку остатками воды и стерла кровь с его губ.

— Это... Из этого ничего... хорошего не вышло... Скира. Я слишком много... требовал... от этого старого тела.

— Отец, ты не стар!

— Сли... слишком поздно для лжи, — проговорил Лизениус. Его взгляд скользнул в сторону. Скира увидела, как тень упала на пол пещеры. Вошел Конан и опустился на колени рядом с его постелью:

— Спасибо тебе, Лизениус. Что ты сделал с пиктами?

— О... подхватил их и затащил... в Переместитель... Намного более мощный Переместитель... чем прежде. Все... они... исчезли.

— Тебе не нужно так много разговаривать, отец.

— Я... и не собираюсь. Будь... мудрее, чем был я.

Они ждали, что Лизениус скажет что-нибудь еще, но то были его последние слова. Вскоре Скира закрыла ему глаза и сложила руки у него на груди. Руки, чудовищно обожженные там, где кольца на пальцах вплывались в его плоть от монстризации.

— Скира, собирай все, что тебе потребуется, и будь готова. Скоро отправляемся. Мы оплачим твоего отца и проведем все ритуалы, какие нужно, когда будем вне досягаемости пиктов.

— Они не скоро сюда вернутся, Конан. — Скира встала и прижалась к нему. Его руки обхватили ее с неожиданной нежностью. Именно в этом она сейчас и нуждалась.

— Но они придут, — продолжала она, разговаривая наполовину с собой, наполовину с киммерийцем, в чью грудь сейчас уткнулась. — Ты еще не ушел из этой страны. Ты еще здесь. И Вуона, и раненые. Все вы пока еще здесь, в стране пиктов.

— Да, пока мы еще здесь. Но чем скорее мы уйдем отсюда, тем больше у нас шансов на успех. Ну же, Скира! Жаль будет, если получится так, что твой отец погиб напрасно.

— Жаль. Но я знаю, как можно избежнуть опасности. — Скира почувствовала, как тело Конана напряглось. — Все еще не веришь колдунам, даже теперь, а, Конан?

— Ночь была долгой, женщина. Если ты хочешь чего-то, говори быстрее.

— Я могу управлять Переместителем с помощью кристалла Траза. Я могу отправить тебя назад, в Черные Королевства. Прямо отсюда. Тебе даже идти никуда не придется.

— С пиктами вместе?.. Кстати, где они?

— Рассеяны по всему миру. Закинуты слишком далеко, чтобы когда-нибудь надеяться снова

увидеть свою родину. Так собирался сделать мой отец. Он и поступил согласно своему намерению. Что до меня, то я хочу увидеть, как вы безопасно добрались до дома!

— Черные Королевства? Не возражаю. Впрочем, я должен посоветоваться с бамула. Для них это куда важнее, чем для меня.

— Иди советуйся, а я пока все подготовлю.

Конан так и не выяснил впоследствии: либо бамула и в самом деле начали доверять Скире, либо пребывали в таком отчаянии, что готовы были на все, лишь бы вырваться из Дебрей Пиктов. Пусть даже для этого пришлось бы прокатиться на драконе. Так или иначе, но никто, даже Кубванде, не стал особенно протестовать против того, чтобы еще раз пройти сквозь Ворота Зла.

— Помните, держитесь меня, но попытайтесь очистить ваши головы от любых мыслей, — сказал Конан. — Скира говорит, что может отправить нас куда угодно. Для этого надо лишь нарисовать в уме образ местности. Из всего отряда делать это буду я один. Я представлю берег Афуи.

— Ты, смотри, представь правильно. А то у меня нет желания плавать среди крокодилов, — сказал Бовену.

— У меня тоже нет желания повторять эти подвиги, — заявил Конан. — А вообще, придержи язык. Сказано — представлю берег Афуи,

значит, представлю. И Переместитель доставит нас туда. И запомните, разрази вас боги: ежели кто из вас представит себе что-нибудь другое, так и окажется либо там, либо вовсе в Нигде... Или же убьет нас всех. Так что попробуйте ни о чем не думать. Даже о пиве, которым вы напретесь, как только окажетесь дома. Тогда...

Резкий скрежет камня о камень раздался в воздухе. Что-то замаячило у входа в пещеру. Затем тень пролегла по полу, залитому колдовским голубым сиянием. В проеме пещеры появилась статуя.

— Кром!

Каменный исполин шел медленно, будто человек — пьяный, усталый или больной, почти умирающий. Статуя потемнела, местами даже почернела — от магии Лизениуса и от выпитой крови. А еще у нее было новое лицо — то самое, которое Конан мог увидеть в любом зеркале.

Он и остальные бамула встали, прижавшись к стенам пещеры, в то время как статуя прошествовала мимо в сторону туннеля, уводящего в глубь скалы. Монстр не обратил на бамула никакого внимания, как, впрочем, и на Скиру, которая с криком метнулась, убираясь с его дороги. Девушка встала около киммерийца, который яростно посмотрел на нее. Только теперь Конан заметил, что стены пещеры были покрыты резьбой — стигийскими знаками.

— Это... Это не я, — выдавила Скира. — Статуя и ты. Твой дух укротил ее.

— Стало быть, треклятая стигийская магия навеки связала меня с этим каменным болваном?

— Этот каменный болван был доселе статуей могучего воина древности. Почему бы теперь тебе не быть навеки запечатленному в статуе самого могучего воина дня сегодняшнего?

Конан задумался. И в самом деле — почему? Кроме того, не похоже, чтобы Скира пыталась к нему подольститься.

После того как было принято решение уходить, Конан не видел причин кому-либо оставаться. Особенно здесь, в этом рассаднике магии. Магии страшной и, похоже, не очень-то подчиняющейся Скире.

— Пойдешь с нами? — начал было он.

Выражение ее глаз остановило его еще прежде, чем с ее губ сорвались слова:

— Я должна остаться здесь, чтобы поддерживать заклятие и управлять им до тех пор, пока вы безопасно не прибудете на место. А если я поступлю иначе, тогда действительно окажется, что мой отец отдал свою жизнь напрасно.

— Можешь ли ты последовать за нами потом или по крайней мере обеспечить себе безопасность?

— Когда я похороню отца и запру злую магию здесь, в пещере, я подумаю об этом.

— Упрямая женщина! — Он хотел подобрать какие-нибудь более резкие слова, но понял, что это бесполезно. Скиру не переубедишь.

— По-моему, ты так не думаешь.

Киммериец расхохотался:

— Хм. Будь Бэлит чем-то вроде ручного котенка, вряд ли я бы так по ней убивался. — Он звучно и смачно поцеловал Скиру. — Помни, что здесь, в этой глухи, тебе грозит остаться старой девой, Скира. Так что выбирайся отсюда, как только сможешь.

— Как только смогу — клянусь.

Скира сделала все как нельзя лучше. Золотой ветер закружился вокруг Конана и бамула, пещера исчезла, и, прежде чем кто-либо вспомнил, как кричали в страхе пикты, под ноги ударила твердая почва берега реки Афуи. Гром прокатился и затих. Головокружение медленно проходило. Бойцы Конана осматривались и видели, что все стало как прежде. Никто не потерялся в пути.

Никто — кроме Кубванде. Они обыскали берег вверх и вниз по течению, пока из деревни не прибежали люди и тут же помчались назад, только пятки засверкали, — они подумали, что встретили призраков. Люди Конана догнали беглецов и тут же самым убедительным образом доказали, что они не призраки. После чего и деревенских заставили искать Кубванде.

Кубванде разыскивали до заката солнца. Затем гостей увезли в деревню, где все воины до отказа набили животы кашей, жареным мясом и пивом. Платы с чернокожих бойцов никто не попросил. Да, впрочем, им и все равно нечего

было дать. Воины поклялись молчать о сокровищах до тех пор, пока отряд не вернется домой. Только после обильной трапезы Бовену подошел к Конану и признался:

— Я думаю, что Кубванде решил обставить нас всех и заявиться домой раньше остальных. По крайней мере, я слышал, что он собирался в момент переноса нарисовать у себя в голове образ Дома Советов.

— Болван! — выругался Конан. — Я же говорил, а мне говорила Скира...

— Да, но Кубванде всегда думал, что он умнее остальных. Он хотел войти в воронку Ворот Зла первым, а я шел бы за ним вторым. Но в последний момент я решил иначе. Я вошел первым, а он последним. Так что куда бы он ни попал, он попадет туда один.

Бовену отхлебнул еще пива и отошел. Мгновение спустя Вуона легко поднялась и последовала за ним. Говинду проводил ее взглядом:

— Я не хочу ее в жены.

— Тебя никто и не заставляет, — сказал Конан. — Возможно, тебе нужна не жена. Скорее, тебе нужно пиво.

Говинду отпил и поднял на Конана взгляд. Странно было видеть у юноши умудренные опытом глаза старика:

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь увидим Кубванде?

— Нет. Как и Скиру. Она — чтобы ей пусто было! — одна из тех немногих колдуний, кото-

рые достаточно честны, чтобы платить за свои собственные ошибки. А то, что было, было ее ошибкой. Хотя, возможно, все дело в ее отце. Он и заплатил сполна. Сейчас главное, чтобы она не взяла на себя ответственность за его смерть.

Конану редко приходилось видеть в чьих-либо глазах такое приятие смерти, какое он прочел, в последний раз заглянув в глаза Скиры.

— Честность в женшине подобна сильной воле, — заметил Говинду. Торжественно, будто храмовая статуя, он смотрел, как дым уходит, завиваясь, в отверстие в потолке хижины. — Честность, как и похоть, толкает женщин на причуды.

— Причуды, желания... Единственное мое желание сейчас — это пиво! И побольше!

— Я распоряжусь, чтобы принесли еще, — торжественно сказал Говинду. — Но не за просто так.

— Что?

— Ты должен позволить мне звать тебя Амрой.

Конан смотрел на дым. Воспоминания о Бэлит уже не причиняли боль, они легли глубоко в душу теплым комком — этакой странной смесью досады, горечи и полустертых временем кратких мгновений счастья. В звуках имени «Амра» больше не было ничего странного и чужого. А у этих чернокожих людей, оказывается, было свое понятие о чести. Они доказали это.

— Валяй.

Говинду не стал тратить времени. Вскочив на ноги, он выхватил у какой-то девушки кувшин с пивом и высоко поднял его над головой:

— Слушайте меня, воины, которые следовали за Конаном! Сегодня ночью и впредь мы будем звать его АМРА! Охбе Амра!

— Охбе Амра!

Другие воины подхватили эту песнь. Затем ее подхватили деревенские, сперва те, что были внутри хижин, за ними и те, кто находился снаружи. Песня ширилась и ширилась, пока, казалось, даже ночные джунгли не подхватили ее.

Конан смотрел на дым и видел темноволосую женщину, приветствующую другую, что выходила из теней. Конан подумал: интересно, что бы Бэлит сказала Скире? Впрочем, какая разница?.. Пиво-то опять кончается!

— ОХБЕ!

Эпилог

Дебри Пиктов, много лет спустя.

Мы слушали историю Василиоса, пока он не завершил ее. Тишина нарушалась лишь шумом дождя. Последние пиктские барабаны стихли. По всей видимости, барабанщики тоже укрывались где-то от дождя. Впрочем, нам так хотелось, чтобы они вообще куда-нибудь просто исчезли. Если закрыть глаза, то в тишине так легко было представить себе это.

— Откуда известно, что воин, возглавлявший демонолюдей, был именно Конаном? — спросил кто-то. Сперва мне показалось, что это спросил Сарабос, но Черный Дракон сидел неподвижно и молчаливо, сам как статуя.

Василиос пожал плечами:

— Моя мать говорила, что кое-кто из пиктов видел его. Он рассказывал, что пережил магию золотого свечения и Ворот Зла. Мало кто из

пиктов прожил столь долго, чтобы снова сражаться при Велитриуме и там уже узнать этого аквилонского полководца.

В самом деле, мало кто смог бы дотянуть до сегодняшних времен. Если даже не брать в расчет непрерывные войны, жизнь пикта всегда была трудной и короткой. А с тех пор как Аквилония начала наступления по Боссонским Пределам сюда в Дебри, жизнь пикта стала еще труднее. Кроме того, воспоминания могут с любым сыграть злую шутку, будь то хайбориец, стигиец или пикт.

Но все равно история от этого ничего не теряла.

Эта была не единственная история, которую мы слушали в течение двух дней, что провели в пещере. Заняться особо было нечем, разве что держать стражу на случай атак пиктов (впрочем, те так и не решились атаковать), а также исследовать пещеру, насколько позволяла наша веревка и скучный запас факелов. Кстати, мы нашли воду сразу же за тем помещением, где стояла статуя. После того как жажда наша была утолена, любопытство касательно того, что может еще находиться здесь, в чреве холма, пошло на убыль.

Куда больше интересовало нас, как скоро придет помошь. Несомненно, помошь должна была прийти, как только обнаружится, что мы не вернулись. Мы возносили молитвы богам, чтобы те, кто пошел выручать нас, отправились

в эту экспедицию хорошо подготовленными и не стали жертвами пиктов.

Был как раз полдень второго дня нашего пребывания здесь, когда мы вновь услышали пиктские барабаны. Затем барабаны стихли: Посыпались крики птиц и животных — пиктские воины передавали условными сигналами сообщения, а часовые сказали, что пиктов уже можно видеть. Они выходят на край леса (если рассказанная Василиосом история была правдой, то вторично лесной покров вырос здесь на диво быстро и густо).

Действия пиктов могли предвещать атаку. Было впечатление, что пикты решились нарушить табу. Впрочем, те, кто достаточно долго жил здесь, в глухи, и имел достаточный опыт войн с пиктами, говорили, что это больше похоже на то, что пикты собирают воинов для похода. И в самом деле, вскоре все звуки стихли, и снова воцарилась тишина. Часовые докладывали, что пикты исчезли.

Я как раз хотел выбраться наружу, чтобы убедиться в этом, когда тишину нарушили босонеские боевые рога. Еще три раза мы слышали их, и всякий раз они звучали ближе. Затем с полдюжины разведчиков в своих зеленых одеждах выехали из-за деревьев и стали подниматься по склону холма, к пещере.

Мы были спасены. Теперь, с учетом тех, кто пришел к нам на выручку, нас было триста человек — такой отряд пикты вряд ли решатся

атаковать в любое время года. Нам нужно было спешно отправляться дальше. Больше времени для исследования пещеры не было, даже несмотря на то, что спасатели привезли с собой много факелов. Впрочем, невозможность дальнейшего исследования пещеры не казалась нам великой потерей.

Загадкой было другое. Как командир форта Ньяро, который послал к нам спасательный отряд, узнал о том, что мы нуждаемся в помощи? Разведчики, сержанты и командиры — все в голос твердили одно и то же: прискакал вестник и сообщил, что наш отряд осажден пиктами в пещере, в месте, которое он так подробно описал, что его мог бы найти и ребенок.

Что самое интересное — никто этого посланника не видел. Некоторые говорили, что видели какого-то человека, который, может быть, и был этим посланником, но описания его внешности безбрежно расходились. Кроме того, все в голос говорили одно: посланник появился в первую ночь, когда зарядил дождь. А как раз в это время мы только-только обнаружили пещеру.

Что до почтовой птицы, то в такой дождь вряд ли какая-нибудь птица долетела бы до форта. А даже если бы она и смогла лететь, то вряд ли добралась бы до форта Ньяро так быстро. Никто и ничто из передвигающихся на ногах (по крайней мере, никакой человек) тоже, как вы понимаете, не мог доставить послание в форт Ньяро всего лишь за час.

В конце концов я вынужден был признать, что вопросов у меня куда больше, чем я могу получить ответов. Меня это уже начало беспокоить. Я решил больше не забивать голову себе и своим людям. Напоследок оставив своих людей готовить раненых и собирать припасы, я пошел назад, к статуе.

В помещении, где была статуя, находился уже Сарабос. Он сидел, скрестив ноги и глядя перед собой в пустоту. Я встал возле него, и прежде, чем мы нашли слова, чтобы заговорить, к нам присоединился Василиос.

— Ага... Я так и думал, что вы здесь, капитаны. Я слышал о посланнике, которого не было.

— Я думаю, чем меньше говорить об этом, тем лучше, — начал было я.

— Но, господин, это похоже на кота в мешке. Вытряхнуть кота проще, чем потом ловить и заталкивать снова. Да и стоит ли кот трудов, чтобы снова его туда засовывать?

— Пожалуй, да. Если проблемой считать труды по укорачиванию слишком длинных языков.

Мне хотелось побить одному, но Сарабос вдруг поднял руку:

— Дай ему выговорить, что у него на душе.

С Черным Драконом не спорят. Особенно с такой родословной, как у Сарабоса. Поэтому я сдался:

— Ладно, Василиос, говори, только кратко.

— Это не займет много времени. Главное — я не единственный, кто знает, кто был отцом ка-

питана Сарабоса. Другие тоже, может быть, хотели бы узнать. Но лично я не желаю тешить себя надеждами. Дело в том, что я сам не очень-то уверен касательно той части истории.

— Какой еще «той» части? — рыкнул я. — Ты что-то нам не рассказал?

— Ага. Там в истории было еще вот что. Эта статуя придет на помощь, когда воину родственной с ней крови она понадобится.

Я посмотрел на статую. Похоже, она как стояла, так и стоит. Да и возле пещеры не лежало никаких обугленных пиктских тел.

Впрочем, а какие следы я ищу, если все, что от статуи требовалось, — это послать сообщение, что Сарабос, сын Конана, нуждается в помощи? Разве то, что сделала статуя, — не помощь, как ни посмотри?

— Я еще раз повторяю то, что уже сказал: чем меньше будет об этом разговоров, тем лучше.

— В самом деле, — согласился, вставая, Сарабос. — В последние годы власть жрецов Митры возросла, а они магических штук не любят. Если пойдут слухи, нас наверняка попросят либо сбросить эту статую, либо перетащить ее отсюда в один из их храмов.

Вес статуи был равен весу двух или трех боевых коней. Мысль о том, чтобы переть на себе это тяжеленное чудовище через Дебри Пиктов, совершенно не радовала. Кроме того, культ Митры, особенно его жречество, — не люблю я его.

— Все это хорошо. А что, если пикты научатся управлять этой статуей? — спросил я.

— Если статуя связана определенной кровью, то только человек этой крови может управлять ею. Я и другие дети моей... этой крови. Включая Конана Второго, рачительного хозяина того, что он унаследовал. Которому, кстати, тоже может понадобиться помочь удержать то, что у него есть.

Мы смотрели то друг на друга, то на статую, застыв в темноте, освещаемые лишь свечой Сарабоса и моим факелом. Возможно, это было мерцание неверного света, но мне показалось вдруг, как лицо статуи изменило выражение. До этого лицо ее было угрюмым, будто хмурая маска. А теперь — я мог поклясться в этом! — на губах появилась сухая улыбка, сходная с той, что я так часто видел на губах отца Сарабоса — человека, имя которого мы не будем называть.

Для меня этого было достаточно.

— Повторяю, об этом следует молчать. Это наш долг перед Домом Конана.

— Наш долг, — повторили остальные. Лица их хранили непроницаемое выражение. Мы повернулись и пошли прочь от статуи, прочь из этого помещения, по туннелю, навстречу свету угасающего дня. Прочь из таинственной пещеры.

Оглавление

Пролог	5
Глава первая	20
Глава вторая	40
Глава третья	55
Глава четвертая	78
Глава пятая	94
Глава шестая	120
Глава седьмая	134
Глава восьмая	152
Глава девятая	176
Глава десятая	194
Интерлюдия	222
Глава одиннадцатая	227
Глава двенадцатая	240
Глава тринадцатая	259
Глава четырнадцатая	283
Глава пятнадцатая	304
Глава шестнадцатая	322
Глава семнадцатая	341
Глава восемнадцатая	362
Глава девятнадцатая	391
Эпилог	416

Грин Р.

Г85 Конан у Ворот Зла: Роман / Перевод с англ.
Е. Хаецкой. — СПб.: Терра—Азбука, 1996. —
432 с.

ISBN 5-7684-0009-5

В дебрях Черных Королевств вспыхнуло однажды зловещее сияние. Это открылась мрачная бездна — Ворота Зла. По воле безумного чародея из глубин преисподней под зеленые своды лесов шагнули невиданные чудовища. Чернокожие воины, волей случая угодившие в страшную ловушку колдовских Ворот, оказались за тысячи лиг от родных мест. Обычные лесные звери, пройдя сквозь Ворота, превратились в злобных монстров. Казалось, что вместе со свихнувшимся чародеем весь мир сошел с ума. Лишь отважному киммерийцу оказалось по силам разрушить чары и положить конец кровавой вакханалии бесконечных убийств, накрепко замкнуть черную бездну Ворот Зла.

*Литературно-художественное
издание*

Роланд Грин
КОНАН У ВОРОТ ЗЛА

Перевод с английского
Елены Хаецкой

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
*Алевтина Борисенкова,
Анастасия Келле-Пелле,
Анна Быстрова*

Верстка
Александра Балабанова

ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.11.95.
Формат 70×100¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура Таймс.
Тираж 20 000 экз. Усл. печ. л. 17,4.
Изд. № 9. Заказ № 1555.

Издательство «Азбука».
198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета Российской Федерации по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

РОБЕРТ ГОВАРД
КОНАН И ДРУГИЕ
БЕССМЕРТНЫЕ

УДАРОМ НА УДАР
ОТВЕТИТ ЖИЗНЬ,
НО ВНУКИ НЕ ЗАБУДУТ НАШИ ПЕСНИ...

Август Кляйн

К 90-летию со дня рождения
РОБЕРТА ГОВАРДА

В рамках серии САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ издательство АЗБУКА готовит к выходу в свет том произведений блистательного писателя Роберта Говарда "КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ". В книгу войдут ранее не публиковавшиеся повести и рассказы Мастера.

Читателей ждет встреча с любимым героем Говарда — непобедимым Конаном-киммерийцем. А также с отважным искателем приключений Соломоном Кейном; с варваром-северянином Ньёрдом; воителем из сумрачных джунглей Зембабве, свирепым чернокожим воином Канааном. И многими другими героями, созданными неудержной фантазией самого известного во всем мире фантаста.

Эта книга станет подлинным подарком всем, кто по-настоящему любит творчество Роберта Говарда. Тем более, что практически все произведения ВПЕРВЫЕ будут изданы на русском языке!

«Конан-клуб»
посвящает свой новый издательский проект
памяти Великого Мастера.
К 90-летию со дня рождения Роберта Говарда.

Юбилейный выпуск двенадцати томов
«Саги о Великом Воителе».

Вот полный список серии, которая выйдет в 1996 году:

1. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Солдат удачи».
2. Л. Спрэг де Камп, Л. Картер.
«Конан. Небесная Секира».
3. Л. Карпентер.
«Конан. Одипокий волк».
4. С. Перри.
«Конан. Меч на продажу».
5. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Рука Крома».
6. Л. Карпентер.
«Конан. В пустыне и джунглях».
7. Л. Карпентер.
«Конан. Путь воина».
8. Роберт Говард.
«Конан и другие Бессмертные». (Юбилейный том.)
9. Р. Грин.
«Конан. Дорога во мгле».
10. Э. Оффут.
«Конан. Убийца колдунов».
11. К. Вагнер, Б. Ниберг.
«Конан. Пепел империй».
12. Л. Спрэг де Камп, Р. Джордан.
«Конан. Колесо страданий».

**МАСТЕР, МЫ ПОМНИМ О ТЕБЕ!
КОНАН – ЖИВ!**

ЧИТАЙТЕ САМИ И НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ДРУЗЬЯХ!

По многочисленным просьбам читателей публикуем полный список книг о Конане в «Малой серии»:

ВЫШЛИ:

1. Конан идет по следу.
2. Конан против Звездного Братства.
3. Конан и Секира Света.
4. Конан Разрушитель.
5. Конан и Осквернители праха.
6. Конан и Живой Ветер.
7. Конан Изменник.
8. Конан и Огненный Зверь.
9. Конан в цитадели Мрака.
10. Конан и сокровища Пифона.
11. Конан и сердце Хаоса.
12. Конан не знающий страха.

ВЫЙДУТ:

13. Конан Гладиатор.
14. Конан Победитель.
15. Конан у Ворот Зла.

Всего в «Малой серии» выйдет 15 книг. Это романы, написанные в 1994—95 годах.

Только издательство АЗБУКА обладает исключительным правом на публикацию произведений о Конане-киммерийце.

Кто не с нами — тот против нас!



По многочисленным просьбам читателей издательство «Азбука» решило продолжить выпуск книг о дальнейших приключениях Героев Копья.

Любителей настоящего крутого фэнтези вновь ждут старые знакомые: могучий чародей Рейстлин и его брат, отважный воин Карамон; неунывающий плутишка-кендер Тассельхоф и угрюмый бородатый гном Флинт; красавица Крисания и несравненный витязь по прозвищу Речной Ветер.

Шесть разноцветных лун освещают дорогу неутомимым искателям приключений. Затерянный во времени и пространстве Кринн скрывает свои удивительные тайны.

Рубиновая гавань ожидает вторжения вражеских кораблей; зловеще мерцает Глаз Дракона; за поруганные честь и свободу сошлись в кровавой сече свирепые бойцы; гордые Соламнийские Рыцари острят клинки, чтобы отомстить за гибель братьев и сестер.

Обо всем этом и многом другом расскажет **«Сага о Копье»**.

STAR WARS

НАСТОЯЩИЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

Знаменитая киноэпопея Звездные Войны с триумфом обошла экраны всего мира и стала классикой кинематографа. Зрители, затаив дыхание, следили за борьбой Повстанцев с мрачным Императором. Новая Республика победила, имперский флот разбит, Темный Властитель погиб. Казалось бы, история Звездных Войн завершена...

Издательский проект НАСТОЯЩИЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ утверждает обратное: ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

Издательство «Азбука» совместно с корпорацией «Лукас Фильм» дарят читателям продолжение великолепной фантастической эпопеи.

Прошло пять лет со дня падения Звезды Смерти. Повстанцы строят новый, спокойный и справедливый мир. Но где-то далеко, на краю обитаемой Вселенной, собирает свои силы безжалостный Адмирал Траун. Остатки имперских гвардейцев выводят из тайных ангаров боевые дредноуты и штурмовики. Траун пытается раскрыть секрет Силы Джедаев и обратить его во зло.

Сериал НАСТОЯЩИЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ открывает трилогия американского фантаста Тимоти Зана (уже известного российскому читателю по книгам «Кобра», «Кобра-2», «Черный спецназ»):

НАСЛЕДНИК ИМПЕРИИ
ВОЗРОЖДЕНИЕ ТЬМЫ
ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ

НАДВИГАЕТСЯ **ПАНИКА**



Не верь ничему,
кроме своих тайных
страхов...

И на острове, так
похожем на Рай,
могут водиться
чудовища...

Они приходят
неслышно, даже
дыханием
не выдавая
присутствия
за спиной...

Не оглядывайся,
дай волю страху,
что разрывает тебя
изнутри, и станешь
участником
сложного античного
действа, которое
называется

ПАНИКА

Роман Александра Мазина.
Читайте в феврале

Чтобы получить подробную информацию о
КОНАН-КЛУБЕ, заполните анкету и пришлите
ее по адресу: 196105, Санкт-Петербург, а/я 195
КОНАН-КЛУБ издательства "АЗБУКА".

АНКЕТА

Да, я хочу стать членом КОНАН-КЛУБА.

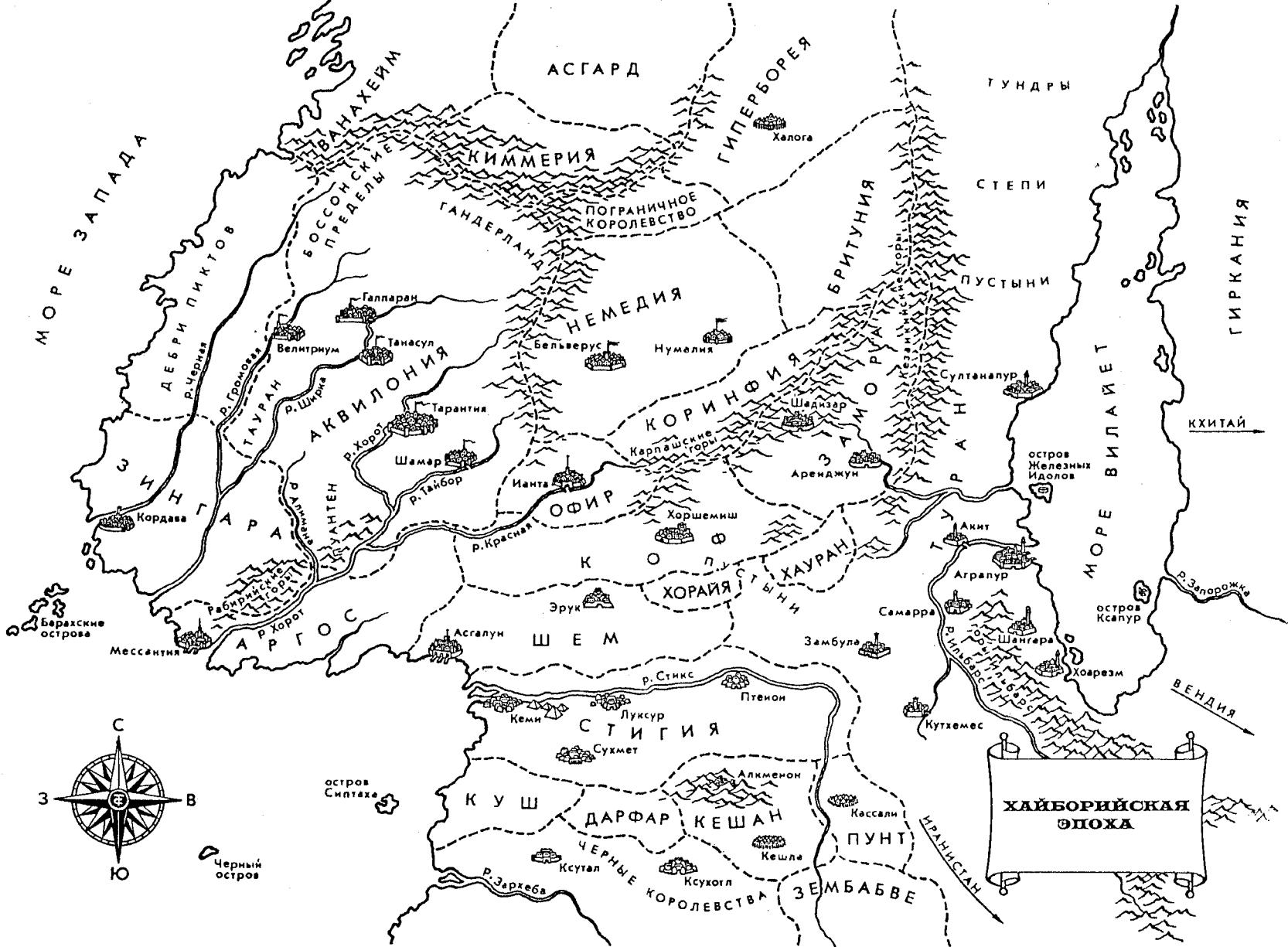
Меня зовут

Я проживаю по адресу:

<input type="text"/>
<input type="text"/>
<input type="text"/>
<input type="text"/>

**Пришлите мне подробную информацию
о правах и обязанностях
членов КОНАН-КЛУБА.**

Дата **Подпись**



CONAN

Киммерийцы не оплакивают умерших.

Но эта утрата

оказалась слишком горькой,

ведь он потерял Бэлит,

прославленную королеву пиратов.

Горе сделало его безрассудным, и он

приблизился к одному из самых

страшных чудес хайборийской эпохи.

На базарах в Кордаве и Галпаране

люди шептали друг другу с ужасом:

КОНАН

У ВОРОТ ЗЛА

CONAN - зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.